

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOSOPHY and PSYCHOLOGY

Издается с 2007 г.
(до 2017 г. – под названием
«Философия и социальные науки»)

Выходит три раза в год

3

2018

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Главный редактор**   **РУБАНОВ А. В.** – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: sociology@bsu.by
- Заместитель
главного
редактора**   **ЛЕГЧИЛИН А. А.** – кандидат философских наук, доцент; заместитель декана по научной работе, заведующий кафедрой философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: liahchylin@bsu.by
- Ответственный
секретарь**   **ДОБРОРОДНИЙ Д. Г.** – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: danila_dobr@mail.ru
- Агилера М.* Малагский университет, Малага, Испания.
- Андрющенко В. П.* Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова, Киев, Украина.
- Бабосов Е. М.* Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Безнюк Д. К.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Водопьянов П. А.* Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь.
- Вольферт П.* Билефельдский университет прикладных наук, Билефельд, Германия.
- Гигин В. Ф.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Данилов А. Н.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Журавлев А. Л.* Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия.
- Зеленков А. И.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Иванич П.* Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
- Карамушка Л. Н.* Институт психологии им. Г. С. Костюка Национальной академии педагогических наук Украины, Киев, Украина.
- Кирвель Ч. С.* Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
- Козловский В. В.* Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
- Королева И.* Институт философии и социологии Латвийского университета, Рига, Латвия.
- Косецки А.* Пултуская академия гуманитарных наук им. Александра Гейштора, Пултуск, Польша.
- Купченко В. Е.* Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия.
- Лазаревич А. А.* Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Лаптюнок А. С.* Институт социально-гуманитарного образования, Минск, Беларусь.
- Мазилев В. А.* Ярославский государственный педагогический университет, Ярославль, Россия.
- Новиков В. Т.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Порус В. Н.* Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
- Ротман Д. Г.* Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
- Румянцева Т. Г.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Слепович Е. С.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Стелинговска Б.* Естественно-гуманитарный университет, Седльце, Польша.
- Стёпин В. С.* Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия.
- Терещенко О. В.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Титаренко Л. Г.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Тощенко Ж. Т.* Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
- Фурманов И. А.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Шатравский С. И.* Институт теологии им. святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
- Якубовска В.* Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
- Янчук В. А.* Академия последипломого образования, Минск, Беларусь.
- Яскевич Я. С.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief RUBANAU A. V., doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: sociology@bsu.by

Deputy editor-in-chief LIAHCHYLIN A. A., PhD (philosophy), docent; deputy dean for scientific activity, head of the department of philosophy of culture of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: liahchylin@bsu.by

Executive secretary DABRARODNI D. G., PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: danila_dobr@mail.ru

- Aguilera M.* University of Malaga, Malaga, Spain.
Andryushchenko V. P. National Pedagogical M. P. Dragomanov University, Kyiv, Ukraine.
Babosov Y. M. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Beznyuk D. K. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Vodopyanov P. A. Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus.
Wolfert P. University of Applied Sciences, Bielefeld, Germany.
Hihin V. F. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Danilov A. N. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zhuravlev A. L. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Zelenkov A. I. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Ivanic P. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Karamushka L. M. N. S. Kostyuk Institute of Psychology of the National Academy of Educational Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Kirvel C. S. Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
Kozlovski V. V. Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
Koroleva I. Institute of Philosophy and Sociology of the University of Latvia, Riga, Latvia.
Kosecki A. Aleksander Gieysztor Academy of Humanities, Pułtusk, Poland.
Kupchenko V. E. Omsk F. M. Dostoevsky State University, Omsk, Russia.
Lazarevich A. A. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Laptenok A. S. Institute for Social and Humanities Education, Minsk, Belarus.
Mazilov V. A. Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia.
Novikov V. T. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Porus V. N. National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia.
Rotman D. H. Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Rumyantseva T. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Slepovich E. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Stelingowska B. Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland.
Stepin V. S. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Tereschenko O. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Titarenko L. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Fourmanov I. A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Shatrauski S. I. Institute of Theology named after Sts. Methodius and Cyrill of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Jakubovská V. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Yanchuk V. A. Academy of Post Graduate Education, Minsk, Belarus.
Yaskevich Y. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К. МАРКСА

TO THE 200th ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF K. MARX

УДК 316.42

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ В УЧЕНИИ КАРЛА МАРКСА

В. П. ПАШКОВ¹⁾

¹⁾*Институт аграрных проблем РАН, ул. Московская, 94, 410012, г. Саратов, Россия*

Рассматривается содержание понятия «производительные силы» в главном экономическом учении К. Маркса. Критикуется сложившийся в экономической науке подход к определениям производительных сил как к системе, совокупности, комплексу личных, субъективных (человек) и вещественных (средства производства) элементов. Подчеркивается, что «сила» является физическим понятием, входит в предмет теоретической физики. Утверждается, что производительная сила есть сила (без ее собственного определения) особенная, возникающая и действующая в сфере материального производства только при использовании рабочей силой средств производства. Сделан вывод о том, что определения в учебниках и научных работах производительной силы как орудия труда, средства производства являются ошибочными.

Ключевые слова: производительные силы; понятие; формы; труд; орудия; взаимодействие.

PRODUCTIVE FORCES IN KARL MARX TEACHING

V. P. PASHKOV^a

^a*Institute of Agrarian Problems, Russian Academy of Sciences, 94 Moskovskaya Street, Saratov 410012, Russia*

The article deals with the content of the concept of productive forces in the main economic doctrine of K. Marx. The author criticizes the approach to its definitions as «system», «totality», «complex» of personal, subjective (human) and material (means of production) elements developed in economics. It is emphasized that the concept of force is a physical concept, it is included in the subject of theoretical physics. Productive force is a force (without its own definition) special, arising and operating in the sphere of material production only when the means of production are used by the working force. Definitions in textbooks, scientific papers that productive forces are tools of labour, means of production are erroneous.

Key words: productive forces; concept; forms; labour; tools; interaction.

Образец цитирования:

Пашков В.П. Производительные силы в учении Карла Маркса. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2018;3:4–8.

For citation:

Pashkov V.P. Productive forces in Karl Marx teaching. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2018;3:4–8. Russian.

Автор:

Владимир Петрович Пашков – кандидат экономических наук; ведущий научный сотрудник.

Author:

Vladimir P. Pashkov, PhD (economics); leading researcher. vladim.pashkov2011@yandex.ru

В классической экономической теории производительные силы занимают важнейшее место, они являются ведущей составляющей способа производства, основой экономического развития общества. В классической науке сделан вывод о том, что каждой исторической ступени развития производительных сил соответствуют определенные производственные отношения, выступающие в качестве общественной формы движения данных сил. Процесс общественного развития предстает как рост и разрешение противоречий между созданными ранее производительными силами и существующими в настоящее время производственными отношениями. Отношения из форм развития производительных сил трансформируются в оковы последних. В этом случае наступает эпоха социально-экономических эволюционных или революционных преобразований. Далее следует переворот в экономической структуре общества, в надстройке правовых и политических отношений.

В классической науке сделан вывод о том, что уровень развития используемых орудий производства служит мерилем уровня развития общественного производства. Поэтому экономические эпохи различаются менее всего производимыми продуктами, а более всего орудиями производства. Классические взгляды говорят о том, что средства производства существуют сами по себе, вне их использования рабочей силой или вне их соединения с последней и представляют лишь простые вещи. Главная в производстве – рабочая сила, которая представляет собой способность человека к труду. Силы производителя зависят от умения, приобретенных навыков, производственного опыта. Рабочая сила приводит в движение орудия и предметы производства. С эволюцией орудий производства развивается и способность человека к труду.

Все это известно теоретикам политической экономии. Однако, по нашему мнению, в данной области в частности и в обществоведении в целом сложилось мнение о содержании понятия «производительные силы», противоречащее представлениям К. Маркса и Ф. Энгельса, т. е. по существу ошибочное.

В первом советском учебнике по политической экономии, вышедшем в 1954 г. под редакцией академика АН СССР К. В. Островитянова, производительным силам было дано следующее определение: «Орудия производства, при помощи которых производятся материальные блага, люди, приводящие в движение эти орудия и осуществляющие производство материальных благ благодаря известному производственному опыту и навыкам к труду, составляют производительные силы общества» [1, с. 3]. В этом отрывке, если анализировать его строго логически, нет определения. Фраза *орудия... и люди... составляют производительные силы* не является определением понятия. Строго научное определение должно начинаться с выведения ви-

догового из родового, включая в себя перечисление первичных и вторичных признаков. Например, определение, данное собаке, должно содержать утверждение о том, что это особое животное с определенными дополнительными признаками. В нашем случае следовало бы говорить о том, что производительные силы есть некий объект с определенными признаками. Например, *производительными силами являются орудия и люди*. В советском учебнике сделана инверсия: *орудия и люди составляют производительные силы*. В данном случае написано *составляют*, а не *являются*. Оценка по признаку *являются* качественная, а по признаку *составляют* количественная. Теоретическое определение должно начинаться с качественной оценки.

Определение того, чем сама по себе является отдельная производительная сила, в учебнике отсутствует.

В других научных работах авторы стали выражать производительные силы через *систему, совокупность* и даже *комплекс* различных элементов, средств и предметов труда. Прочитаем некоторые из них. В советском философском энциклопедическом словаре 1989 г. написано: «Производительные силы – система субъективных (человек) и вещественных (техника) элементов, осуществляющих “обмен веществ” между обществом и природой в процессе общественного производства» [2, с. 514]. Ни человек, ни техника в определении не отнесены по отдельности либо вместе к производительным силам. В данном случае уже не используется логическая инверсия, и определение *производительные силы – это есть...* Однако далее возникает логический тупик: *производительные силы – это есть система... элементов*. Однако что такое система? Это качественная или количественная характеристика? Можно ли говорить о том, что сила движения воздуха или сила течения воды есть «система элементов» воздуха или воды? К тому же в указанном случае в парную связь единства противоположностей поставлены далеко не противоположности, т. е. ошибочно определенные противоположности. Так, противоположностью субъективного является объективное, а противоположностью вещественного является невещественное, а в данном контексте – духовное. Техника является вещественным элементом, но невещественное не является техникой. Диалектика соотношения общего и особенного говорит: «собака есть животное, но животное не есть собака».

Человек со стороны физического строения также представляет собой нечто вещественное, поскольку его кости и мускулы есть определенные вещества. Человек является носителем субъективного, но это не может стать основанием для его отождествления с субъективным.

Нечто схожее содержится и в специальном теоретическом советском четырехтомном труде «Эко-

номическая энциклопедия. Политическая экономия», вышедшем в 1979 г. Соответствующая статья в третьем томе гласит: «Производительные силы – система личных, субъективных (человек) и технических (предметных) элементов, осуществляющих “обмен веществ” между человеком и природой в процессе общественного производства» [3, с. 357–358]. В данном случае перечисляются следующие элементы:

- личные;
- субъективные;
- технические.

Вводится новый элемент – *личные* элементы, который ставится на первое место. Предполагается, что эти элементы отличаются от субъективных. Однако в чем состоит это отличие? Ответа не дается.

Ближе и точнее всех исследователей к пониманию производительных сил, соответствующему представлению о них К. Маркса и Ф. Энгельса, приблизился Г. А. Багатурия. Он указывал на необходимость подойти к осмыслению производительных сил именно как определенных или особых сил. В своей статье он писал: «Понятие “производительные силы” можно рассмотреть как концентрацию понятия “сила” <...> Ф. Энгельс говорит, что понятие силы возникло из наблюдения над деятельностью человека, его воздействия на внешний мир, что сила – это активная сторона, причина движения, что сила и движение в известном смысле однопорядковые понятия» [4, с. 105–106].

Этот аспект понимания производительных сил именно как *сил движения* чрезвычайно важен, поскольку без такого подхода невозможно даже приблизиться к пониманию категории «производительные силы» соответствующему представлению К. Маркса и Ф. Энгельса.

Прошло 150 лет со времени выхода 18 сентября 1867 г. первого тома «Капитала» К. Маркса. Труд вышел в Гамбурге на немецком языке, на котором были написаны все три тома.

Сегодня «Капитал» переведен почти на 70 языков. Передать все богатство содержания этой работы по сей день остается сложнейшей задачей для любого переводчика, требующей не только филологической подготовки, но и знания предмета [5, с. 80].

В последующем на немецком языке вышли еще три издания первого тома под редакцией Ф. Энгельса. Это издания 1872, 1883 и 1890 гг.

Крупный специалист по исследованию изданий произведений К. Маркса и Ф. Энгельса Л. Л. Васина считает: «Издание трех томов “Капитала” в томах 23–25 второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, вышедших в начале 1960-х годов, вообрало весь опыт предшествующих изданий “Капитала”» [5, с. 85].

Это лучшее издание труда, по которому он воспроизводится до настоящего времени без правок и каких-либо изменений. Важно то, что в этом случае «Капитал» представлен в переводе на русский язык с немецкого, т. е. переводилось оригинальное издание.

При жизни К. Маркса «Капитал» издавался и на других языках. Издания, которые просматривал сам К. Маркс, – это четыре немецкие книги, одна русская книга, вышедшая немногим позже, и после одна французская. Английское издание вышло уже после смерти К. Маркса, но под редакцией Ф. Энгельса.

Прошло 150 лет со дня выхода первого тома «Капитала». Однако обществоведение во всех его отраслевых направлениях по теме научного определения производительных сил зашло в тупик.

Западная неоклассическая экономическая теория во всех ее школах отказалась от методологии, используемой в классической экономической теории. Она отказалась от формационного подхода к исследованию экономического развития общества, в основе которого лежит учение о производительных силах. Сегодня в работах неоклассиков понятие «производительные силы» отсутствует, исключено и не используется. Так, в широко известном в мире толковом словаре «Словарь современной экономической теории Макмиллана»¹ перечисляется множество понятий на тему производства. В нем раскрывается содержание понятий «факторы производства», «производительность», «производственная функция» и схожих других. Однако понятие «производительные силы» ни в одной статье не используется и даже нигде не упоминается, словно такие силы в природе вовсе отсутствуют.

Что есть «производительная сила»? Трудно ответить на этот вопрос. Одна из причин состоит в казусе науки: вся историческая мысль физики и сегодня не дала определения силы. Более того, современная теоретическая физика отказалась от употребления понятия «сила» и заменила его понятием «взаимодействие».

Силы возникают в процессе движения частей и частиц материи. Однако сами по себе эти части и частицы не являются силами.

В первом английском издании первого тома «Капитала» под редакцией Ф. Энгельса (1887) написано: *capacity for labour or labour-power* [6, с. 119]. Во всех изданиях этого труда на русском языке данные слова переводятся как *способность к труду или рабочая сила*.

Однако К. Маркс в трех томах «Капитала» использует термин *power*, а не *force*. Перевод слова *power* на русский – *мощь*. Слова *мощность труда* сопрягаются со словами *трудовая мощь*.

¹Словарь современной экономической теории Макмиллана : пер. с англ. / под ред. А. Г. Пивоварова, В. С. Автономова, Д. У. Пирса. Москва : Весь мир, 1997.

Очень важно и то, что К. Маркс ни разу в оригинальном издании не использует термины *working force*, т. е. *рабочая сила*. Слова *рабочая сила* прямо переводятся на английский как *working force*. Английское слово *labour* на русский переводится как *труд*, а слово *labourer* – как *трудящийся*. Это значит, что К. Маркс использует понятие *трудовая сила* и не использует понятие *рабочая сила*. Заметим, что в научных работах, учебниках, издаваемых в России на английском языке, широко используется термин *рабочая сила*, который переводится чаще как *working force* и иногда как *labour force*, но при этом всегда используется термин *force*, но не *power*, как у К. Маркса. Термин *force* К. Маркс ни в «Капитале», ни в других своих работах после 1847 г. не использовал.

Термин «производительные силы» переводится на английский как *productive forces*. Однако исследование трех томов «Капитала» говорит о том, что ни в одной главе, ни в одном разделе этого произведения нет таких терминов.

Слово *force* К. Маркс использовал однажды, но в другом контексте. Так, в написанном автором на английском языке в Лондоне в 1867 г. предисловии к первому немецкому изданию первого тома «Капитала», который был издан в том же году в Гамбурге, К. Маркс слово *сила* пишет как *force*: *the force of abstraction*, т. е. *сила абстракции*, но не *работы*. Понятие *сила* имеет право на существование, однако его необходимо отличать от схожих, но все-таки других понятий.

Поводом к использованию термина *сила*, по нашему мнению, стало следующее высказывание самого К. Маркса в его ранней работе «Нищета философии», являющейся ответом на работу П.-Ж. Прудона «Философия нищеты»: *Machinery is no more an economic category than the bullock that drags the plough. Machinery is merely a productive force* (выделено нами. – В. П.). *The modern Workshop, which depends on the application of machinery, is a social production relation, an economic category.*

Советский переводчик «Капитала» И. И. Скворцов-Степанов перевел этот фрагмент так: «Машина столь же мало является экономической категорией, как и бык, который тащит плуг. Машина – это только производительная сила. Современная же фабрика, основанная на употреблении машин, есть общественное отношение производства, экономическая категория» [7, с. 152]. Современный онлайн-переводчик² вышеуказанную фразу перевел следующим образом: «Машина – это всего лишь производительная сила. Современный *Workshop*, который зависит от применения техники, является социальным производственным отношением, экономической категорией». Различие в двух переводах не существенно.

По нашему мнению, К. Маркс устанавливает всего лишь наличие связи одного явления с другим.

Понимать автора следует так: машина как-то связана с производительной силой, но никак не связана с производственным отношением, а современная фабрика прямо связана с социальным производственным отношением, но никак не связана с производительной силой. К. Маркс не писал: «Машина – это есть производительная сила». С позиций логики науки слова «это есть» прямо указывают на попытку дать термину строго научное определение. Однако в приведенном случае нет указанных двух слов. В связи с этим неправомерно понимать приведенные слова К. Маркса так, будто машина того времени является производительной силой. Разве «машина» и «производительная сила» – это одно и то же? Тогда зачем использовать два различных слова с одним смыслом? Разве «топор» и «производительная сила» – также одно и то же?

Итак, термин *productive forces* или *производительные силы* К. Маркс использовал лишь в ранних работах, во времена, предшествующие периоду глубокого изучения политической экономии.

Производительные силы могут возникать из создания и использования таких возможных общественных форм, как разделение труда, разделение производства, кооперация, наука. Строго методологически неправомерно говорить о том, что перечисленные формы сами по себе являются производительными силами, правомерно говорить: **производительные силы лишь возникают из создания и использования перечисленных и других возможных подобных общественных форм.**

Лопата, плуг или топор не являются ни силами в общем, ни производительными силами в частности. Это простейшие орудия труда, но при их целенаправленном надлежащем использовании могут взамен старых, от использования пальцев рук, возникнуть новые производительные силы. Однако ненадлежащее использование орудий неподготовленными пользователями может привести к снижению производительной силы трудящегося.

Следовательно, возможно логически констатировать существование пары однопорядковых и противоположных друг другу явлений и понятий: *производительные силы* и *разрушительные силы*.

При жизни К. Маркса наивысшими производительными силами были те, что люди получили на основе использования паровых машин. Лишь паровая машина в ее составных частях и с ее экономической ролью описана в «Капитале».

Однако в последней четверти XIX в. в развитых странах мира произошла техническая революция. Она началась с открытия электричества, затем был создан телеграф, телефон и радио, что привело к информационной революции, в том числе и в сферах информации и мировой экономики. Использование электричества расширялось. Сначала оно использовалось как освещение мест производства продукции промышленности. Произ-

²Яндекс. Переводчик [Электронный ресурс]. URL: <https://translate.yandex.by> (дата обращения: 03.04.2018).

водство ламп накаливания, после их изобретения в 1870-х гг. русским электротехником А. Н. Лодыгиным, росло. В дальнейшем электричество использовалось в средствах для передачи информации (телеграф, телефон, радио), а также в механических средствах движения (электродвигатель).

Ранее для обеспечения безопасности мореплавания использовались такие средства, как дымовые сигналы, маяки, семафоры. Башни должны были располагаться на расстоянии 30 км друг от друга. Это было дорого для их широкого использования в целях развития торговли и обмена информацией. Использование электрического телеграфа позволило ускорить передачу рыночной информации, снизить стоимость отправки сообщений в десятки раз. Причем телеграф можно было использовать в любое время суток, независимо от погоды.

Расширилось и использование телефона. Начали устанавливаться проводные связи между странами. Так, в 1870 г. был проложен кабель в Африку, что позволило установить прямую телеграфную связь Лондон – Бомбей (через релейную станцию в Египте и на Мальте). А 31 декабря 1898 г. открылась телефонная линия Москва – Петербург.

В 1880–90-х гг. стали возникать предпосылки и для создания радио. Звание изобретателя первого радио досталось русскому физику, электротехнику А. С. Попову. На заседании Русского физико-химического общества 7 мая 1895 г. А. С. Попов продемонстрировал прибор, который считается первым в мире радиоприемным устройством. Радио пришло на смену беспроводному телеграфу.

Новейшие средства связи дали толчок развитию рынков во многих странах мира, в том числе и в Азии. Это способствовало развитию конкуренции. На спрос и предложение на рынках и биржах Азии влияли данные, получаемые несколько раз в день с рынков и бирж Европы.

Техническая революция с созданием электричества, а затем телеграфа, телефона и радио привела не только к определенному упорядочиванию мировых рыночных экономических отношений, но и к новому этапу развития производительных сил. Производители разных стран стали быстро узнавать о научно-технологических работах и достижениях друг друга, это способствовало широкому распространению новых машин и двигателей. На смену старым паровым машинам пришли двигатели внутреннего сгорания и электродвигатели. Эти новейшие средства производства К. Маркс не мог проанализировать.

В качестве итогов приведем следующие взгляды. Наука в отраслях физики, химии, математики не выработала качественного, т. е. теоретического, определения явлению «сила». Вопрос: «Что есть сила?» – вообще не находит ответа.

Мы ограничиваемся выводом о том, что производительная сила есть сила (без ее собственного определения) особенная, возникающая и действующая в сфере материального производства только в процессе использовании средств производства рабочей силой. Вне использования средств производства производительные силы сами по себе не возникают.

Библиографические ссылки

1. Островитянов КВ, Шипилов ДТ, Леонтьев ЛА, Лаптев ИД, Кузьминов ИИ, Гатовский ЛМ и др. *Политическая экономия*. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1954. 455 с.
2. Ильичёв ЛФ, Федосеев ПН, Ковалев СМ, Панов ВГ, редакторы. *Философский энциклопедический словарь*. 2-е издание. Москва: Советская энциклопедия; 1989. 815 с.
3. Румянцев АМ, редактор. *Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Том 3*. Москва: Советская энциклопедия; 1979. 624 с.
4. Багатурия ГА. Категория производительные силы в теоретическом наследии Маркса и Энгельса. *Вопросы философии*. 1981;9:105–106.
5. Васина ЛЛ. «Капитал» К. Маркса в исторической ретроспективе. *Вопросы политической экономии*. 2017;3:79–91.
6. Marx K. *Capital. A Critique of Political Economy. Volume I. Book One: The Process of Production of Capital*. Engels F, editor. Moscow: Progress Publishers; 1986.
7. Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 4*. 2-е издание. Степанова ЕА, редактор. Москва: Издательство политической литературы; 1960. 152 с.

References

1. Ostrovityanov KV, Shipilov DT, Leont'ev LA, Laptev ID, Kuz'minov II, Gatovskii LM, et al. *Politicheskaya ekonomiya* [Political economy]. Moscow: State publishing house of political literature; 1954. 455 p. Russian.
2. Il'ichev LF, Fedoseev PN, Kovalev SM, Panov VG, editors. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical encyclopedic dictionary]. 2nd edition. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; 1989. 815 p. Russian.
3. Rumyantsev AM, editor. *Ekonomicheskaya entsiklopediya. Politicheskaya ekonomiya. Tom 3* [Economic Encyclopedia. Political economy. Volume 3]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; 1979. 624 p. Russian.
4. Bagaturia GA. [The category of productive forces in the theoretical legacy of Marx and Engels]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 1981;9:105–106. Russian.
5. Vasina LL. «Capital» by K. Marx in a historical retrospective. *Voprosy politicheskoi ekonomii* [Political economy issues]. 2017;3:79–91. Russian.
6. Marx K. *Capital. A Critique of Political Economy. Volume I. Book one: The Process of Production of Capital*. Engels F, editor. Moscow: Progress Publishers; 1986.
7. Marx K. [The Poverty of philosophy. Response to Mr. Prudon's «Philosophy of poverty»]. In: Marx K, Engels F. *Sochine-niya. Tom 4* [Composition. Volume 4]. 2nd edition. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1960. 152 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 02.05.2018.
Received by editorial board 02.05.2018.

УДК 141.82:316.343:316.32

ПОСТКОММУНИЗМ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МАРКСИСТСКОЙ ТРАДИЦИИ

В. А. ГУТОРОВ¹⁾

¹⁾Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская набережная, 7–9, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия

Рассматриваются актуальные аспекты интерпретации марксистской традиции в посткоммунистическом политико-философском дискурсе. Отмечается, что многие из возникших идей, которые с 1990-х гг. стали достоянием новой социальной философии посткоммунизма, имели важное значение для разработки как не лишенных идеологической ангажированности принципов анализа, так и основных векторов политики. При этом философы и ученые, обращавшиеся к ревизии истоков социальной философии марксизма, нередко и весьма настойчиво стремились обосновать идеи, возникшие еще в 1920-е гг. (Н. А. Бердяев, К. Манхейм и др.).

Ключевые слова: марксизм; посткоммунизм; социальная философия; политическая идеология; историческая традиция.

POST-COMMUNISM AND SOME PROBLEMS OF INTERPRETATION OF THE MARXIST TRADITION

V. A. GUTOROV^a

^aSaint Petersburg State University,
7–9 Universitetskaya naberezhnaya, Saint Petersburg 199034, Russia

The article examines the actual aspects of the interpretation of the Marxist tradition in post-communist political and philosophical discourse. It is noted that from the 1990s many of the emerging ideas, which became the property of a new social philosophy of post-communism, were of great importance both for the development of principles of analysis that are not devoid of ideological bias and for the main vectors of politics. At the same time, philosophers and scholars who turned to the revision of the origins of the social philosophy of Marxism, quite often and very persistently tried to justify the ideas that arose in the 1920s (N. A. Berdyaev, K. Manheim and others).

Key words: Marxism; post-communism; social philosophy; political ideology; historical tradition.

Пересмотр наследия К. Маркса в посткоммунистический период истории стран Центральной и Восточной Европы, а в дальнейшем и России, изначально становится важнейшей составной частью трансформации идеологического дискурса, в структуре которого интеллектуальное мифотворчество играло весьма существенную роль. Х. Видра в предисловии к сборнику статей с характерным

названием «Демократия и миф в России и Восточной Европе» справедливо отмечал: «В то время как Россия до 1917 г. создала “бутафорский конституционализм”, Восточная Европа видела неудавшиеся демократические эксперименты. Коммунистическая власть в России и Восточной Европе после 1945 г. полагалась на конституционные мифы, культ личности и догматический марксизм-ленинизм,

---

Образец цитирования:

Гуторов ВА. Посткоммунизм и некоторые проблемы интерпретации марксистской традиции. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2018;3:9–15.

For citation:

Gutorov VA. Post-communism and some problems of interpretation of the marxist tradition. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2018;3:9–15. Russian.

Автор:

Владимир Александрович Гуторов – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии.

Author:

Vladimir A. Gutorov, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of theory and philosophy of politics, faculty of political science.
gut-50@mail.ru

а равным образом и на эсхатологический миф о переходе к коммунизму. Соответствующая литература о демократизации в посткоммунистической Восточной Европе не только скрывала этот парадокс, но и использовала его в целях навязывания программы истины. Демократия была сведена к институционализации, основанной на интересах партийной политики, руководимой интересами и знаниями просвещенных элит, которые смастерят, разовьют и консолидируют демократию. <...> В условиях отсутствия при коммунизме класса частных собственников в Центральной Европе другая социальная страта – культурная буржуазия (*Bildungsbürgertum*) – возложила на себя историческую миссию строительства капиталистического экономического порядка. Капитализм вступил в Восточную Европу не через профессиональную элиту, но опираясь на гуманистически ориентированных интеллектуалов¹ [1, р. 2].

Нелишним будет вспомнить, что многие исходные идеи о природе посткоммунизма и причинах «системного провала» социализма в конце XX в. приходили в Россию с Запада, формируя основные линии интерпретаций нашего недавнего прошлого [2]. Истоки данной традиции восходят к теоретическим дискуссиям и идеологическим спорам, возникшим после Второй мировой войны. Вторая половина XX в. отмечена поразительными перепадами общественного сознания. Победа над фашизмом, вызвавшая всеобщую эйфорию, породила надежду на окончание идеологической и политической конфронтации коммунизма и социализма. Однако с началом холодной войны эсхатологические ожидания довольно быстро трансформировались в уже давно ставшие традиционными шпенгерианские предчувствия «заката Европы» и всей западной цивилизации. Характер, тональность, векторная направленность и временная последовательность интеллектуальных трансформаций такого рода постоянно варьировались и нередко определялись чисто индивидуальными изменениями настроений и предпочтений того или иного теоретика. Например, Питирим Сорокин, который в 1941 г. в работе «Кризис нашей эпохи» утверждал, что «процветание и благосостояние становятся во многих странах только достоянием памяти, свобода – только мифом; западная культура покрывается мраком» и «гигантский торнадо пронесется над всем человечеством», окончательно сметая всякие надежды на «однолинейный прогресс» [3, р. 14–15], уже в 1944 г., накануне победы во Второй мировой войне, в книге «Россия и Соединенные Штаты» выдвинул крайне оптимистичный прогноз, в соответствии с которым «американский капитализм и русский коммунизм в настоящее время являются не более чем призраками своего недавнего про-

шлого», постепенно превращаясь в «общество интегрального типа» (см. [4]).

Подобные моменты анализа глобальных тенденций современности в социологической литературе того времени, конечно, не были случайными. Как справедливо отмечал С. Фуллер, «главное устремление социологии и социальных наук в целом состояло в том, чтобы со всей полнотой способствовать реализации обещания Просвещения XVIII в. “создать рай на земле”» [5, р. 1]. В чисто научном плане это устремление выражалось «в систематической секуляризации и обнаучивании (ориг. *scientization*. – В. Г.) монотеизма, способствовавших усилению привилегированного положения человеческих существ, сотворенных по образу и подобию Бога» [5, р. 1]. Такому пониманию социальными науками на Западе собственной миссии (в предельно идеологизированных общественных науках в советской России, а в послевоенный период и в странах «народной демократии», коммунистическая утопия «земного рая» была исходной точкой практически любого теоретизирования) помогало и то обстоятельство, что после Второй мировой войны возникает тенденция к формированию структуры «государства всеобщего благоденствия», которая способствовала «установлению равновесия между капиталистическими и социалистическими эксцессами даже среди таких наций, как Великобритания и США, отличавшихся сильными либертарианскими традициями» [5, р. 3]. Как непосредственное следствие этих процессов постепенно возникало убеждение относительно того, что между идеологиями социалистического типа и идеологическими направлениями, ориентированными на поддержку традиционных капиталистических структур, не существует непреодолимой пропасти. Именно это убеждение стало одной из основ концепции деидеологизации.

О том, что в западных обществах во второй половине XX в. сформировался достаточно высокий уровень идейно-политического консенсуса, в равной степени свидетельствовали и западноевропейский, и североамериканский опыт. Ограничиваясь защитой лишь наиболее общих ценностей западной цивилизации и не затрагивая ни глубинных основ мировоззрения, ни даже политических предпочтений, этот консенсус являлся вполне достаточным основанием для формирования многообразных идеологических гибридов. В 1960–70-е гг. многие исследователи, даже консервативно настроенные американские политологи, были склонны с полным вниманием относиться к перспективе слияния преимуществ рыночной экономики с теорией и практикой западноевропейской социал-демократии. Например, С. М. Липсет – один из видных консервативных теоретиков и ученых, пользова-

¹Здесь и далее перевод наш. – В. Г.

шийся вследствие бесспорных заслуг перед политической наукой большой популярностью в академических кругах, – анализируя проблему «конца идеологии» и предвещая в 1963 г. в работе «Революция и контрреволюция» наступление нового периода идеологической интеграции отмечал: «Классовые конфликты по вопросам, связанным с разделом всего экономического пирога, влиянием на различные институты, символический статус и возможности, не только продолжаются и при отсутствии *Weltanschauungen*, но и... упадок таких тотальных идеологий не означает приближение конца идеологии. Точнее, приверженность политике прагматизма; правилам игры, определяющим коллективное соглашение; постепенным изменениям в направлении, поддерживаемом левыми или правыми; оппозиции как всеобъемлющему централизованному государству, так и *laissez-faire* являются составными частями идеологии. “Примирение фундаментальных принципов”, идеологический консенсус западного общества в настоящее время постепенно приводит к взаимопроникновению позиций по вопросам, которые когда-то резко отделяли “левых” от “правых”. Это идеологическое соглашение, которое, возможно, лучше всего назвать “консервативным социализмом”, стало идеологией ведущих партий в развитых государствах Европы и Америки» [6, p. 555].

О прочности такого рода взглядов, уходящих корнями в традицию либеральной политической философии Д. С. Милля, свидетельствует и тот факт, что даже после того, как в американской политике в конце 1970-х гг. верх взяла неоконсервативная тенденция, М. Новак, один из ее главных выразителей (ставший сотрудником госдепартамента в администрации Р. Рейгана), вполне сочувственно комментировал выводы М. Харрингтона (политического теоретика-социалиста, автора самого термина «неоконсерватизм»), согласно которым «многие из духовных реальностей, претендовавшие на то, чтобы носить имя “социализм”, были реализованы под другим именем, под именем “Америка»» [7, p. 139; 8, p. 118]. В книге «Сумерки капитализма» М. Харрингтон, в частности, очень рельефно выделил одну из наиболее характерных особенностей восприятия самой идеи капитализма теоретиками послевоенного времени: «Капитализм обладает исключительной приспособляемостью, он совместим с самым широкомасштабным, даже тоталитарным планированием» [9, p. 219]. В этом плане теория «постиндустриального общества» Д. Белла, равно как и концепция «государства всеобщего благоденствия», являются, по мысли М. Харрингтона, «в сущности, обобщением кейнсианского опыта» [9, p. 219]. Идею «кейнсианского следа» в экономических капиталистического и социалистического типа постоянно развивал и Роберт Низбет: «Замечатель-

ный комментарий к истории современного социализма состоит в том, что почти все современные технологии, используемые в современном национальном планировании, будь то Англия, США или же Советская Россия, являются в основном продуктами капиталистических наций военного времени... *Мы должны иметь государство, в той или иной степени использующее планирование.* Альтернативой в экономической, военной и политической сферах общества, которые мы сформировали, будет просто хаос» [10, p. 68–69].

Наиболее всеобъемлющую характеристику исходных предпосылок, определяющих прогрессивный характер такого рода эволюции, неизбежно выдвигавшей на передний план тенденцию к усилению планирования и государственного регулирования в экономической и социальной сферах, давал в своих работах 1960-х гг. французский социолог Ж. Эллюль, разделявший многие аспекты консервативной традиции, так же как и С. М. Липсет, Р. Низбет и М. Харрингтон. В книге «Технологическое общество» он утверждал: «Я готов признать, что в идеальном обществе связь между планом и государством не является необходимой, равно как и то, что необходимость в наказаниях исчезает в том случае, когда индивид существует сам по себе. Но это не заставляет меня верить в такой идеал и принимать его в качестве реальности. Фактически я только отмечаю, что техника знания порождает и делает необходимой технику действия, а техника действия предполагает определенные условия и направления развития в соответствии с истинным законом, который может быть назван законом расширения планирования. Такое расширение планирования не обязательно приводит к социалистическому обществу. Частная собственность на средства производства не нуждается в изменениях для того, чтобы иметь плановую экономику. Равным образом планирование не порождает с необходимостью диктаторское государство. Использование санкций и пропаганда могут быть приспособлены к иным формам, отличным от диктатуры. Но когда техника вторгается в определенную область в связи с планированием, тогда она полностью воздействует на все структуры ее управления. Бесплезно устанавливать для нее пределы или искать какие-либо другие процедурные формы. <...> Представляется, что сегодня мы не можем избегать фактов. И факты направляют нас в сторону плановой экономики независимо от наших теоретических суждений по данной проблеме. Часто также ставится вопрос: “Возможно ли, после долгих периодов плановой экономики повернуть эту тенденцию в противоположном направлении?” Но это уже другая проблема» [11, p. 183–184].

Концепции технологического общества и постиндустриального общества неизбежно создавали

в перспективе весьма своеобразную идеологическую и философскую основу для реабилитации марксизма и его основоположника. М. Харрингтон не случайно дал одной из глав своей книги «Сумерки капитализма» весьма афористичное название: «Марксизм недопонимает самого себя» [9, р. 35]. Сформулированный М. Харрингтоном афоризм на все последующие десятилетия стал основой для бесчисленных комментариев, авторы которых так или иначе пытались разъяснить смысл этого «недопонимания». Так, например, американский философ и социолог Г. Эллиотт, автор многочисленных работ, посвященных неомарксистской традиции в современной общественной мысли, следующим образом комментировал очередное возрождение интереса к теории социального прогресса К. Маркса в связи с широкомасштабным празднованием 150-летия «Коммунистического Манифеста»: «Согласно Эрику Хобсбауму, автору введения к переизданию текста («Коммунистического Манифеста». – В. Г.) в 1998 г., в нем представлена “выразительная характеристика капитализма конца XX в.” Это суждение разделял и Гарет Стедман Джонс, полагающий, что в “Манифесте” содержится “краткое, но до сих пор непревзойденное описание современного капитализма”. Но наделенный уникальным даром предвидения в отношении капитализма Маркс, и это мнение в некотором плане разделяют все без исключения, весьма странно ошибался относительно коммунизма. Если капитализм – это реальность, то когда же наступает коммунизм? Одно единственное послание, которое безошибочно проступает в тексте, заключается в следующем: коммунизм является неотъемлемым свойством капитализма. Далее следует отстаивать современность “Коммунистического Манифеста” путем его переформулирования как не-манифеста. Без коммунизма он может рассматриваться как первый пример, содержащий слабое или, если угодно, неискреннее порицание» [2, р. 1–2]. На наш взгляд, данная формула Г. Эллиотта представляется одним из лучших методологических и историософских оснований теории деидеологизации и в определенном плане проливает свет на то важное обстоятельство, что большинство новейших попыток полемики с наследием К. Маркса основаны на органическом соединении идеологических конструктов с критикой различных версий прогресса.

Типичным примером данной тенденции является полностью политизированная версия «академической эсхатологии», представленная в книге Ф. Фукуямы «Конец истории». Свою известную формулу, гласящую, что либеральная демократия может составлять «конечный пункт идеологической эволюции» и «финальную форму человеческого правления», тем самым обозначая «конец истории» [13, р. 11], он противопоставлял фунда-

ментальному «историческому пессимизму» XX в., одной из главных причин которого стал трагический опыт практической реализации марксистской теории. Ф. Фукуяма отмечает: «Использовать идею “Истории” Маркса для того, чтобы оправдать террор в Советском Союзе, Китае и других коммунистических странах, означает придавать этому слову особенно мрачное сопутствующее значение. Представление о том, что история является однонаправленной, имеющей значение, прогрессивной или даже поддающейся пониманию, оказалось чуждым для многих направлений мысли нашего времени» [13, р. 69].

Прогностическая аналитика Ф. Фукуямы и разгоревшаяся вокруг нее глобальная дискуссия стали очередным доказательством латинского афоризма *nil novi sub luna* («ничего нового не рождается под луной»), поскольку в наиболее существенных чертах и аналитика, и дискуссия лишь воспроизвели в обновленном виде обозначенные выше старые споры, связанные с теорией деидеологизации и теорией нового индустриального общества. Новизна модификаций определялась прежде всего тем, что, как отмечал С. Фуллер, «третья четверть XX в. запомнится двумя тенденциями, которые оттеняли глубину выражения Элвина Гоулднера “военизированное государство благоденствия” (ориг. *welfare-warfare state*. – В. Г.): беспрецедентная экспансия возможностей для всеобщего разрушения в различных регионах мира, соответствующая беспрецедентному перераспределению политических и экономических ресурсов как внутри отдельных государств, так и в международном масштабе. В терминах *Realpolitik* эти две тенденции представляли собой альтернативные стратегии устрашения – угрозы и различные виды подкупа – в мире, в котором большие группы людей фундаментально не доверяют друг другу» [5, р. 3].

Следует подчеркнуть, что начиная с 1990-х гг. многие из этих идей становились достоянием посткоммунистического научного и философского дискурсов, имели важное значение как для разработки новых, не лишенных идеологической ангажированности принципов анализа, так и для выбора основных векторов политики. Предпочтение отдавалось преимущественно тем методологиям, в рамках которых осуществлявшаяся под лозунгами демократизации трансформация коммунистической олигархии в посткоммунистическую могла быть осмыслена на уровне «респектабельного» понимания основных тенденций современного мирового политического процесса, имманентно порождавших в условиях глобализации всеобщий кризис демократических институтов и традиций. Ученым не могла не импонировать, например, позиция неомакиавеллистов относительно природы современной демократии, которую весьма сочувственно

обобщал в своих лекциях Р. Арон: «Так называемые демократические режимы, как объясняют макиавеллисты, на деле не что иное, как олигархии особого рода – плутократические. Владельцы средств производства прямо или косвенно влияют на тех, кто вершит государственными делами. Итак, очевидный, принимаемый и макиавеллистами факт: режим, который в каком-либо смысле не был бы олигархическим, немислим. Сама сущность политики такова, что решения принимаются для всего общества, но не им самим в целом. Решения и не могут приниматься сразу всеми. Народовластие не означает, что вся масса граждан непосредственно принимает решения о государственных финансах или внешней политике. Нелепо сопоставлять современные демократии с идеальными представлениями о неосуществимом режиме, при котором народ правит сам собой. Зато полезно сравнить существующие режимы с возможными. Это в равной мере относится к критике режимов советского типа с позиций макиавеллистов» [14, с. 108–109].

Другим весьма популярным источником, закреплявшим в 1990-е гг. в российском политическом дискурсе макиавеллистские стереотипы мысли, стали философские идеи социологии Пьера Бурдьё. Несмотря на определенный налет политического идеализма, связанного с несколько преувеличенной оценкой степени революционного радикализма польских и чешских диссидентов, ставших на рубеже 1980–90-х гг. основой посткоммунистической элиты, П. Бурдьё удалось вслед за М. Вебером и В. Парето обосновать на новом социологическом материале принципиально важную мысль о том, что идеологические концепты и клише нередко являются лишь фетишистским прикрытием собственного любимым политическим режимам механизма делегирования, способствующего институционализации или объективации политического капитала и его «материализации в политических “машинах”, постах и средствах мобилизации» [15, с. 215]. П. Бурдьё утверждал: «В отличие от того, что подразумевают обычно при противопоставлении “тоталитаризма” и “демократии”, мне думается, что различие между советским режимом в том аспекте, который нас здесь интересует, и режимом партий, который превозносят под именем демократии, есть лишь различие в степени, и что в действительности советский режим представляет собой самую крайнюю ее степень. Советизм нашел в марксизме концептуальный инструментальный, необходимый для обеспечения легитимной монополии на манипулирование политическими речами и действиями (если позволить себе воспользоваться знаменитой формулой Вебера по поводу Церкви). Я имею в виду такие изобретения, как “научный социализм”, “демократический централизм”, “диктатура пролетариата” или, *last but not least*,

“органичный интеллеktуал”, – это высшее проявление лицемерия священнического звания. Все эти концепты и та программа действия, которую они определяют, направлены на обеспечение доверенному лицу, монополизирующему власть, двойной легитимности – научной и демократической» [15, с. 311–312].

В постсоветский период весьма соблазнительно было объяснять причины краха марксистской идеологии и ее стремительную эрозию в общественном сознании с помощью исторической схемы общей деградации левых идеологий в XX в., разработанной Р. Ароном еще в конце 1950-х гг. в работе «Опиум интеллеktуалов»: «Левые родились и приобрели свой облик в оппозиции, они были детьми этой идеи. Они отрицали социальный порядок, который, как и все человеческие вещи, действительно был несовершенен. Но как только левые победили и стали, в свою очередь, ответственными за существующее общество, правые, которые теперь идентифицировались с оппозицией и контрреволюцией, без особого труда могли продемонстрировать, что левые представляли не свободу против власти и не народ против привилегированного меньшинства, но одну власть против другой, один привилегированный класс против другого» [16, р. 17].

Такова общая картина, характеризующая исходные идеологические параметры посткоммунистических дискуссий в области политической теории. Отталкиваясь от них, можно констатировать, что сегодня в посткоммунистическом политико-философском дискурсе «возврат к прошлому» ни в научном, ни в идеологическом плане не может сопровождаться возвратом к марксизму в любой из его современных форм. Многие интеллеktуалы и гуманитарии так же хорошо усвоили все опасности увлечения философией марксизма, как это в свое время сделал Л. Колаковский, просто и рельефно поведавший в одном из интервью 1990-х гг. о причинах своего первоначального увлечения марксистскими формулами: «Как вы знаете, поворот к марксизму всегда был двойным поворотом. <...> Марксизм привлекал меня, как и многих других людей, тем, что он, как виделось, предлагал рациональное и, вместе с тем, несентиментальное видение истории, в рамках которого все было объяснено... не только прошлое, но и будущее становились в равной степени прозрачными... Сартр однажды сказал, что марксисты были ленивы именно в том смысле, что марксизм, особенно в его упрощенной, примитивной форме, долгие годы господствовавший как политическая идеология, было легко изучать» [17, р. 342].

Однако это означало также, что, отказавшись от простых идеологических формул, интеллеktуалы не могли не натолкнуться на дилемму, подобную той, которая сравнительно недавно была вновь

очень пластично сформулирована М. Гоше: «Если мы действительно вынуждены раз и навсегда отказаться от марксизма, то что же тогда должно занять его место? А это уже как раз является основной заботой политической философии» [18, с. 12].

Парадоксальность ситуации как раз и состоит в том, что на рубеже XX–XXI вв. философы и ученые, обращавшиеся к ревизии истоков социальной философии марксизма, нередко и весьма настойчиво стремились обосновать идеи, возникшие еще в 1920-е гг. При этом они иногда даже не подозревали, что пальма первенства в этом направлении, по всей вероятности, принадлежит Н. А. Бердяеву, следующим образом обосновавшему в эссе «Новое средневековье» представление о К. Марксе как об антидемократически настроенном консервативном моралисте: «Маркс был коммунистом. Он не был социал-демократом. И никогда Маркс не был демократом. Пафос его существенно антидемократический. “Научный” социализм возник и вошел в мысль и жизнь народов Европы не как демократическое учение. Также не демократичен и антидемократичен был и утопический социализм Сен-Симона, который был реакцией против французской революции и во многом родственен был духу Ж. де Местра. Демократия и социализм принципиально противоположны» [19, с. 62].

Случайно это или нет, но год спустя аналогичный «диагноз» К. Марксу был поставлен К. Манхеймом. Он также отмечал в работе, посвященной феномену консерватизма, что «пролетарская мысль во многих пунктах родственна мысли консерватив-

ной и реакционной, поскольку, исходя из совершенно отличных основных целей, оказывается вместе с консервативной мыслью в оппозиции к целям капиталистического мира буржуазии, абстрактности ее мышления» [20, с. 590]. Несколько десятилетий спустя та же идея была воспроизведена почти буквально в первом томе работы Л. Колаковского «Основные направления марксизма». Польский философ отмечал: «В основных чертах своей критики капиталистического общества Маркс является наследником романтического движения. Романтики атаковали индустриальное общество с консервативных позиций, оплакивая утрату “органических” связей и привязанностей, и тот факт, что человеческие существа сталкиваются друг с другом не как индивиды, но как представители внеличных сил и институтов или власти денег» [21, р. 409].

Следует отметить, что сама форма аргументации Л. Колаковского воспроизводила не только ставшие уже традиционными суждения о связи марксизма с европейской романтической консервативной традицией, но и довольно характерные топоры критики классического либерализма, сложившиеся как в западноевропейской, так и в русской политической теории во второй половине XIX – начале XX в. (например, А. Д. Градовский). К концу XX в. вектор поиска истоков марксистского консерватизма стал довольно активно перемещаться от феодальных конструкций и аллюзий, ассоциирующихся с трудами Ж. де Местра, Л. де Бональда и А. де Сен-Симона, в сторону классической античности (Д. Э. МакКарти) [22; 23].

Библиографические ссылки

1. Wöll A, Wydra H, editors. *Democracy and Myth in Russia and Eastern Europe*. London, New York: Routledge; 2008.
2. Хедлунд С. *Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала*. Автономов В, Автономов Н, переводчики. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2015.
3. Sorokin PA. *Russia and the United States*. New York: Routledge; 2017.
4. Sorokin PA. *The Crisis of Our Age*. Oxford: One World; 1992.
5. Fuller S. *The New Sociological Imagination*. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications; 2006.
6. Lipset SM. *Political Man. The Social Bases of Politics*. Baltimore, Maryland: The Johns Hopkins University Press; 1981.
7. Novak M. *The Spirit of Democratic Capitalism*. Lanham, New York: Madison Books; 1991.
8. Harrington M. *Socialism*. New York: Saturday Review Press; 1972.
9. Harrington M. *The Twilight of Capitalism*. London, Basing Stoke: The Macmillan Press; 1977.
10. Nisbet RA. *Tradition and Revolt. Historical and Sociological Essays*. New York: Vintage Books; 1970.
11. Ellul J. *The Technological Society*. New York: Vintage Book; 1964.
12. Elliott G. *Ends in Sight. Marx/Fukuyama/Hobsbawm/Anderson*. London, Ann Arbor, Toronto: Pluto Press; 2008.
13. Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. New York, Toronto: The Free Press; 1992.
14. Арон Р. *Демократия и тоталитаризм*. Семёнов ГИ, переводчик. Москва: Текст; 1993.
15. Бурдые П, Шматко НА. *Социология политики*. Москва: Socio-Logos; 1993.
16. Aron R. *The Opium of the Intellectuals*. New York: The Norton Library. W.W. Norton and Company; 1962.
17. On Marxism, Christianity and Totalitarianism. An Interview with Leszek Kolakovsky. In: Maier H, editor. *Totalitarianism and Political Religions. Volume I. Concepts for the Comparison of Dictatorships*. London, New York: Routledge; 2004. p. 342–348.
18. Гоше М. Задачи политической философии. *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. 2012;6(86):10–46.
19. Бердяев Н. *Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы*. Москва, Санкт-Петербург: Интерпринт; 1990.
20. Манхейм К. Консервативная мысль. В: Манхейм К. *Диагноз нашего времени*. Бергер ОЯ, ответственный редактор и составитель. Москва: Юрист; 1994. с. 572–670.

21. Kolakowski L. *Main Currents of Marxism. Its Rise, Growth, and Dissolution. Volume 1. The Founders*. Oxford: Clarendon Press; 1978.
22. Градовский АД. Общество и государство. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2002;3:58–78.
23. McCarthy GE. *Marx and the Ancients. Classical Ethics, Social Justice and 19th Century Political Economy*. Lanham: Rowman and Littlefield Publishers; 1990.

References

1. Wöll A, Wydra H, editors. *Democracy and Myth in Russia and Eastern Europe*. London, New York: Routledge; 2008.
2. Hedlund S. *Invisible Hands, Russian Experience, and Social Science: Approaches to Understanding Systemic Failure*. New York: Cambridge University Press; 2013.
Russian edition: Hedlund S. *Nevidimye ruki, opyt Rossii i obshchestvennaya nauka. Sposoby ob'yasneniya sistemnogo prov-
ala*. Avtonomov V, Avtonomov N, translators. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki; 2015.
3. Sorokin PA. *Russia and the United States*. New York: Routledge; 2017.
4. Sorokin PA. *The Crisis of Our Age*. Oxford: One World; 1992.
5. Fuller S. *The New Sociological Imagination*. London, Thousand Oaks, New Dehli: Sage Publications; 2006.
6. Lipset SM. *Political Man. The Social Bases of Politics*. Baltimore, Maryland: The Johns Hopkins University Press; 1981.
7. Novak M. *The Spirit of Democratic Capitalism*. Lanham, New York: Madison Books; 1991.
8. Harrington M. *Socialism*. New York: Saturday Review Press; 1972.
9. Harrington M. *The Twilight of Capitalism*. London, Basing Stoke: The Macmillan Press; 1977.
10. Nisbet RA. *Tradition and Revolt. Historical and Sociological Essays*. New York: Vintage Books; 1970.
11. Ellul J. *The Technological Society*. New York: Vintage Book; 1964.
12. Elliott G. *Ends in Sight. Marx/Fukuyama/Hobsbawm/Anderson*. London, Ann Arbor, Toronto: Pluto Press; 2008.
13. Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. New York, Toronto: The Free Press; 1992.
14. Aron R. *Démocratie et totalitarisme*. Paris: Gallimard; 1965.
Russian edition: Aron R. *Demokratiya i totalitarizm*. Semenov GI, translator. Moscow: Tekst; 1993.
15. Bourdieu P, Shmatko NA. *Sotsiologiya politiki* [Sociology of politics]. Moscow: Socio-Logos; 1993. Russian.
16. Aron R. *The Opium of the Intellectuals*. New York: The Norton Library. W.W. Norton and Company; 1962.
17. On Marxism, Christianity and Totalitarianism. An Interview with Leszek Kolakovsky. In: Maier H, editor. *Totalitari-
anism and Political Religions. Volume I. Concepts for the Comparison of Dictatorships*. London, New York: Routledge; 2004.
p. 342–348.
18. Gauchet M. [The Tasks of Political Philosophy]. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture* [Emergency ration.
debate on politics and culture]. 2012;6(86):10–46. Russian.
19. Berdyayev N. *Novoe srednevekov'e. Razmyshlenie o sud'be Rossii i Evropy* [New Middle Ages. Thinking about the fate of
Russia and Europe]. Moscow, Saint-Petersburg: Interprint; 1990. Russian.
20. Mannheim K. [Conservative thought]. In: Mannheim K. *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of our time]. Berger OYa,
editor and completion. Moscow: Yurist; 1994. p. 572–670. Russian.
21. Kolakowski L. *Main Currents of Marxism. Its Rise, Growth, and Dissolution. Volume 1. The Founders*. Oxford: Clarendon
Press; 1978.
22. Gradovskii AD. [Society and the State]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of Sociology and Social
Anthropology]. 2002;3:58–78. Russian.
23. McCarthy GE. *Marx and the Ancients. Classical Ethics, Social Justice and 19th Century Political Economy*. Lanham: Row-
man and Littlefield Publishers; 1990.

Статья поступила в редколлегию 04.05.2018.
Received by editorial board 04.05.2018.

УДК 141.82:316.343.316.32

СУДЬБА ТЕЗИСА К. МАРКСА ОБ АБСОЛЮТНОМ ОБНИЩАНИИ ПРОЛЕТАРИАТА В ЭПОХУ СОВРЕМЕННОГО ГЛОБАЛЬНОГО КАПИТАЛИЗМА

Ч. С. КИРВЕЛЬ¹⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Я. Купалы, ул. Ожешко 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

Анализируется тезис К. Маркса об абсолютном обнищании пролетариата применительно к условиям утвердившегося господства на планете глобального капитализма. Показано, что нынешняя социально-экономическая ситуация, когда капитализм из относительно локального, существующего наряду с огромной некапиталистической периферией и полупериферией превратился в глобальный, в полной мере подтверждает полноту этого наиболее критикуемого тезиса, его адекватность реальному состоянию современной капиталистической миросистемы.

Ключевые слова: абсолютное обнищание; глобальный капитализм; эксплуатация; экспансия; богатство; капитал; автоматизация; роботизация; «лишние» люди.

DESTINY OF THE THESIS BY K. MARX ON ABSOLUTE IMPOVERISHMENT OF PROLETARIAT IN THE CONTEXT OF MODERN GLOBAL CAPITALISM

Ch. S. KIRVEL^a

^aYanka Kupala State University of Grodno, 22 Azheshka Street, Grodno 230023, Belarus

The article analyzes the thesis by K. Marx on absolute impoverishment of proletariat with regard to global capitalism that has become firmly established nowadays. The author grounds the idea that modern social economic situation where capitalism from relatively local along with huge non-capital periphery has evolved in global phenomenon. This validates the truth of Marx's most criticized thesis its coincidence with contemporary state of modern capital microsystem.

Key words: absolute impoverishment; global capitalism; exploitation; expansion; wealth; capital; automation; robotization; «unnecessary» people.

Марксистский тезис об абсолютном обнищании пролетариата, воспринимаемый многими и ранее, и сейчас как некий реликт эпохи первоначального накопления капитала, в действительности в полной мере подтверждается современной ситуацией. Конечно, если исходить из анализа положения рабочего класса в экономически развитых странах, где материальный уровень населения в XX в. суще-

ственно изменился в сторону увеличения, то тезис об абсолютном обнищании может показаться неадекватным действительности. Однако если рассматривать материальное положение пролетариата во всемирно историческом плане в масштабах всей планеты, как это делал К. Маркс, т. е. если исходить из того, что все страны, в которых господствует беспросветная нищета, выступают сегодня на ми-

---

Образец цитирования:

Кирвель ЧС. Судьба тезиса К. Маркса об абсолютном обнищании пролетариата в эпоху современного глобального капитализма. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2018; 3:16–22.

For citation:

Kirvel ChS. Destiny of the thesis by K. Marx on absolute impoverishment of proletariat in the context of modern global capitalism. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2018;3:16–22. Russian.

Автор:

Чеслав Станиславович Кирвель – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии педагогического факультета.

Author:

Cheslav S. Kirvel, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of philosophy, faculty of pedagogics.
kirvel@grsu.by

ровой арене как всемирный пролетариат, а страны «золотого миллиарда» – как всемирная буржуазия, то мы увидим, что абсолютное обнищание является неотъемлемой исторической тенденцией эволюции современного общества.

Социально-экономическая ситуация последних 25 лет, когда капитализм из относительно локального, существующего наряду с огромной некапиталистической периферией и полупериферией, превратился в глобальный, наглядно демонстрирует то, что столь яростно оспариваемой марксистской теории обнищания суждено возвращение и признание. Французский экономист Т. Пикетти в книге «Капитал в XXI веке»¹ на цифрах доказал, что социальный разрыв в наше время достиг огромных размеров, даже гораздо больших, чем предполагал сам К. Маркс, когда работал над «Капиталом». Причем обнищание широчайших слоев населения происходит на фоне обогащения небольших групп (элит), составляющих не более двух процентов от всего населения планеты.

Совокупность этих новых явлений прямо или косвенно связана с характером и направленностью протекания на планете глобализационных процессов.

Глобализация, существенно расширив возможности экспансии Запада и создав при этом условия для непрерывного действия «дьявольского насоса» (выражение Н. Моисеева), позволяющего странам с производительностью труда выше среднемирового уровня выкачивать из стран с производительностью труда ниже среднемирового уровня всякого рода ресурсы, включая человеческие и интеллектуальные, на практике обернулась интенсивным возрастанием на планете количества «несостоявшихся» государств, окончательно обнищавших народов, утративших всякую перспективу дальнейшего развития.

Сегодня разрыв жизненного уровня между богатыми и бедными странами как никогда ранее велик. По данным ООН, разрыв в доходах 20 % населения планеты, проживающих в самых богатых странах, и 20 % населения, проживающих в самых бедных странах, составил 30 : 1 в 1960 г., 60 : 1 в 1990 г., 74 : 1 в 1995 г. В 2000 г. данный разрыв в распределении мирового дохода превысил 100 : 1 [1]. Неудивительно, что западный исследователь Г. Ритцер определил глобализацию как «гроболизацию» [2].

Однако социальные противоречия и социальное расслоение существуют не только на глобальном уровне, но и на уровне взаимодействия между богатыми и бедными странами. Внутри самих богатых стран возникают *новые параметры социальной дифференциации*. Современная статистика доходов красноречиво свидетельствует: на протяжении последних десятилетий реальная заработная плата

рабочих низшей и средней квалификации устойчиво снижалась, тогда как доходы высококвалифицированных работников (индивидуально занятых программистов, дизайнеров, а особенно управляющих и менеджеров) постоянно росли. Например, в США средний заработок промышленного рабочего примерно в 300 раз ниже, чем доходы высших менеджеров крупнейших компаний. В 1980 г. этот разрыв был вдвое меньше [3, с. 51]. О. Черковец отмечает: «по экспертным оценкам... в большинстве развитых капиталистических стран уровень и качество жизни основных слоев населения за последние кризисные годы снизились почти вдвое» [4, с. 106]. Сегодня наблюдается интенсивный процесс геттоизации – обстоятельства, при котором в городах появляются целые микрорайоны, где обитают бедные и социально незащищенные слои населения. При этом наряду с геттоизацией заметным становится и процесс анклавизации. Суть его заключается в том, что высшие слои изолируются от остального общества, проживают в закрытых кварталах и пригородах, создают свою систему безопасности. В результате изменяется общая социальная структура, разрастается рентный класс и прекариат – весьма многочисленный и постоянно растущий слой населения, своего рода постпролетариат, не имеющий ни определенной профессии, ни постоянной работы. Разрастание этого слоя превращает современное капиталистическое общество в нечто аморфное и текучее. Множество людей в этом обществе оказываются не прикрепленными ни к определенному месту жительства, ни к какому-либо коллективу, ни даже к семье, поскольку последняя разрушается как по причине распространения всякого рода извращений, так и в результате целенаправленных действий ювенальной юстиции. Подчеркнем, что количественный рост прекариата и близких ему социальных групп, достигнув своего предела (критической массы), вполне может при определенных обстоятельствах стать одной из причин наступления эпохи «темных веков».

Как видим, капитал, освободившись от глобального конкурента, каким являлся Советский Союз, развернул наступление на рабочие и средние классы непосредственно в самом ядре капиталистической системы. Поэтому нет ничего странного в том, что в наше время, казалось бы, самый уязвимый тезис К. Маркса об абсолютном обнищании пролетариата вполне соответствует современному социуму.

Приведем последние данные, объявленные в СМИ перед заседанием Всемирного экономического форума, который прошел в январе 2018 г. в г. Давосе. Согласно этим данным, если взять всю совокупную прибыль, которую человечество получило в 2017 г., то 82 % от нее достались самому бо-

¹Пикетти Т. Капитал в XXI в. / пер. с англ. А. Е. Дунаева, ред. А. Володин. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015.

гату 1 % населения планеты. Это безумие, возникнув на Западе, навязывается всему остальному миру, однако безумие не может быть вечным. Верно сказано, что «зло терпит поражение на вершине своего могущества».

При ближайшем рассмотрении оказывается, что глобализация во всех этих процессах обрела и другое измерение, другую ипостась. Глобализация, как многомерное и сложное явление, сочетающее в себе единство стихийно-спонтанного и целевого (рукотворного) начал, объективного и субъективного факторов социальной эволюции, оказалась не такой уж легко управляемой, как этого хотелось бы глобалистским структурам. В ходе своего развертывания глобализация выявила целый ряд трудноразрешимых противоречий и парадоксов фундаментального характера. Так, это явление, не в малой степени поспособствовавшее экономически развитым странам Запада решить трудные краткосрочные и среднесрочные проблемы, тем не менее, как это ни парадоксально, породило неразрешимые долгосрочные проблемы, толкающие капитализм как социальный строй к краю пропасти. Дело состоит именно в том, что капитализм, который ранее носил относительно локальный характер, теперь охватил всю планету, стал глобальным, и это сыграло с ним злую шутку. До тех пор, пока капитализм носил относительно локальный характер, существовал наряду с огромной периферией и полупериферией, он мог быть успешным и восприниматься всей остальной частью человечества как воплощение прогресса и процветания. Когда же капитализм превратился в глобальное явление, он столкнулся с неразрешимыми противоречиями и трудностями. Глобализация, обусловив почти повсеместное распространение капиталистических практик и норм, обернулась стремительным сужением приемлемого пространства для эксплуатации и получения быстрой прибыли.

Исторически одним из наиболее эффективных способов разрешения внутренних кризисов капиталистической системы была географическая экспансия капитала. Пространственное освоение новых рынков сбыта товаров, источников сырья и дешевой рабочей силы раз за разом позволяли капиталистическим странам откладывать наступление кризиса перепроизводства и продолжать успешно эволюционировать. Глобализация же, позволившая капитализму завоевать все мировое пространство, практически положила предел экспансии капитала, исключила возможность его дальнейшего роста и расширения и тем самым резко сузила возможность капитализма решать свои проблемы, вынося их за рамки проблемного поля. В результате капитализм достиг предела своего развития по объективным, естественным и непреодолимым причинам. В ситуации невозможности

роста и расширения ссудного процента капитализм лишается всякой исторической перспективы, превращается в тупиковую ветвь социальной эволюции. Развал Советского Союза и крах систем мирового социализма, позволившие открыть рынки с многомиллионным населением, явились последней крупной подпиткой и факторами снижения трудностей и остроты противоречий глобального капитализма, отсрочив на некоторое время его неизбежное разложение.

Сказанное со всей очевидностью демонстрирует, что успехи капитализма в существенной мере достигались за счет максимальной эксплуатации некапиталистической периферии и полупериферии, т. е. за счет других цивилизаций. Убедительным подтверждением этому являются данные, приведенные В. Г. Трухановским в книге «Уинстон Черчилль» о колониальной экспансии Великобритании, население которой составляло 37 млн человек, в то время как население ее колониальной империи – 370 млн человек. Таким образом, в среднем на каждого англичанина, шотландца и валлийца работали 10 жителей колоний.

Кризис пространственной экспансии капитала ставит глобальный управляющий класс капиталистов перед необходимостью выбора: потерять значительную часть прибыли либо перейти к внутренним источникам извлечения прибыли и накопления, т. е. к усилению эксплуатации внутри самого ядра капиталистической системы.

Выбор, похоже, уже сделан. Отсюда широкомасштабное наступление на все завоеванное в свое время низшими классами и стремление современных глобалистских структур сократить и утилизировать средний класс. Недаром появилась социологическая теория «20:80», согласно которой в современном западном обществе меняется социальная структура: 20 % населения составляют богатые люди, 80 % – бедные, средний класс полностью отсутствует, поскольку он размывается, тает. В последнее время и эта статистика стала быстро изменяться в сторону роста бедности.

Выдающийся американский социолог Р. Коллинз говорит о процессе быстрого превращения в современных развитых капиталистических странах среднего класса в «типичный пролетариат». По его прогнозу, глобальный капитализм исчерпал все запасные ниши на рынке труда, в которые могли бы мигрировать безработные в ходе нарастающей автоматизации сначала механического, а затем и интеллектуального производств. В действительности это является грозным вызовом капитализму. В связи с этим Р. Коллинз задается вопросом: «Как долго продержится капитализм, если средний класс образца XX века в XXI веке превращается из его массовой политической и экономической базы в массу обездоленного недовольства?» [5, с. 9].

Следует отметить, что на характер и направленность всех этих процессов действительно немалое влияние оказали технологический прогресс, автоматизация и роботизация.

Автоматизация и роботизация неизбежно ведут к тому, что миллионы людей лишаются работы и социальных гарантий, в то время как десятки или единицы становятся обладателями баснословных богатств. Эта тенденция в полной мере наблюдается уже в настоящее время. Согласно последним данным, сегодня восемь самых богатых людей владеют собственностью, равной собственности 50 % населения нашей планеты, т. е. 3 млрд 600 млн человек. Основное противоречие заключается в том, что общество становится богаче, но богатство концентрируется в руках все более узкого круга людей.

Финансовая олигархия, оторвавшаяся от реальной экономики и стремящаяся к накоплению в сферах, не требующих массового привлечения работников, создает неразрешимую проблему, связанную с ростом количества лишних людей, теряющих работу по причине развития роботизации и компьютеризации.

Данное обстоятельство свидетельствует об абсолютной абсурдности и патологичности глобального капитализма, о полной невозможности человечества нормально развиваться в рамках капитализма. Оказалось, что та экономоцентрическая модель развития общества, которая утвердилась в Западной Европе в эпоху Нового времени, стала сегодня нежизнеспособной и в социальном, и в экологическом плане. Ядро этой парадигмы, ее главная пружина – предпринимательская экономика, основанная на принципе получения максимальной прибыли, и закон самовозрастания капитала, который ни перед чем не останавливается, ни на что не реагирует, подминая под себя народы, государства, континенты и даже тех субъектов, в личности которых он персонифицируется. Именно эта сила с нарастающей скоростью погружает наш мир в ситуацию глобальной нестабильности, грозящей трансформироваться в катастрофу вселенского масштаба. В сущности, Запад подтолкнул наш мир на ложный путь развития, вся ложность которого заключается в навязывании человечеству монетаристской системы, ставшей безысходной драмой и чумой современности. Вся проблема состоит в том, что в утвердившейся модели развития социума каждый человек и все сферы его жизнедеятельности – культура, наука, образование и т. п. – направлены только на получение прибыли, на бесконечное «прокручивание» капитала.

Единственный способ разорвать порочный круг автоматизации – поставить ее на службу всему обществу. Стратегическая цель должна состоять в следующем: сократить общее время общественно необходимого труда в соответствии с возможностями нового технологического уклада, производить до-

статочное количество вещей и продуктов питания в целях удовлетворения базовых потребностей человека. Человечеству, если оно, конечно, выживет, придется найти способ распределения жизненных благ нерыночным образом. Государству же предстоит реализовать себя в развитии инфраструктуры, обеспечении необходимого материального достатка, воспитании и образовании человека, в разворачивании творческой и научно-исследовательской деятельности.

Таким образом, идея К. Маркса об абсолютном обнищании пролетариата в полной мере адекватна реальному состоянию современного глобального капитализма. Как справедливо отмечает И. Валлерстайн, «Маркс оказался прав в одном из самых скандальных своих прогнозов, от которого впоследствии отреклись сами марксисты. Эволюция капитала как исторической системы действительно ведет к поляризации и абсолютному, а не относительному обнищанию большинства» [6, с. 42].

Сегодня многим становится очевидно, что система глобального капитализма накопила огромный потенциал внутреннего саморазрушения и по всем направлениям своего функционирования находится в кризисном состоянии. Одни теоретики определяют это состояние как сугубо экономический кризис. Другие, такие как И. Валлерстайн, М. Манн, Р. Коллинз, Г. Дерлугьян и К. Калхун, считают этот кризис финалом капиталистической системы и преддверием какого-то иного общества.

О системных сбоях функционирования рыночной экономики сегодня прямо пишут многие известные экономисты (П. Кругман, Н. Рубини), представители финансовых кругов (А. Гринспен, Дж. Сорос и др.). Приведем оценку участниками XVII конгресса Международной социологической ассоциации (г. Иокогама, июль 2014 г.) сегодняшней ситуации в мире: «ныне уже не отдельные общества, а все человечество предстает как мир нарастающих социокультурных неравенств и рисков во всех областях его жизнедеятельности. Под воздействием противоположных экономических и геополитических интересов разных стран, их групп (в том числе военных альянсов, блоков) и структур глобального бизнеса человечество оказалось перед угрозой деградации цивилизационного состояния и возможностью его рецессии к нецивилизованному состоянию. Возникли реальные угрозы сохранению *homo sapiens*: возможность ядерной войны, потепление климата и иные экологические опасности. Значит, западная и в целом человеческая цивилизация становится дисфункциональной, возникает потребность в изменении способа жизнеустройства сообществ людей, в новом цивилизационном выборе человечества» [7, с. 10].

Размышляя о перспективах развития современного мира, мы вольно или невольно сталки-

ваемся с интересным и весьма своеобразным парадоксом нашего времени. Суть этого парадокса заключается в следующем. С одной стороны, агония глобального капитализма как общественного строя имеет объективное начало. Кризис системы носит фундаментальный и в конечном счете необратимый характер. Однако, с другой стороны, современный глобальный капитализм хотя и накопил огромный потенциал саморазрушения и внутренней нестабильности, тем не менее обладает не только отточенными механизмами самозащиты, инструментами и способами провоцирования и развязывания горячих локальных войн, но и новым информационно-смысловым оружием, позволяющим повсеместно вести успешные холодные войны (прежде всего конспиративные и информационные).

Дело в том, что сегодня социальная эволюция все в меньшей степени становится зависимой от объективных причин и все в большей мере демонстрирует способность к самоопределению и самопреобразованию на основе устремлений и деятельности тех или иных социальных субъектов. Такими субъектами, способными эффективно воздействовать на мировые процессы, являются прежде всего мировая финансовая олигархия, банкиры (так называют современных банкиров, имея в виду разбойничий характер их деятельности), а также разнообразные транснациональные структуры и институты, концентрирующие в своих руках колоссальные ресурсы, международные финансовые рынки и коммуникативные сети. Отметим, что мировая финансовая олигархия как наднациональное образование и сила, устанавливающая в мире диктатуру денег и власть доллара, к настоящему времени в полной мере обрела статус нового геополитического субъекта на планете. Появление олигархии в первую очередь является результатом крушения биполярной системы мира. Влияние мировой финансовой олигархии на современные экономические, политические и социокультурные процессы крайне одностороннее, преимущественно деструктивное и разрушительное для большинства стран и народов мира, поскольку она ориентирована главным образом на те начинания и действия, результатом которых может стать быстрая и значительная прибыль. В связи с этим борьба за утверждение новой модели развития социума будет продолжительной и тяжелой, не исключено, что она будет сопровождаться войнами и конфликтами межцивилизационного характера. При этом необходимо иметь в виду, что никаких «железных», неотвратимых законов развития общества нет. Развитие общества – открытый многовариантный, нелинейный процесс.

Хозяева мировой игры, видимо, уже осознали, что капиталистическая система в том виде, в каком она существует сейчас, себя изжила, и поэтому

в плановом порядке стремятся ее перевоссоздать, перейти к другой модели, «где они могли бы оставаться хозяевами, но уже не денег, а всего мира как совокупности природных ресурсов, материальных производительных сил и всех людей на планете. Причем власть над людьми должна распространяться на их сознание. Без понимания этих тектонических процессов в мировом капитализме трудно понять многие сегодняшние события в мире: появление ИГИЛ, войну на Ближнем и Среднем Востоке, “переселение народов” в Европу, “демократическую революцию” на Украине и т. п. Все это элементы гигантского проекта по трансформации обреченного капитализма в иную социально-экономическую формацию, которую можно условно назвать “новым рабовладельческим строем”. Противостоять новому рабству можно лишь в том случае, если понимаешь, в чем состоят планы нынешних “хозяев денег”» [8].

Следует, однако, признать: «хозяевам денег» практически удалось приватизировать национальные финансовые системы, это, в свою очередь, позволило им в немалой степени достичь власти над многими государствами современного мира, т. е., по сути дела, «оседлать» в целях утверждения «управляемого мира» объективную сторону процесса глобализации. Как отмечают многие исследователи, ведущая роль в попытках реализации данного стремления принадлежит Бильдербергскому клубу, объединяющему в себе наиболее влиятельных мировых политиков и представителей транснациональных корпораций. Вот одно весьма интересное высказывание на этот счет Д. Эстулина: «Конечная цель этого кошмара – посредством единого глобального рынка превратить Землю в тюрьму, находящуюся под властью единого мирового правительства и под надзором единой мировой армии, экономически управляемую мировым банком и населенную контролируемые с помощью микрочипов людьми, жизненные потребности которых ограничатся материальными ценностями и выживанием: работать, покупать, размножаться, спать» [9]. К настоящему времени приватизация национальных денежных систем логически завершилась выстраиванием глобальной иерархии в финансовой политике, контролируемой международным олигархическим интернационалом.

Возможность «олигархической доминации» (выражение французского социолога А. Сорэля) в существенной мере обусловлена деятельностью федеральной резервной системы США, ставшей «мировым картелем двенадцати самых крупных частных банков (Берингс, Амброс, Лазар, Эрленгер, Шредер, Зелигман, Шпейер, Малле, Ротшильд, Морган, Рокфеллер), действующих совместно для контроля доллара, ставшего международной валютой» [10, с. 47]. Здесь достаточно отметить, что эмиссия мировой резервной валюты обеспечила

США в последние десятилетия до 40 % мирового потребления при доле в мировом производстве порядка 20 % [11, с. 158].

Стремление финансовых деятелей современного мира подчинить глобальной власти национальные государства в полной мере распространяется и на сами США. Вообще США не существуют как государство в классическом варианте, это не только и не столько государство, сколько «Глобоамерика» – матрица американских транснациональных компаний, кластер финансовых олигархий и национальных структур. По своей сути США как отдельное государство оказались превращенными в руках глобальной олигархии в военно-политический инструмент, «военный кулак», «дубинку», посредством которого глобократия стремится реализовать глубоко чуждые государству цели. США и их народ поистине несчастны. При развертывании всех этих отмеченных тенденций историческая перспектива народа США грозит стать весьма незавидной.

Реальность данных устремлений мирового олигархиата как нельзя лучше подтверждает высказывание Д. Рокфеллера: «Нам было бы невозможно разработать наш план для всего мира, если бы он был предан огласке в те годы. Но теперь наш мир стал сложнее, и он готов идти к мировому правительству. Наднациональная верховная власть интеллектуальной элиты и банкиров мира... предпочтительнее национального самоопределения, практиковавшегося в прошлые столетия» [11, с. 159].

Создание мирового правительства (глобальной корпорации) с единым глобальным рынком, регулируемым одним мировым центральным банком, использующим единую мировую валюту, глубинная и вожделенная цель олигархического интернационала, о которой, как видим, прямо говорит Д. Рокфеллер.

Данную ситуацию весьма убедительно подтверждают полные горечи слова, произнесенные

в свое время президентом США В. Вильсоном по поводу ФРС: «Я несчастнейший человек. Я бессознательно разрушил свою страну. Наша великая индустриальная нация теперь контролируется их системой кредитов. Наша кредитная система приватизирована, поэтому развитие страны и вся наша деятельность находятся в руках горстки людей, которые, если захотят, по любому поводу могут заморозить и разрушить подлинную экономическую свободу. Таким образом, мы стали самым плохо управляемым, самым контролируемым, самым подчиненным правительством в цивилизованном мире. Речь уже не идет о правительстве со свободным мнением или о правительстве убеждений, избранном большинством, но о правительстве, подчиняющемся воле и твердости маленькой группы влиятельных людей» [12].

Судьба же другого американского президента – Дж. Кеннеди, – попытавшегося в 1963 г. избавиться от всевластия федеральной резервной системы путем возврата привязки доллара к золотому обеспечению, хорошо известна.

Можно предположить следующее: либо глобократии удастся установить контроль над всем человечеством, утвердив на Земле планетарный электронный концлагерь, либо же она будет сокрушена, и человечеству удастся осуществить слом господствующей сегодня парадигмы развития общества, несмотря на все препятствия, сложности и трудности, освоить новую модель и форму своего бытия. Таким образом, будущее человечества находится сейчас на «весах истории».

Отсюда вытекает задача грандиозной важности: направить современные трансформационные процессы в такое русло, в рамках которого откроются возможности для решения, а не умножения фундаментальных глобальных проблем, стоящих перед человечеством. Это, в свою очередь, означает, что перед человечеством остро стоят задачи творческого поиска и утверждения новой модели развития социума.

Библиографические ссылки

1. Dikhanov J. Trends in Global Income Distribution, 1970–2000, and Scenarios for 2015. *Human Development Report Office* [cited 2018 February 17]. Available from: http://siteresources.worldbank.org/ICPINT/Resources/hdR2005_Dikhanov_Yuri_8.pdf.
2. Ritzer G. *The Globalization of Nothing*. London, New York: Pine Forge Press; 2004.
3. Прежевальская ОН. Противоречия глобализации и интересы России. *Власть*. 2003;3:49–55.
4. Черковец О. Современный капитализм: не кризис модели, а банкротство системы. *Общество и экономика*. 2013 [интернет] [дата обращения: 17.02.2018];5. URL: http://elibrary.ru/download/elibrary_19544964_83694589.pdf.
5. Коллинз Р. На новые вызовы найдутся новые ответы. И так без конца... *Свободная мысль*. 2010;11:14.
6. Валлерстайн И. Россия и капиталистический мир – экономика 1500–2010. *Свободная мысль*. 1996;5:30–42.
7. Лапин НИ. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии. Ч. 1. Человеческая цивилизация перед выбором конфигурации фундаментальных ценностей. *Вопросы философии*. 2015;4:3–15.
8. Катасонов ВЮ. Смерть капитализма: впереди – «новый рабовладельческий строй». *Новостной фронт*. [дата обращения: 17.02.2018]. URL: <http://news-front.info/2015/10/26/smert-kapitalizma-vpered-i-novyy-rabovladelcheskij-stroj-valentin-katasonov/>26октября2015.
9. Эстулин Д. Секреты Бильдербергского клуба [дата обращения: 17.02.2018]. URL: http://royallib.com/book/estulin_daniel/sekrety_bilderbergsogo_kluba.html.

10. Сораль А. *Понять империю: грядущее глобальное управление или восстание наций?* Коваленко А, переводчик. Москва: Академический проект; 2016.
11. Елецкий НД. Глобальная политическая экономия. Предметная определенность и роль в анализе кризиса современного глобализма. *Свободная мысль*. 2017;2:153–166.
12. Мировые правительства сливаются. *Imperial commissar* [дата обращения: 15.03.2018]. URL: <http://imperialcommiss.livejournal.com/933422.html>.

References

1. Dikhanov J. Trends in Global Income Distribution, 1970–2000, and Scenarios for 2015. *Human Development Report Office* [cited 2018 February 17]. Available from: http://siteresources.worldbank.org/ICPINT/Resources/hdR2005_Dikhanov_Yuri_8.pdf.
2. Ritzer G. *The Globalization of Nothing*. London, New York: Pine Forge Press; 2004.
3. Prezhivalskaya ON. [Contradictions of globalization and the interests of Russia]. *Vlast'* [Authority]. 2003;3:49–55. Russian.
4. Cherkovets O. Modern capitalism: not a crisis of the model, but a bankruptcy of the system. *Obshchestvo i ekonomika*. 2013 [Internet] [cited 2018 February 17];5. Available from: http://elibrary.ru/download/elibrary_19544964_83694589.pdf. Russian.
5. Collins R. [New challenges will be answered. And so without end]. *Svobodnaya mysl'* [Free thought]. 2010;11:14. Russian.
6. Wallerstein I. [Russia and the capitalist world – the economy 1500–2010]. *Svobodnaya mysl'* [Free thought]. 1996;5:30–42. Russian.
7. Lapin NI. [Fundamental values of civilizational choice in the XXI century. Part 1. Human civilization before choosing a configuration of fundamental values]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 2015;4:3–15. Russian.
8. Katasonov VYu. Death of capitalism: ahead – «a new slave system». *New Front* [cited 2018 February 17]. Available from: <http://news-front.info/2015/10/26/smert-kapitalizma-vpered-i-novyj-rabovladelcheskij-stroj-valentin-katasonov/26-oktyabrya-2015>. Russian.
9. Estulin D. Secrets of the Bilderberg club [cited 2018 February 17]. Available from: http://royallib.com/book/estulin_daniel/sekreti_bilderbergskogo_kluba.html. Russian.
10. Soral A. *Comprendre L'Empire Peman la gouverance globale ou la revollte des Nations?* Paris: Blanche; 2011. Russian edition: Soral A. *Ponyat' imperiyu: gryadushchee global'noe upravlenie ili vosstanie natsii?* Kovalenko A, translator. Moscow: Akademicheskii Proekt; 2016.
11. Yeletsky ND. Global political economy. The subject matter's certainty and role in the analysis of the crisis of modern globalism. *Svobodnaya mysl'* [Free thought]. 2017;2:153–168. Russian.
12. World governments merge]. *Imperial commissar* [cited 2018 March 15]. Available from: <http://imperialcommiss.livejournal.com/933422.html>. Russian.

Статья поступила в редколлегию 10.05.2018.
Received by editorial board 10.05.2018.

УДК 316.7:004.738.5

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ К. МАРКСА

А. А. ЛЕГЧИЛИН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

На основе высказываний К. Маркса выстраивается логика его понимания сути человека. Показано, что природа человеческого бытия в понимании К. Маркса изменчива в зависимости от общественно-экономических условий, в контексте понимания сущности человека формировалась и концепция К. Маркса о предназначении человека.

Ключевые слова: К. Маркс; философская антропология; сущность человека; личное и общее.

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY OF K. MARX

A. A. LIAHCHYLIN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Based on the statements of K. Marx, the logic of his understanding of the essence of man is being built. It is shown that the nature of human existence in K. Marx's understanding is variable depending on socio-economic conditions. In the context of understanding the essence of man, the Marxian concept of the destiny of man was formed.

Key words: K. Marx; philosophical anthropology; the essence of man; personal and common.

Долгое время сложное многогранное философское учение К. Маркса о человеке оставалось малоизученным. Сегодня, в начале XXI в., спустя 200 лет со дня рождения К. Маркса, многие проблемы учения о человеке остаются не исследованы достаточно тонко и всесторонне. В произведениях К. Маркса содержится немало важных идей о сложной природе человека. К сожалению, особого трактата о человеке К. Маркс не оставил, т. е. это учение в чистом виде не описано в отдельном философском произведении.

В течение полувека К. Маркс развивал и конкретизировал учение о человеке. На разных этапах творческой деятельности К. Маркс подчеркивал то одни, то другие стороны многогранной проблемы понимания человека.

Начиная с юношеских размышлений, работы «Экономическо-философские рукописи 1844 г.»,

и кончая монографией «Капитал», К. Маркс стремился ответить на вопрос: «Что такое человек и какова его сущность?».

При внимательном анализе таких работ, как «Экономическо-философские рукописи 1844 г.», «Тезисы о Фейербахе», «Немецкая идеология», «К критике политической экономии», «Капитал» и др., можно проследить понимание К. Марксом природы человека. Попытаемся изложить взгляды на проблему устами самого автора «Капитала», засвидетельствовать его представление сути человека, т. е. составить очерк философской антропологии К. Маркса.

Начинал мыслитель не с чистого листа, он усвоил доминировавшее во французской и немецкой философии первой половины XIX в. понимание человека. Это прежде всего учения И. Канта, И. Фихте, Г. Гегеля, Л. Фейербаха, М. Штирнера.

Образец цитирования:

Легчилин АА. Философская антропология К. Маркса. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2018;3:23–27.

For citation:

Liahchylin AA. Philosophical anthropology of K. Marx. Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2018;3:23–27. Russian.

Автор:

Анатолий Александрович Легчилин – кандидат философских наук, доцент; заведующий кафедрой философии культуры факультета философии и социальных наук.

Author:

Anatoli A. Liahchylin, PhD (philosophy), docent; head of the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
liahchylin@bsu.by

По каждому из них К. Маркс неоднократно высказывал свое мнение.

В процессе обучения К. Маркса в Берлинском университете им. Гумбольдта Г. Гегель и младогегельянцы захватили дух знаний философа. В письме к отцу он подробно исповедуется на эту тему: «Я ознакомился с Гегелем, от начала до конца, а также с работами большинства его учеников <...> и мне не нравилась ее причудливая дикая мелодия. Я захотел еще раз погрузиться в море, но с определенным намерением – убедиться, что духовная природа столь же необходима, конкретна и имеет такие же строгие формы, как телесная. <...> Я написал диалог почти в 24 листа: “Клеант, или об исходном пункте и необходимом развитии философии”. <...> Мой последний тезис оказался началом гегелевской системы. <...> Это мое любимое детище, взлелеянное при лунном сиянии, завлекло меня, подобно коварной сирене, в объятия врага» [1, с. 15–16]. К. Маркс принял гегелевское понимание сути человека в целомологающем «духе», «самосознании».

Однако чем больше К. Маркс постигал суть гегелевского понимания человека сквозь призму феномена отчуждения, тем больше подвергал его критике. К. Маркс не раз замечал, что человеческая сущность для Г. Гегеля равнозначна самосознанию: «Так как Гегель приравнивает человека к самосознанию, то отчужденный предмет человека, его отчужденная сущностная действительность есть не что иное, как *сознание* отчуждения, всего лишь мысль об отчуждении» [2, с. 170].

Молодой К. Маркс, постигая действительность Германии того времени в качестве редактора «Рейнской газеты», а затем, будучи в изгнании, – реалии Франции, начинает увлекаться взглядами Л. Фейербаха. Позднее Ф. Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» вспоминает о том, какое глубокое впечатление произвели на них в то время идеи Л. Фейербаха: «Тогда появилось сочинение Фейербаха “Сущность христианства” (1841 г. – А. Л.). <...> Надо было пережить освободительное действие этой книги, чтобы составить себе представление об этом. Воодушевление было всеобщим: все мы стали сразу фейербахианцами. <...> С каким энтузиазмом приветствовал Маркс новое воззрение и как сильно повлияло оно на него...» [3, с. 280–281]. К. Маркс, соотнося учения Г. Гегеля и Л. Фейербаха, конспектирует: «Фейербах – единственный мыслитель, у которого мы наблюдаем *серьезное критическое* отношение к гегелевской диалектике; только он сделал подлинные открытия в этой области и вообще по-настоящему преодолел старую философию» [2, с. 154]. Действительно, в своей антропологии Л. Фейербах всегда берет человека в качестве отправного пункта, как «начало и конец философии»: «Человеческая *сущность* налицо только в об-

щении, в *единстве человека с человеком*, в единстве, опирающемся на *реальность* различия “Я” и “Ты”. <...> Новая философия превращает человека, включающая и природу как базис человека, в единственный, универсальный и высший предмет философии» [4, с. 202–203]. В труде «Святое семейство» К. Маркс замечает: «Кто поставил на место... “бесконечного самосознания” – не “значение человека”... а самого человека? Фейербах и только Фейербах» [5, с. 102]. Но чем глубже К. Маркс постигал суть понимания человека Л. Фейербахом, тем больше понимал ее ограниченность.

Наиболее отчетливо К. Маркс выразил их в работах «Тезисы о Фейербахе» (1845) и «Немецкая идеология» (1846). В шестом тезисе К. Маркс замечает: «...сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [6, с. 3]. В «Немецкой идеологии» констатируется: «Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание» [7, с. 25].

В резкой форме молодой К. Маркс в нашумевшей в то время книге «Единственный и его собственность» (1844) подверг критике понимание Я. М. Штирнера, посвятив анализу философии «чистого эгоизма» целую главу. К. Маркс констатирует: «Так как святой Макс не обращает внимания на физическую и социальную “жизнь” индивида и вообще не говорит о “жизни”, то он вполне последовательно отвлекается от исторических эпох, от национальности, класса и т. д.» [7, с. 114].

С этого времени в трудах К. Маркса начинает доминировать точка зрения, согласно которой с изменением общественно-экономических условий изменяются и формы человеческого бытия. Проследим основные этапы этих размышлений.

В книге «Святое семейство» (1844) К. Маркс замечает: «История – не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» [5, с. 102], в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» автор конспектирует: «...вся так называемая *всемирная история* есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом» [2, с. 126], а в «Немецкой идеологии» уже четко утверждается: «Предпосылки, с которых мы начинаем, – не произвольны, они – не догмы; это – действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это – действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью» [7, с. 18].

Эта же мысль является одной из центральных и в «Капитале»: «Процесс труда... есть целесообразная деятельность... всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому

он не зависим от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее общественным формам» [8, с. 195].

Как показывает К. Маркс, органы, с помощью которых человек воздействует на мир, далеко не сводятся к его индивидуальным органам. На ранних этапах развития человек использовал главным образом свои естественные органы (руки, ноги, голову, пальцы и т. д.). К. Маркс в «Капитале» отмечает, что в дальнейшем своем развитии человек «пользуется механическими, физическими, химическими свойствами вещей для того, чтобы в соответствии со своей целью применить их как орудия воздействия на другие вещи. <...> Так, данное самой природой становится органом его деятельности, органом, который он присоединяет к органам своего тела, удлинняя, таким образом, вопреки библии, естественные размеры последнего», т. е. «воздействуя... на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу» [8, с. 188–190].

Создать и привести в движение эти разросшиеся искусственные органы человек сам по себе, в одиночку, не в состоянии. Он может это сделать только определенным образом соединившись с другими людьми, т. е. вступив с ними в определенные отношения (среди которых главными являются производственные отношения).

Общественные отношения, таким образом, это тоже средство, тоже своеобразные органы, с помощью которых человек воздействует на мир. Именно в совокупности общественных отношений К. Маркс усматривал сущность человека.

Отсюда и генеральный вывод: если мы хотим понять человека, то придется изучать всю сложную и разветвленную систему его «органов», т. е. придется изучать, говоря словами К. Маркса, «мир человека»: «Человек – это не абстрактное, где-то вне мира ютящееся существо. Человек – это *мир человека, государство, общество*» [9, с. 414].

В то же время человек, по Марксу, «сам является основой своего материального, как и всякого иного осуществляемого им производства. Поэтому все те обстоятельства, которые воздействуют на человека, этого субъекта производства, модифицируют в большей или меньшей степени все его функции и виды деятельности, а значит, и те его функции и виды деятельности, которые он выполняет как создатель материального богатства, товаров. В этом смысле можно действительно доказать, что все человеческие отношения и функции, в какой бы форме и в чем бы они ни проявлялись, влияют на материальное производство и более или менее определяющим образом воздействуют на него» [10, с. 283].

В «Капитале» К. Маркс, размышляя о человеческой природе в контексте ее понимания с точки зрения И. Бентама и его принципа полезности,

т. е. утилитаризма, пишет: «Принцип полезности не был изобретением Бентама. Он лишь бездарно повторил то, что даровито излагали Гельвеций и другие французы XVIII века. Если мы хотим узнать, что полезно, например, для собаки, то мы должны сначала исследовать собачью природу. Сама же эта природа не может быть сконструирована “из принципа полезности”. Если мы хотим применить этот принцип к человеку, хотим по принципу полезности оценивать всякие человеческие действия, движения, отношения и т. д., то мы должны знать, какова человеческая природа вообще и *как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху* (курсив наш. – А. Л.). Но для Бентама этих вопросов не существует. С самой наивной тупостью он отождествляет современного филистера с нормальным человеком вообще. Все то, что полезно этой разновидности нормального человека и его миру, принимается за полезное само по себе. Этим масштабом он измеряет затем прошедшее, настоящее и будущее» [8, с. 623].

Итак, человеческая природа в понимании К. Маркса не представляет собой некую неизменную сущность, данную раз и навсегда. Она, напротив, является открытой, динамичной, подвергающейся непрерывным историческим преобразованиям (пластичной) сущностью, т. е. человеческая природа, повторим еще раз, «модифицируется в каждую исторически данную эпоху». В этом же ключе рассуждает и В. И. Ленин, изучая Г. Гегеля: «Не только явления преходящи, подвижны, текучи, отделены лишь условными гранями, но и сущности вещей также» [11, с. 227].

В своих наблюдениях К. Маркс подчеркивал, что, поскольку человеческая природа подвергалась непрерывным изменениям, изменялись и представления о человеческой природе. Эту мысль автор иллюстрирует в «Капитале»: «Аристотелевское определение утверждает, строго говоря, что человек по самой своей природе есть гражданин городской республики. Для классической древности это столь же характерно, как для века янки определение Франклина, что человек есть создатель орудия» [8, с. 338].

Таким образом, согласно К. Марксу, чтобы понять человека и постичь его сущность, необходимо понять его деятельность и мир, в котором эта деятельность осуществляется, в том числе мир, созданный самим человеком, его «вторую природу».

В контексте понимания сущности человека формировались и взгляды К. Маркса о предназначении человека в обществе. Проблема, которая волнует деятеля на протяжении всей его жизни: «Для себя или для других живет человек?» Это философская тема личного и общего. Уже в первом дошедшем до нас сочинении «Размышления юноши при выборе профессии» (1835) юный К. Маркс обращает внимание на то, что «служение человечеству», оторванное

от личного интереса, становится ложной деятельностью. Именно ошибочность противопоставления «для себя» и «для других», личного и общественного интересов была в полной мере осознана К. Марксом. Он пишет: «Не следует думать, что оба эти интереса могут стать враждебными, вступить в борьбу друг с другом, что один из них должен уничтожить другой» [12, с. 7]. Далее в работе развивается центральная и удивительно глубокая мысль, венчающая все рассуждения К. Маркса в этом направлении: «человеческая природа устроена так, что человек может достичь своего усовершенствования, только работая для усовершенствования своих современников, во имя их блага» [12, с. 7].

Уже в достаточно зрелом возрасте, как сообщает К. Маркс в письме З. Мейеру (1876), находясь в критическом материальном положении, «принося в жертву здоровье, счастье жизни и семью», он подтверждает подлинно экзистенциальную суть человека в обществе: «Я смеюсь над так называемыми “практичными” людьми и их премудростью. Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о своей собственной шкуре» [13, с. 454].

Это заключение К. Маркса – результат не только его реальной сложной личной жизни, но, пожалуй, и философских изысканий места и роли человека в мире. Совершенствуя мир, размышляет К. Маркс, человек совершенствует себя, потому что люди выступают «в одно и то же время как авторы, и действующие лица их собственной драмы» [14, с. 138]. Также К. Маркс констатирует: «Так как человеческая сущность является истинной общественной связью людей, то люди в процессе деятельного осуществления своей сущности творят, производят человеческую общественную связь, общественную сущность, которая не есть некая абстрактно-всеобщая

сила, противостоящая отдельному индивиду, а является сущностью каждого отдельного индивида, с его собственной деятельностью, его собственной жизнью, его собственным наслаждением, его собственным богатством» [2, с. 23].

Такова связь индивидуального и общественного в понимании молодого К. Маркса. Диалектика этой связи наиболее ярко выражена в «Манифесте»: «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [15, с. 447].

Отсюда и высоко патетическое кредо К. Маркса, касающееся предназначения человека в обществе: «Если человек трудится только на себя, он может, пожалуй, стать знаменитым ученым, великим мудрецом, превосходным поэтом, но никогда не сможет стать истинно совершенным и великим человеком. История признает тех людей великими, которые, трудясь для общей цели, сами становились благороднее; опыт превозносит, как самого счастливого, того, кто принес счастье наибольшему количеству людей. <...> Если мы избрали профессию, в рамках которой мы больше всего можем трудиться для человечества, то мы не согнемся под ее бременем, потому что оно – жертва во имя всех; тогда мы испытаем не жалкую, ограниченную, эгоистическую радость, а наше счастье будет принадлежать миллионам, наши дела будут жить тогда тихой, но вечно действенной жизнью, а над нашим прахом прольются горячие слезы благородных людей» [12, с. 6–7].

Данные слова К. Маркса, высказанные почти 200 лет назад, пожалуй, вполне соответствуют всей его жизни и деятельности, но еще более актуальны они в современную эпоху первой четверти XXI в., когда человечество стоит перед нравственным выбором личностей, влияющих на перспективы цивилизационного развития.

Библиографические ссылки

1. Маркс К. Письмо к отцу. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Издание 2. Том 40.* Москва: Государственное издательство политической литературы; 1975. с. 8–18.
2. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Издание 2. Том 42.* Москва: Государственное издательство политической литературы; 1974. с. 41–174.
3. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Издание 2. Том 21.* Москва: Государственное издательство политической литературы; 1962. с. 269–317.
4. Фейербах Л. Основные положения философии будущего. В: Фейербах Л. *Избранные философские произведения.* Москва: Государственное издательство политической литературы; 1955. с. 134–204.
5. Маркс К, Энгельс Ф. Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Издание 2. Том 2.* Москва: Государственное издательство политической литературы; 1955. с. 3–230.
6. Маркс К. Тезисы о Фейербахе. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Издание 2. Том 3.* Москва: Государственное издательство политической литературы; 1955. с. 1–4.
7. Маркс К, Энгельс Ф. Немецкая идеология. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Издание 2. Том 3.* Москва: Государственное издательство политической литературы; 1955. с. 7–544.
8. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Издание 2. Том 23.* Москва: Государственное издательство политической литературы; 1960.
9. Маркс К. К критике гегелевской философии права. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Издание 2. Том 1.* Москва: Государственное издательство политической литературы; 1955. с. 414–429.
10. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Издание 2. Том 26. Часть 1.* Москва: Государственное издательство политической литературы; 1962.

11. Ленин В.И. *Полное собрание сочинений. Издание пятое. Том 40.* Москва: Издательство политической литературы; 1969.
12. Маркс К. Размышления юноши при выборе профессии. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Издание 2. Том 40.* Москва: Государственное издательство политической литературы; 1975. с. 3–7.
13. Маркс К. Зигфриду Мейеру в Нью-Йорк. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Издание 2. Том 31.* Москва: Государственное издательство политической литературы; 1975. с. 453–455.
14. Маркс К. Нищета философии. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Издание 2. Том 4.* Москва: Государственное издательство политической литературы; 1975. с. 65–185.
15. Маркс К, Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Издание 2. Том 4.* Москва: Государственное издательство политической литературы; 1975. с. 346–348.

References

1. Marx K. [Letter to his father]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. Izdanie 2. Tom 40* [Composition. Editing 2. Volume 40]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1975. p. 8–18. Russian.
2. Marx K. [Economic and Philosophical Manuscripts of 1844]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. Izdanie 2. Tom 42* [Composition. Editing 2. Volume 42]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1974. p. 41–174. Russian.
3. Engels F. [Ludwig Feuerbach and the end of classical German philosophy]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. Izdanie 2. Tom 21* [Composition. Editing 2. Volume 21]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1962. p. 269–317. Russian.
4. Feuerbach L. [The main provisions of the philosophy of the future]. In: Feuerbach L. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected philosophical works]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1955. p. 134–204. Russian.
5. Marx K, Engels F. [The Holy Family, or Criticism of Critical Criticism. Against Bruno Bauer and the company]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. Izdanie 2. Tom 2* [Composition. Editing 2. Volume 2]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1955. p. 3–230. Russian.
6. Marx K. [Theses on Feuerbach]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. Izdanie 2. Tom 3* [Composition. Editing 2. Volume 3]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1955. p. 1–4. Russian.
7. Marx K, Engels F. [German ideology]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. Izdanie 2. Tom 3* [Composition. Editing 2. Volume 3]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1955. p. 7–544. Russian.
8. Marx K, Engels F. *Sochineniya. Izdanie 2. Tom 3* [Composition. Editing 2. Volume 3]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1960. p. 7–544. Russian.
9. Marx K. [To criticism of the Hegelian philosophy of law]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. Izdanie 2. Tom 1* [Composition. Editing 2. Volume 1]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1955. p. 414–429. Russian.
10. Marx K, Engels F. *Sochineniya. Izdanie 2. Tom 1. Chast' 1* [Composition. Editing 2. Volume 26. Part 1]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1962. Russian.
11. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii. Izdanie pyatoe. Tom 29* [Full collection composition. Volume 29]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1969. Russian.
12. Marx K. [Reflections of a young man in choosing a profession]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. Izdanie 2. Tom 40* [Composition. Editing 2. Volume 40]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1975. p. 3–7. Russian.
13. Marx K. [Siegfried Meyer in New York]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. Izdanie 2. Tom 31* [Composition. Editing 2. Volume 31]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1963. p. 453–455. Russian.
14. Marx K. [The Poverty of Philosophy]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. Izdanie 2. Tom 4* [Composition. Editing 2. Volume 4]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1955. p. 65–185. Russian.
15. Marx K., Engels F. [Manifesto of the Communist Party]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. Izdanie 2. Tom 4.* Composition. Editing 2. Volume 4]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1955. p. 346–348. Russian.

Статья поступила в редакцию 03.05.2018.
Received by editorial board 03.05.2018.

УДК 1(091)

МОДЕЛЬ СОЦИАЛИЗМА А. А. БОГДАНОВА

Т. Г. РУМЯНЦЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Проанализированы идеи о революции и социализме видного русского философа, ученого и мыслителя, ставшего важным персонажем в свершении революций 1905 и 1917 гг., А. А. Богданова. Показано, что еще в начале XX в. он выдвинул ряд альтернативных ленинским представлений о природе Октября, о неготовности России к социализму, о военном коммунизме как итоге милитаризации и экономической разрухи. Анализ идей созданной А. А. Богдановым науки «тектология» позволил осуществить теоретическую реконструкцию его модели социализма, в рамках которой мыслитель обозначил главные направления формирования фундаментально новых социальных структур и разработал понятийно-категориальный аппарат для осмысления законов движения и дальнейшего обновления социума. Выявлено также значение идей А. А. Богданова, показано, что задолго до известных леволиберальных теоретиков он сумел выявить так называемые технократические корни большевистского государства, показать неэффективность социализма, опирающегося на централизованное управление и плановое производство.

Ключевые слова: А. А. Богданов; революция в России; Октябрь 1917 г.; военный социализм; пролеткульт; утопия.

A. A. BOGDANOV'S MODEL OF SOCIALISM

T. G. RUMYANTSEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article analyzes the ideas of the revolution and socialism of the prominent Russian philosopher, scientist and thinker, who became an important character in the accomplishment of the revolutions of 1905 and 1917 – A. Bogdanov. It is shown that even at the beginning of the twentieth century he put forward a number of alternative Leninist ideas: about of the nature

---

Образец цитирования:

Румянцова Т. Г. Модель социализма А. А. Богданова. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2018;3:28–35.

For citation:

Rumyantseva TG. A. A. Bogdanov's model of socialism. Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2018;3:28–35. Russian.

Автор:

Татьяна Герардовна Румянцова – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Author:

Tatsiana G. Rumyantseva, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences. tr30@mail.ru

of October, Russia's unpreparedness for socialism, about «military communism», as a result of militarization and economic dislocation. The analysis of ideas created by Bogdanov's science of tectology made it possible to carry out a theoretical reconstruction of his model of socialism, within the framework of which the author outlined the main directions for the formation of fundamentally new social structures and developed a conceptual-categorical apparatus for comprehending the laws of motion and further renewal of the society. The importance of Bogdanov's ideas was also revealed. It was shown that long before the well-known left-liberal theorists, he was able to identify the so-called. «Technocratic» roots of the Bolshevik state, to show the ineffectiveness of socialism, based on centralized management and planned production.

Key words: A. A. Bogdanov; revolution in Russia; October 1917; military socialism; Proletcult; Utopia.

В контексте многочисленных дискуссий вокруг Октябрьской революции, которой в 2017 г. исполнилось 100 лет, очень актуальным становится обращение к идейному наследию философов и ученых-мыслителей, оказавшихся чрезвычайно важными персонами в истории свершения и осмысления Октября 1917 г., а также в процессе поиска путей построения социализма в СССР.

К числу такого рода фигур советской и российской истории относится Александр Александрович Богданов (Малиновский) – видный деятель и теоретик российского революционного движения, который уже в первые десятилетия XX в. выдвинул целый ряд идей, альтернативных ленинским: о незрелости и неготовности России к антикапиталистическому перевороту, о природе Октябрьской революции и неспособности российского пролетариата выполнять роль субъекта этой революции, о военном коммунизме как не имеющем ничего общего с идеей социализма и являющемся итогом милитаризации и экономической разрухи. Более того, именно А. А. Богданов в контексте идей созданной им науки «тектология» указал пути формирования фундаментально новых социальных структур и разработал понятийно-категориальный аппарат для осмысления законов движения и обновления общества.

Парадоксально, но имя А. А. Богданова и его идеи до некоторых пор были более известны и по достоинству оценены не в родной стране, а на Западе, где его часто называли идеологом «альтернативной версии большевизма» или «другого большевизма». Хотя в первую очередь о нем говорили все же как об ученом, заложившем основы новой универсальной системно-организационной концепции, предвосхитившей многие положения современного системного подхода, кибернетики, синергетики и геоэкологии. Свидетельством тому стали известные высказывания Н. Винера, У. Р. Эшби, Л. фон Берталанфи, творцов теории аутопоэзиса, и других ученых с мировыми именами.

К сожалению, до начала 1990-х гг. в странах бывшего СССР об А. А. Богданове помнили главным образом в контексте изучения «Материализма и эмпириокритицизма» – книги, в которой именно идеи философа стали главным объектом ленинской критики. Имя А. А. Богданова долгие годы ассоциировалось с так называемой богдановщиной –

«идеалистической фальсификацией марксизма, смыкающейся с реакционной буржуазной наукой», как охарактеризовал его деятельность XVI съезд ВКП(б), он же саму богдановщину квалифицировал как теоретическую основу правого уклона и орудие фашистской контрреволюционной борьбы против победившего в СССР социализма.

С середины 1990-х гг. положение дел меняется. Издаются труды самого А. А. Богданова, переводятся работы о его личности западных авторов. Событием стала публикация книги «Неизвестный Богданов» в трех томах с предисловием доктора Г. Горцка из Университета Касселя. В трехтомник вошли автобиография А. А. Богданова, впервые полностью публикуемая на русском языке и без фальсификаций; статьи, очерки и доклады, написанные в 1910–1928 гг. и ранее также не издававшиеся в СССР. В эти же годы выходит целый ряд статей российских авторов, в которых были приняты попытки преодолеть стереотипы в осмыслении как самой личности А. А. Богданова, так и его идейного наследия. Второе рождение переживает и тектология как наука об организации. Не случайно академик Н. Н. Моисеев назвал А. А. Богданова естествоиспытателем «с удивительным по своей универсальности и способности к синтезу умом», а тектологию представил как «естественную составляющую теории самоорганизации» [1].

Об А. А. Богданове и его идеях можно рассуждать много и в самых разных аспектах, учитывая широту и многосторонность взглядов этой личности. Однако в контексте юбилея Октября 1917 г. главный акцент следует, по-видимому, сделать на анализе тех взглядов, которые затрагивают следующие вопросы:

- разногласия в оценках А. А. Богдановым и большевиками революции, обнаружившиеся еще до ее свершения;
- оценка А. А. Богдановым природы и сущности реального социализма, названного им «военный коммунизм»;
- авторская программа построения социализма, поиски путей формирования фундаментально новых социальных структур, а также проект Пролеткульта и романы-утопии «Красная звезда» (1907) и «Инженер Мэнни» (1912).

Рассмотрим отдельно каждое проблемное поле.

Разногласия в оценках А. А. Богдановым и большевиками революции. Первые политические разногласия с большевистским ЦК, обнаруживающиеся еще до ее свершения, возникли у А. А. Богданова по вопросу об отношении к III Государственной думе, которую деятель призывал бойкотировать. Он также резко выступал против участия большевиков в профсоюзах и легальных организациях. Хорошо известны и философские разногласия А. А. Богданова с В. И. Лениным. Суть же политических конфликтов свидетельствует о том, что уже тогда А. А. Богданов не хотел разменивать свои социалистические идеалы в угоду сиюминутной политической целесообразности. В работе «Падение великого фетишизма (Современный кризис идеологий)» А. А. Богданов призывал отказаться от классовой борьбы и воздержаться от понятия «диктатура пролетариата», означавшего главную силу перехода к социализму, ибо, по его мнению, в индустриальную эру изменение мира при помощи насилия просто недопустимо. Неправомерной иллюзией являлась для А. А. Богданова и надежда на помощь европейского пролетариата в российской революции. В отличие от В. И. Ленина, понимавшего марксизм буквально, т. е. «как императив, обязывающий пролетариат сначала отобрать власть у феодалов и буржуазии – и уж затем подтянуться к стандартам цивилизации – насколько позволят объективные условия» [2, с. 20], А. А. Богданов полагал, что победа пролетариата достигается не столько захватом политической власти и вытеснением капиталистического способа производства социалистическим, сколько созданием нового качества культуры с ее внутренним демократизмом и приобщением к себе всех (или большинства) членов общества на началах коллективного продуктивного сотрудничества [2, с. 20].

Не случайно одной из главных целей созданной А. А. Богдановым на Капри в 1909 г. школы было просвещение пролетариата и стремление воспитать активистов, вокруг которых при возвращении на родину образуются очаги пролетарской культуры, активисты помогут пролетариату освободиться от подчинения буржуазии, обеспечив ему господство в духовной сфере. Будучи, по словам Л. Данилкина, «не только замечательным политиком, но еще больше, чем политиком, – энтузиастом-революционером, бескорыстным экспериментатором», А. А. Богданов хотел превратить Каприйскую школу в своего рода оранжерею, где «планировалось в сжатые сроки вырастить из семян гигантские растения – которые затем разворотят русскую почву» [3, с. 405].

В 1914 г. А. А. Богданов не принял выдвинутой В. И. Лениным в Берно идею «о превращении войны империалистической в войну гражданскую», а в июне 1917 г. А. А. Богданов назвал «неоправдан-

ным максимализмом» провозглашенный в апрельских тезисах курс на социалистическую революцию в России. В вышедшей в том же месяце статье «Государство-коммуна» А. А. Богданов резко критикует ленинские «Письма о тактике» и заявляет, что теория о «государстве-коммуне» как о политической переходной форме от буржуазного строя к социализму является типично максималистским построением.

Все больше А. А. Богданов расходится во мнении с В. И. Лениным по вопросу о том, *как делать* революцию: если для В. И. Ленина главными становятся поиски «слабейшего звена в цепи империализма», опора на идею классовой борьбы и стремление во что бы то ни стало не упустить момент для начала революции и снести царскую монархию, то А. А. Богданов не смог отказаться от идеальной модели социализма и его ценностей и потому был резко настроен против отступления от них в угоду обстоятельствам жизни. Побывав в качестве военного врача на фронтах Первой мировой войны, А. А. Богданов приходит к выводу о том, что революция принесет страшные жертвы и что пролетариату следует стремиться не к революции, а к «культурному вызреванию» в рамках буржуазно-демократического строя. А. А. Богданов, в отличие от В. И. Ленина, неоднократно предостерегал народ об опасностях гражданской войны, ратуя за создание парламентской республики. Уже тогда он считал Советы народных депутатов несовершенными органами, которые не располагают парламентским способом улаживания противоречивых общественных интересов, что в случае отката революции приведет к гражданской войне «с громадным расточением лучших сил народа» [4, с. 236].

Оценка А. А. Богдановым природы и сущности реального социализма, названного им «военный коммунизм». Хотя А. А. Богданов, как считается, и принял большевистский Октябрь, отнесся он к революции достаточно прохладно. Довольно рано и, по-видимому, одним из первых среди так называемых большевиков-неленинцев А. А. Богданов выразил свое неудовольствие по поводу нового государственного устройства, подчеркивая, что революция была *преждевременной*. Более того, характеризуя природу этой революции, он констатировал существенное изменение ее движущих сил по сравнению с революцией 1905 г. А. А. Богданов пишет: «Это изменение символизируется в солдатской форме, облекающей наиболее активную в революции, до сих пор решающую во всех ее этапах часть крестьянства». Таким образом, нынешняя революция – это «революция солдатская по преимуществу» [5, с. 2]. Он считает, что именно «мировая война изменила и самое строение общества, а с ним – природу общественных сил», фактически

породив и обусловив колоссальное развитие военного коммунизма [5, с. 2].

Раньше других А. А. Богданов понял суть всех тех преобразований, которые ленинское, а затем и сталинское руководство осуществляло после Октября 1917 г. Не случайно осенью 1923 г. теоретик был арестован, и освободил его только Ф. Э. Дзержинский, с которым А. А. Богданова связывали долгие годы революционной борьбы. В неопубликованном докладе, прочитанном в 1923 г. на заседании Социалистической академии общественных наук, А. А. Богданов, вопреки механистическому детерминизму идеологов-революционеров, отмечает ту определенную случайность, которая произошла в России в октябре 1917 г. благодаря войне и которой, следовательно, могло и не быть. О несоциалистическом характере Октябрьской революции А. А. Богданов говорил уже давно. Однако его собственные идеалы и мысли о будущем, как пишет А. П. Плютто, «приходится лишь угадывать сквозь преломляющую толщу критики» [6, с. 135].

Тогда же, 19 ноября 1917 г., А. А. Богданов написал знаменитое письмо А. В. Луначарскому, в котором ясно изложил существующее положение вещей и выявил его причины. Адресант пишет: «Трагизм вашего положения не только вижу, но думаю, что вы-то видите его далеко не вполне, попробую даже выяснить его по-своему. Корень всему – война. Она породила два основных факта: 1) экономический и культурный упадок; 2) гигантское развитие военного коммунизма. Военный коммунизм, развиваясь от фронта к тылу, временно перестроил общество: многомиллионная коммуна армии, паек солдатских семей, регулирование потребления; применительно к нему, нормировка сбыта, производства. Вся система государственного капитализма есть не что иное, как убудок капитализма и потребительного военного коммунизма. <...> Социалистической рабочей партией была раньше большевистская. Но революция под знаком военщины возложила на нее задачи, глубоко искажившие ее природу. Ей пришлось организовать псевдосоциалистические солдатские массы (крестьянство, оторвавшееся от производства и живущее на содержании государства в казарменных коммунах). <...> Партия стала рабоче-солдатской. <...> И поразительно, до какой степени преобразовался большевизм в этом смысле. Он усвоил всю логику казармы, все ее методы, всю ее специфическую культуру и ее идеал» [4, с. 236].

Логика казармы отличается от логики фабрики тем, что всякую задачу первая понимает как вопрос ударной силы, а не как вопрос организационного опыта и труда. Согласно этой логике, социализм наступит как только будет разбита буржуазия и захвачена власть. А. А. Богданов резко критикует такого рода социализм, полагая, что у данного общественного строя нет ничего общего с идеалом

социализма. Солдатско-коммунистическая революция, по мнению теоретика, есть нечто скорее противоположное социалистической революции, чем ее приближающее. Демагогически военная диктатура принципиально неустойчива: «сидеть на штыках» нельзя [4, с. 189–1992].

Принято считать, что именно А. А. Богданов в одном из своих выступлений в декабре 1917 г., а затем в статье «Судьбы рабочей партии в нынешней революции», вышедшей в январе 1918 г., впервые употребил термин «военный коммунизм», так и написав: «у нас сейчас военный коммунизм». Дал ему автор и соответствующую характеристику, вкладывая в этот термин более широкий теоретический смысл, чем те определения, которые связывали военный коммунизм лишь со сравнительно коротким историческим периодом. Как полагает один из российских исследователей творчества А. А. Богданова историк-архивист П. А. Плютто, теоретик, скорее, пытался понять и объяснить весь тот огромный по масштабу и глубине «слом времен», который представляет собой эпоха первой мировой катастрофы, сама война в ней занимает не только пиковую, но и определенную часть далеко идущего кризиса. Концепция военного коммунизма «стала одной из наиболее значимых попыток понять внутренний механизм эпохи, ирреальность которой не являлась для него (А. А. Богданова. – Т. Р.) тайной» [7, с. 148.]

Ссылаясь на слова самого А. А. Богданова, отметим, что военный коммунизм для автора был все же коммунизмом, но тесно связанным с крайней милитаризацией общества в период мировой войны. Исследователь писал, что коммунизм этот является в основе своей «потребительным, но, применительно к потребностям распределения, может включать и регулирование производства, а также принудительную трудовую повинность. Готовые формы для этого коммунизма давала гигантски разросшаяся организация армии. <...> С развитием войны принципы пайка и казармы распространялись на все большую часть населения; следом за ними шло регулирование цен и сбыта, затем монополизация продуктов и регулирования производства». Возникшее в этих условиях резкое противоречие с обычными формами индивидуального присвоения создавало, по его словам, «ту атмосферу миража, в которой смутные прообразы социализма принимаются за его осуществление» [8, с. 90]. Как видим, А. А. Богданов не принял военный коммунизм и его методы, которые подробнейшим образом и раньше других проанализировал, как, впрочем, и саму природу и причины проведения этой политики.

Хотя нельзя не отметить, что уже в марте 1921 г. на X съезде РКП(б) руководством страны были признаны выполненными задачи политики военного коммунизма и введена НЭП. Объясняя причины

и итоги военного коммунизма, В. И. Ленин в статье «О продовольственном налоге» отмечал временный характер этой меры, называл ее «вынужденной войной и разорением», «не отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой» [9, с. 220]. Однако, выдвигая такого рода политику, большевики предполагали, что с ее помощью будет возможно осуществить непосредственный переход старой русской экономики к государственному производству и распределению собственности на коммунистических началах и что военный коммунизм, по словам того же В. И. Ленина, «надо поставить большевикам не в вину, а в заслугу, но в то же время необходимо знать меру этой заслуги» [9, с. 220].

Однако вернемся к А. А. Богданову. Его выводы о российском социализме того времени возникли на основе глубокого изучения им как ученым российской действительности. Еще до революции, что отмечалось выше, он утверждал: страна не созрела для антикапиталистического переворота, главной причиной чего является культурная несамостоятельность ее пролетариата. В статье «Вопросы социализма» А. А. Богданов высказывает мысль о том, что все проекты о немедленном навязывании пролетарского дела, самого радикального, невиданно сложного и трудного во всей истории организационного переустройства в мировом масштабе, являются не более чем злой иронией, так как пока рабочий класс и организационные орудия не владеют друг другом, решить мировую организационную задачу, т. е. осуществить социализм невозможно.

Программа А. А. Богданова о построении социализма, поиски путей формирования фундаментально новых социальных структур, а также проект Пролеткульта и романы-утопии «Красная звезда» (1907) и «Инженер Мэнни» (1912). Начиная с первых лет советской власти А. А. Богданов всячески стремился показать «работавшую полезность» его тектологии как «всеобщей организационной науки» для строительства нового общества. В этом случае прежде всего необходимо исходить из мысли о том, что создателем разрабатываемого «социалистического идеала» стал не просто революционер-марксист, хотя и неленинец, а ученый-естествоиспытатель, руководствующийся идеей о том, что социализм – это общество, в котором отношения людей к природе и друг к другу всецело определяются нормами научной целесообразности.

Как справедливо отмечает Г. Горцка, основной линией, проходящей через все труды А. А. Богданова, является ориентация на социалистическую перспективу. Действительно, все творчество А. А. Богданова, сколь разнородным бы оно не казалось, было направлено на то, чтобы инициировать формирование в российском социуме того

времени качественно новых социалистических структур экономики, политики, науки и искусства и определить по возможности направление этого процесса. Во всех выступлениях А. А. Богданов делал акцент на многосторонность революционного процесса и боролся против в конечном счете утвердившегося суженного понятия революции как чисто политического и экономического переворота в России.

Модель социализма А. А. Богданова характеризовалась не только тем, что это была модель справедливого или просто привлекательного общества, но социализм, как он полагал, есть «высшая мыслимая для нас ступень власти над природою, организованности, социальности, свободы, прогрессивности» [8, с. 98]. Иначе говоря, обязательным условием «положительно-практического» осуществления социализма и организации нового общества, по Богданову, должна была стать организация человеческого знания, формирование так называемого организационного мышления и «монистическая» интеграция разных областей науки, а также универсализация научно-организованного труда.

По мнению А. А. Богданова, пролетариат лишь внешне является классом-разрушителем, по «самой природе своей» он – созидатель, преследующий не боевые, а строительные цели. Как ученый, А. А. Богданов серьезно обдумывал, во-первых, условия, при которых социализм станет исторически возможным и практически реализуемым, а во-вторых, то, когда пролетариат начнет творить новые формы во всех областях жизни, социалистически преобразуя и себя, и все человечество. План исследователя был связан с выведением своего рода «уравнения социализма», главными составляющими которого стали человек (индивид), общество (пролетариат), неживая материя («организованная» природа). От соотношения этих переменных, в соответствии с планом А. А. Богданова, зависит все многообразие социализма. Автор так и пишет: «Наука существует именно для того, чтобы *предвидеть*... если в общем известно *то, что есть*, и известно, в *какую сторону оно изменяется*, то наука *должна* сделать вывод о том, что из этого получится» [8, с. 90].

Уделяя первостепенное значение радикальной трансформации трудовых отношений, А. А. Богданов фактически абсолютизирует роль и значение научно-организованного труда, в чем многие его критики и сегодня усматривают элементы утопизма. При капитализме, считает он, в трудовых отношениях слишком мало норм целесообразности и много принуждения. На смену разделению труда и принуждению к каким-либо действиям капиталистического общества должны прийти такие нормы, которые соответствуют «гармоническому» развитию, «социально-согласованной борьбе за счастье, борьбе за все, что жизнь и природа

могут дать для человечества» [8, с. 68–69]. Иначе говоря, следует «по-товарищески» организовать труд людей таким образом, чтобы члены общества были объединены «единством цели, свободно, без всякого принуждения поставленной себе людьми и выходящей за пределы личных интересов каждого из них», чтобы имел место «активный характер товарищеской связи» [8, с. 68–69]. На смену индивидуализму и разъединяющей силе конкуренции классовой борьбы, психологии разъединения и эгоизму придет, по мнению А. А. Богданова, сознание коллективной цели, которое станет результатом новой организованной системы коллективного труда. На стадии становления социализма еще будет иметь место принудительное распределение «нелюбимой работы» между всеми членами общества, но это будет осуществляться через регулярную перемену сферы и характера труда, а при сохранении потребности людей в труде это сгладит возможные конфликты. Он совершенно недвусмысленно говорит и о роли государства в социалистическом строительстве, при этом его взгляды во многом совпадают с ленинскими, изложенными в работе «Государство и революция»: «Будущее государство будет постепенно терять элементы принуждения и фактически перестанет быть государством, оно станет обществом, в котором господствуют нормы целесообразности как в отношении людей друг к другу, так и к природе» [8, с. 100]. Социализм для А. А. Богданова – это планомерно развивающееся общество, где все организовано на сознательно-товарищеских началах, где господствует общественная собственность на средства труда, отсутствуют классы, а распределение продуктов предполагает, что каждый «мог бы в полной мере развивать свою производительную энергию, следуя своему трудовому призванию» [8, с. 99].

Модель (программа) построения социализма А. А. Богданова была теснейшим образом связана с его «программой культурного развития» (приобретением рабочим классом универсального научно-технического образования, основанного на его организационной науке). Исследователь постоянно говорил о том, что если эта программа не будет воплощена в жизнь, то и рабочий класс не превратится в самодостаточный «организующий класс», а лишь «заменит капиталистическое ярмо на ярмо инженеров и ученых», а вместо идеала рабочего социализма появится «диаметрально противоположный ему» идеал технократии [10, с. 232].

Не случайно чрезвычайно важным звеном как всего учения А. А. Богданова, так и предложенной им модели социализма стал проект Пролеткульта, направленный на создание стратегии качества нового просвещения и образования пролетариата. А. А. Богданов считал этот проект

необходимым условием практической реализации социализма.

Не вдаваясь в детали того, как разрабатывалась идея Пролеткульта, и уж тем более в то, как создавалась сама эта организация, приобретая, как и само ее название, к концу 1930-х гг. чисто негативное значение, отметим только то, что А. А. Богданов вынашивал эту идею еще задолго до Октября. Главными во всех его текстах стали идея о развитии знаний, представления о человеческой жизни как о поле для разворачивания трудовой активности, о новом типе познания, о новом пролетарском языке и культуре. Согласно А. А. Богданову, высшая цель культуры – универсальное преобразование всей жизни и мира, исходя из идеала предельной целесообразности организации целого. Он писал: «Культура класса – это совокупность его организованных форм и методов» [8, с. 331]. Эту новую культуру он тесно связывал с мастерством, профессионализмом, «жизнестроительной активностью», «единством со всеми формами человеческой деятельности», коллективизмом в труде. А. А. Богданов противопоставлял культуру класса и индивидуализму, и авторитаризму, полагая, что именно благодаря ей будет уничтожено различие между умственным и физическим трудом, творческой и рутинной работой, а также откроются общие цели и пути преобразования мира на социалистических началах. Важно и то, что А. А. Богданов являлся сторонником не революций, а последовательного эволюционизма, общественного развития как приспособления к среде посредством совершенствования труда. Труд, как культурное творчество, и есть ключ к пониманию А. А. Богдановым культуры.

В проекте Пролеткульта А. А. Богданов особое место уделял и созданию научной организации труда, придавая огромное значение науке и «монистической интеграции» ее разных областей как обязательным условиям в деле создания «норм целесообразности, планомерно организующих технический опыт людей» и «положительно-практического» осуществления социализма [8, с. 63]. Даже отказавшись от политической деятельности, он не переставал писать о важности идеи пролетарской культуры, особенно в «нашей крестьянской, нищей и голодной стране», где многим эта деятельность казалась несвоевременной. Любое достижение культуры способствовало, по его мнению, формированию нового сознания индивида согласно психологии его класса. Поэтому и сам А. А. Богданов, и воодушевленные носители идеи Пролеткульта, стремясь к духовному освобождению пролетариата, считали важным превратить пролетариат не в ведомый, а в ведущий класс. Сделать это можно было путем осмысления им «буржуазной» культуры сквозь призму пролетарских интересов и целей.

В принципе и написанная В. И. Лениным резолюция «О пролетарской культуре» (1920) так же, как и программа А. А. Богданова, предполагала примат классовых интересов и культурную гегемонию пролетариата, хотя, в отличие от В. И. Ленина, А. А. Богданов признавал, что именно культура имеет важнейшее значение в деле формирования нового социалистического общества. Для В. И. Ленина же культура была не более чем одной из сторон диктатуры пролетариата и, что важно, отнюдь не самой главной.

То, что мы бы назвали «социальной перестройкой» А. А. Богданов отличал от заурядного захвата большевиками власти. Для построения нового общества, объединения всех его слоев и нужна была программа культурного развития. Сегодня в литературе можно найти утверждения о том, что именно благодаря программе А. А. Богданова «была создана та матрица, которая определит отношение к культуре в СССР и укажет ей место» [11], что новая социалистическая культура, органично вырастая из старой, должна стремиться к некоему абсолютному идеалу всечеловечности. Основой такой культуры должно стать то, что А. А. Богданов в свое время назвал «простотой, ясностью, чистотой форм» русских классиков XIX в., «великих мастеров», первых учителей «форм искусства для великого класса» [11], определив место культуры в самом центре социалистических преобразований. Один из приверженцев такой точки зрения В. Можегов считает, что «идея социализма как строительства, организации и системы» стала очень близка И. В. Сталину, который использовал ее для строительства «социализма в отдельно взятой стране» [11].

Разговор об А. А. Богданове не может быть закончен без хотя бы краткого упоминания о его пророческих утопиях «Красная звезда» и «Инженер Мэнни». Речь в них идет не о борьбе за власть, а о *строительстве* нового общества, совместной коллективной работе по созиданию природного, социального и внутреннего человеческого мира. В этих работах А. А. Богданов изложил свое видение нового общества, причем без каких-либо прикрас, он предвидел, как будет строиться «социализм в одной стране», блестяще описал, каким образом будет происходить переход к новым формам общежития людей от прежних эксплуататорских форм, а также предсказывал те опасности, которые подстерегают молодое общество на этом пути. Речь идет о транс-

формации демократии в диктаторскую власть одного человека над миллионами людей [12].

Удивительно, что даже одна из последних работ А. А. Богданова, являющаяся обобщением всех его исследований по переливанию крови, «Борьба за жизнеспособность» (1927) стала одним из приложений к его «общей организационной теории». В этом случае он попытался изложить свои идеи, касающиеся решения не только чисто медико-биологических, но и социальных задач: избавление от опасных болезней, продление активной жизни, развитие основ будущих отношений между людьми, т. е. коллективизма (через обмен кровью) [10, с. 195]. Ставшие для автора смертельными эксперименты по переливанию крови в целях повышения жизнеспособности организма подверглись в 1930-х гг. публичному осуждению. Однако сама идея обратить внимание на человеческий организм, увидеть его подлинное место в природе, определить «элементарные условия его жизнеспособности», чтобы отдалить старость и болезни, стала сегодня, как, может быть, никогда ранее, актуальной.

Очень непросто завершить разговор об А. А. Богданове, потому что оценки его творчества чрезвычайно противоречивы, а акценты, касающиеся востребованности той или иной стороны его учения, тоже крайне разнообразны. Среди идей исследователя сегодня могут быть востребованы основные положения его системного подхода; теории самоорганизации систем; успешно предсказанные в романе-утопии «Красная звезда» научные открытия в области физики, химии и научно-технического прогресса; поиски единых, универсальных принципов, на которых могут базироваться композиции специальных наук, формирование нового стиля мышления у новорожденных; разработки в области социологии, касающиеся идеологических форм и изменения общественной значимости науки, техники и управления, и, наконец, его вера в силы человеческого разума.

Несмотря на то что, как отмечают многие ученые, научные работы А. А. Богданова не потеряли актуальности даже спустя почти 100 лет, не менее важным для нас является то, что в данном случае мы имеем дело с «романтиком Революции», «Красным Гамлетом», как называли А. А. Богданова, не способным принять идею удержания власти любой ценой.

Библиографические ссылки

1. Моисеев НН. Тектология Богданова: современные перспективы. *Вопросы философии*. 1995;8:8–13.
2. Богданов АА. *Падение великого фетишизма (современный кризис идеологии)*. Москва: Типо-литография В. Рихтер; 1910.
3. Данилкин ЛА. *Ленин: пантократор солнечных пылинок*. Москва: Молодая гвардия; 2017.
4. Бордюгов ГА. *Неизвестный Богданов. Книга 1*. Москва: АИРО–XX; 1995.
5. Богданов АА. Судьбы рабочей партии в нынешней революции. *Новая жизнь*. 1918 январь 26:2.

6. Плютто ПА. А. А. Богданов о несоциалистическом характере октябрьской революции (комментарии к одному докладу). *Социологические исследования*. 1992;4:130–136.
7. Плютто ПА. А. А. Богданов о «военном коммунизме». *Социологические исследования*. 1990;11:147–151.
8. Богданов АА. *Вопросы социализма*. Москва: Политиздат; 1918.
9. Ленин ВИ. О продовольственном налоге. В: Ленин ВИ. *Полное собрание сочинений. Издание пятое. Том 43*. Москва: Издательство политической литературы; 1976.
10. Прот'ко ТС, Грицанов АА. *Александр Богданов*. Минск: Книжный дом; 2009.
11. Можегов В. Эволюция советского большевизма. Статья первая: Богданов и его социализм как организация. *Свободная пресса*. [Интернет]. 2015 ноябрь 12 [дата обращения: 20.01.2018]. URL: <https://svpressa.ru/politic/article/135530/>.
12. Богданов АА. *Красная звезда*. Москва: Правда; 1988.

References

1. Moiseev NN. [Bogdanov's Tectology: Modern Perspectives]. *Voprosy Filosofii* [Problems of philosophy]. 1995;8: 8–13. Russian.
2. Bogdanov AA. *Padenie velikogo fetishizma (Sovremennyy krizis ideologii)* [The fall of the great fetishism (Modern crisis of ideology)]. Moscow: Tipo-Litografiya V. Rikhter; 1910. Russian.
3. Danilkin LA. *Lenin: pantokrator solnechnykh pylinok* [Lenin: the pantocrator of solar dust]. Moscow: Molodaya gvardia; 2017. Russian.
4. Bordyugov GA. *Neizvestnyi Bogdanov. Kniga 1* [Unknown Bogdanov. Book. 1]. Moscow: AIRO–XX; 1995. Russian.
5. Bogdanov AA. [The fate of the workers' party in the present revolution]. *Novaya zhizn'* [New life]. 1918 January 26:2. Russian.
6. Plyutto PA. [A. A. Bogdanov on the non-socialist nature of the October Revolution (commentary on one report)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 1992;4:130–136. Russian.
7. Plyutto PA. [A. A. Bogdanov on «military communism»]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 1990; 11:147–151. Russian.
8. Bogdanov AA. *Voprosy sotsializma* [Questions of Socialism]. Moscow: Politizdat; 1918. Russian.
9. Lenin VI. [On the Food Tax]. In: Lenin VI. *Polnoe sobranie sochinenii. Izdanie pyatoe. Tom 43* [Full collection composition. 5th editing. Volume 43]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1970. Russian.
10. Prot'ko TS, Gritsanov AA. *Alexander Bogdanov*. Minsk: Knizhnyi dom; 2009. Russian.
11. Mozhegov V. Evolution of Soviet Bolshevism. Article one: Bogdanov and his socialism as an Organization. *Free Press*. [Internet]. 2015 November 12 [cited 2018 January 20]. Available from: <https://svpressa.ru/politic/article/135530/>. Russian.
12. Bogdanov AA. *Krasnaya zvezda* [A Red Star]. Moscow: Pravda; 1988. Russian.

Статья поступила в редколлегию 28.01.2018.
Received by editorial board 28.01.2018.

УДК 1(091)+101.1:316+111

СУЩНОСТЬ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО НИГИЛИЗМА И ПРОБЛЕМА ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

И. Н. СИДОРЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Раскрывается сущность онтологического нигилизма как утраты миром целостности и смысла. Утверждается, что бунт против бытия уходит корнями в утопическое нигилистическое сознание, которое предстает как своеволие разума. Постулируется, что утопическое сознание, порожденное онтологическим нигилизмом, подменяет творчество радостью разрушения и выступает инструментом насилия, стремясь все свести к единому стандарту, это проявляется, во-первых, в сверхрационализации политического режима; во-вторых, в доминировании технократического взгляда на мир и ощущении человеком своей «бездомности»; в-третьих, в банальности, под которой понимается анонимный разум, приводящий к торжеству массовидного индивида, не способного на поступок и личную ответственность. Обосновывается идея о том, что преодолеть нигилизм возможно благодаря возвращению человека к своему истоку, через осознание себя как исторического существа, решившегося взять на себя бремя ответственности за этот мир. Методологической базой исследования выступили философские идеи С. Кьеркегора, Ф. Ницше, М. Хайдеггера, К. Ясперса, Х. Арендт, М. Мамардашвили.

Ключевые слова: онтологический нигилизм; нигилистическое сознание; бунт; переоценка ценностей; воля; время; ответственность; страх; вина; решимость.

THE ESSENCE OF ONTOLOGICAL NIHILISM AND THE PROBLEM OF ITS OVERCOMING

I. N. SIDORENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The essence of ontological nihilism is revealed such as the world loses its integrity and meaning, and it is argued that the revolt against being has its roots in utopian nihilistic consciousness, which appears as the total will of mind. It is postulated that utopian consciousness has been generated by ontological nihilism replaces creativity with joy of destruction and is as an instrument of violence and reduces everything to a single standard. This is manifested, first, in the extra-rationalization of the political regime; secondly, in the dominance of the technocratic view of the world and the human feeling of its «homelessness»; third, in platitudes, that is, anonymous mind, leading to the triumph of one-dimensional person, who is not able to act and to have personal responsibility. The author of this article substantiates the idea that it is possible to overcome nihilism, but for it needs to return person to his source, through the realization of himself as a historical person, who has resolved to take on the burden of responsibility for this world. The author uses the philosophical ideas of S. Kierkegaard, F. Nietzsche, M. Heidegger, K. Jaspers, H. Arendt, M. Mamardashvili such as a methodological basis of this research.

Key words: ontological nihilism; nihilistic consciousness; revolt; revaluation of values; will; time; responsibility; fear; guilt, resolve.

Образец цитирования:

Сидоренко И.Н. Сущность онтологического нигилизма и проблема его преодоления. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2018;3:36–42.

For citation:

Sidorenko IN. The essence of ontological nihilism and the problem of its overcoming. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2018;3:36–42. Russian.

Автор:

Ирина Николаевна Сидоренко – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Irina N. Sidorenko, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences. iri_na2000@rambler.ru

Введение

В современном мире происходит трансформация власти: ее претензия на глобальность приводит к тотальному насилию. Культурные барьеры, разделение человечества по цивилизационному признаку лишь усугубляют эту ситуацию. Порожденная таким разделением конкуренция между центрами силы не только в плане власти, но и в плане отстаивания своего образа жизни, во многом иррациональна, а значит, опасна и разрушительна. Доминирующей продолжает оставаться установка на радикальное преобразование действительности: мир должен быть организован сообразно истинным идеям. Уверенность в истинности и правоте своих воззрений и верований повышает риск насильственного навязывания собственного ви-

дения и проекта действительности: если не получается организовать мир так, как «надо», значит, необходимо насильственно «тянуть» людей в свою истину. Вместе с тем сужается пространство для социального действия, подкрепленного личной ответственностью, что приводит к невозможности локализовать субъект, т. е. определить, кто думает, кто говорит и кто действует. Сложившуюся ситуацию правомерно определить как бунт «полого» человека против бытия, как торжество онтологического нигилизма.

Теоретические основы настоящей статьи: философские идеи С. Кьеркегора, Ф. Ницше, М. Хайдеггера, К. Ясперса, Х. Арендт, М. Мамардашвили.

Основная часть

Термин «нигилизм» был введен в оборот немецким философом Ф. Якоби в контексте послания к И. Фихте, а получил наиболее яркое и радикальное раскрытие в творчестве другого немецкого философа – Ф. Ницше. Так, Ф. Ницше под нигилизмом понимал утрату смысла высших ценностей, целей, принципиальную невозможность дать ответ на вопрос «зачем?». Источником нигилизма стал распад мира на бытие и смысл, т. е. утрата миром целостности. Отсюда нигилизм – обесценивание мира. Однако такая трактовка раскрывает негативность нигилизма, «дух мести», который должен быть преодолен. До Ф. Ницше в философии господствовала идея о высшей ценности, т. е. об абсолютно вневременной структуре. Немецкий философ отказался от этой идеи, отметив, что мотивацией к образованию ценностей является злопамятство воли, результатом которой становится возникновение ценностей, приводящих к забвению времени. Человек не может выдержать бессмысленность мира, поэтому он либо начинает измышлять некие искусственные основания, загоняя себя в тиски «нового истинного мира», либо встает на позицию метафизического бунта и, будучи инструментом «духа мести», стремится все разрушить. Ф. Ницше определил нигилизм «как симптом того, что неудачникам нет больше утешения, что они уничтожают, чтобы быть уничтоженными, что они, оторвавшись от морали, не имеют больше основания “покоряться своей судьбе”, что они становятся на почву противоположного принципа и со своей стороны также хотят власти, принуждая властвующих быть их палачами. Это и есть европейская форма буддизма: осуществление “нет” после того, как всякое существование потеряло свой “смысл”» [1, с. 64]. В отличие от нигилистической установки, философ ратовал за принципиально новый тип мышления, свободный от «духа мести», за иное отношение к времени и вре-

менному, и такой новый тип мышления он находил в «Вечном возврате того же самого», дающего возможность разорвать вереницу случайностей. Сама мысль о том, что все должно пройти и повториться, может раздавить человека, лишить его воли, так как повторяется не его, а чужое, случайно навязанное прошлое, которое искажает и настоящее, делая его неподлинным, а значит, человек не в состоянии выбрать те возможности, которые предоставляет ему будущее. Человек должен преодолеть в себе это отвращение, «откусить змее голову», выздороветь. Выздоровление начинается с принятия случайности своего прошлого, а в дальнейшем человеку необходимо создать прошлое заново на своем собственном языке. Иначе отвращение к прошлому приведет к отвращению к жизни. Однако, преодолев отвращение, воля не может победить время: «было» – вот камень преткновения, из-за которого воля может впасть в безумие, стать мстительницей, а ведь дух мщения и составляет основу нигилистического отношения к жизни, ко времени. Поэтому Ф. Ницше в отрывке «О тарантулах» призывал человека избавиться от мести. Воля должна преодолеть месть, должна вспомнить, что она созидательница. И пока воля не скажет «Но так хотела я!», всякое «было» будет оставаться ужасной случайностью. Ф. Ницше говорит: «Спасти прошлое в человеке и преобразовать все, что “было”» [2, с. 143] – это и есть избавление от мщения и отвращения. Смысл «выздоровления» Заратустры в том и заключается, чтобы понять концепт «Вечное возвращение» не как наказание существованием, но как вечное утверждение и созидание: возвращается само возвращение как возможность становления; исчезает скука разнообразия, а появляется радость различия, многообразия. То, что утверждается в «Вечном возвращении» – это полнота жизни, возможность бытия. Правда, по словам Ф. Ницше, это под силу

пока только поэтам, находящим в себе силы пере- сказать свое прошлое своими словами, проявить подлинное Я, а не быть просто отпечатком кого-то другого. Соответственно, излечиться от нигилизма, как от болезни, человек пока не может. Вместо творящего человека в истории возобладал озлобленный, который не смог осуществить переход от пассивного нигилизма к активному.

Сущность пассивного нигилизма проявилась в переходе от «Ничто воли» к «воли к Ничто», а первенство свободы человека по отношению к бытию ознаменовало превосходство человеческой воли над миром. Уверовав в свое беспредельное могущество, человек перекраивает мир, не только создавая искусственную среду как «вторую природу», но и ввергая само бытие в забвение. Если Ф. Ницше видел возможность выхода из «ловушки» пассивного «больного» нигилизма посредством обоснования жизнеутверждающих принципов, таких как ответ «да» жизни, то нигилизм воли как гипертрофия волевого начала и предельное своеволие отчужденного человека, утратившего свое подлинное бытие, предпочитает говорить «нет». Такой современный нигилизм, как справедливо отметил российский философ грузинского происхождения М. Мамардашвили, не допускает осуществления поступка «лицом к лицу», а, наоборот, порождает неподлинные формы взаимодействия массовидных индивидов-марионеток. Поэтому человек с таким нигилистическим утопическим сознанием может хотеть только одного: «взорвать себя, т. е. покончить с собой и одновременно со всем миром», так как он в принципе «не может жить в мире, который ему непонятен», однако если он «достигает степени самоуважения посредством упрощенных схем, то он скорее убьет того, кто попытается разрушить эти схемы, чем расстанется с ними» [3, с. 89].

Бунт против бытия как такового уходит корнями в утопическое нигилистическое сознание, которое стремится, во-первых, найти цель и все обосновать, а во-вторых, все свести в единое и систематизировать посредством упрощения. Это приводит к тому, что острое переживание зла, царящего в мире, переходит в ненависть к этому миру. Таким образом, утопическое сознание, порожденное онтологическим нигилизмом, подменяет творчество радостью разрушения.

Нигилистическое мышление современного человека предстает как своеволие разума. Оценивая, полагая вещи мира как «поставленные-в-наличии» для человека, разум опустошает пределы мира. Как отмечал в связи с этим немецкий философ М. Хайдеггер, полагание чего-то как ценности лишает это оцененное существования. Однако, поскольку, как говорится в Библии, свято место пусто не бывает, опустевшее место Бога в сверхчувственном мире человек стремится удержать, оно само вызывает

к тому, чтобы его заняли. Воздвигаются новые идеалы, и место Бога, согласно мысли Ф. Ницше, заменяется посредством новых учений, обещающих осчастливить мир. Так проявляется «неполный» или пассивный нигилизм, который хотя и заменяет старые ценности новыми, но ставит их на прежнее место. Следовательно, ницшеанский проект «переоценки» превращается в иллюзию: «место» для утверждения новых ценностей – сверхчувственное – не исчезает, а значит, не происходит «переворачивания самих способов оценивания» [4, с. 172]. После «смерти Бога» на его место претендует всеобщность, создающая новую ценность: идеал стандартизированного и управляемого человека. По мысли Ф. Ницше, «поскольку разум адресован благоразумию, адресован среднему, адресован банальности, то он и есть орудие этого воспитания и управления» [5, с. 107].

Систематизирующий и стандартизирующий разум превращается в орудие управления и насилия. Это проявляется, во-первых, в сверхрационализации политического режима, т. е. в эффективном соотношении целей и средств их достижения. В качестве примера приведем наработки американского экономиста, историка и социолога П. Грегори и выделим четыре проекции анализа фигуры тирана:

1) «научное планирование» (тиран намечает только стратегию);

2) «оседлый грабитель» (принимает решения исходя из своих представлений о планировании и дальнейшем развитии страны);

3) «тиран/диктатор-эгоист» (заинтересован только в накоплении и усилении своей власти);

4) «тиран/диктатор-рефери» (выступает в роли посредника и заложника групповых интересов) [6].

Проиллюстрируем приведенную классификацию на примере СССР как тоталитарного общества. Оценка сталинского режима П. Грегори сводится к следующему: это промежуточное положение между второй и третьей проекцией, так как «Сталина можно считать экспертом в области политики зверств и жестокости» [6, р. 29], однако он выступает как мудрый политик, рационализирующий террор. Рационализация террора оборачивается безумными формами его объективации. Так, если расположить конкретные шаги и политические решения И. В. Сталина на шкале от рациональности к безумству, то получается следующая картина. Накопление капитала – рациональная задача, однако она выполняется посредством необдуманной политики коллективизации, поэтому оборачивается тиранией. Сделанная ставка на командно-административную систему управления, благодаря предельной рационализации, превращается в свою противоположность: сверхцентрализацию бюрократического аппарата и, как следствие, безумие

в виде паранойи, ощущение бессилия, приводящее к репрессиям. Рационализация классового боя как проект раскрытия врага по мере боя с ним оборачивается размыванием различий между другом и врагом, следовательно, логичным является выявление врага в процессе саморазоблачения. Если при этом учесть, что знание тирана изменчиво, т. е. оно выступает как невозможная мудрость, то становится понятной бессосновательность человека в тоталитарном обществе: самопротиворечие как «двоемыслие» – это основа рассуждения, поэтому все члены такого общества – «мыслепреступники» [7]. Исходя из этого, сущность тоталитарной тирании – это сверхрационализация общественной жизни, теневой стороной которой становится безумие тирании. Лучшее всего это выразил Дж. Оруэлл: «Цель репрессий – репрессии. Цель пытки – пытка. Цель власти – власть» [7, с. 268–269]. Именно так отвечает субъект тирании О’Брайен объекту тирании Уинстону на его глупое предположение о том, что Старший Брат правит ради блага народа.

Во-вторых, рационализация приводит к доминированию технократического взгляда на мир и ощущению человеком своей «бездомности». Рационалистическая система ценностей, заложенная в эпоху Просвещения, в современном обществе трансформировалась в установку сверхрационализации потребления и обернулась иррациональным подавлением человека, общества и природы. Рационалистический подход к действительности, получивший свое полное воплощение в технократизме, содержит в себе не только созидательное, но и разрушительное начало. Такая односторонняя ориентация на рациональную организацию жизни все больше приобретает деструктивный характер и оказывается тупиковым вариантом социального развития. Полный автоматизм современного мира приводит к голому динамизму. Это явление точно описал немецкий поэт и мыслитель Ф. Юнгер: «На нас наступает мертвое время. Жизнь поступает на службу действующему повсюду автоматизму, который начинает ее регулировать»¹ [8, С. 44]. Таким образом, насильственно разрушающее бытийное пространство человека техника приводит, во-первых, к потере человеком своей избыточности как предпосылки радости творчества, во-вторых, к забвению традиции и, в-третьих, к «бездомности» человека. Основная причина «бездомности» и отчужденности – это мировая судьба, суть которой заключается в том, что человек познается, а значит, и существует как господин бытия. Немецкий философ К. Ясперс определил современное существование как массовое, ориентированное на удовлетворение желаний и преобразование окружающего мира. Современный человек надеется обрести покой не в трансценденции, а в мире, который можно изме-

нить посредством техники, а значит, попытаться привести к совершенству. Однако, так как человек обладает все-таки ограниченными возможностями, техника также имеет границы. Достижимое желаемое не всегда оказывается благом, в настоящее время у человечества возникло «ощущение беспомощности и бездомности», или ощущение пустоты бытия. Согласно К. Ясперсу, техника радикально изменила повседневную жизнь человека, превратила все существование в действие некоего технического механизма. Произошел отрыв человека от его почвы, даже его дом и земельный участок уподобляются машинам, настолько они переходящи и взаимозаменяемы. Сегодня, воздействуя на природу с помощью машин, человек не освобождается от необходимости трудиться, но в то же время отдаляет свой труд от природы, не противостоит ей, как живой живому. Труд становится механическим, и чем он механичнее, тем меньше в нем ценности и тем больше человеку приходится трудиться. Насилие отчужденностью проявляется как отчуждение от своей историчности, в силу чего время для современного человека предстает как символ поспешности, озабоченности сиюминутным, «злостью дня», где все рассчитано на результат, а не на творение и общение [9]. Несокрываемость, непотаенность современной эпохи порождается иллюзорной верой в способность техники все предвидеть и просчитать. Однако совершенство техники лишь кажущееся явление.

В-третьих, оборотной стороной рационализации становится банальность, под которой мы понимаем анонимный разум, приводящий к торжеству массовидного усредненного индивида, не способного как самостоятельно совершать поступки, так и нести за них ответственность. Вытеснение человека из пространства свободы и вместе с тем личной и социальной ответственности осуществляется за счет низведения его до статуса «взаимозаменяемого винтика» в рационально организованной социальной машине, в которой невозможно найти носителя разума. Так, банальность действия, за которое никто не несет ответственности, трансформируется в «банальность зла», под которой, следуя мысли немецкого философа Х. Арндт, будем понимать повседневность и обычность насилия. «Банальность зла» является следствием развития тоталитарного массового общества и представляет собой недооцененную опасность как для отдельного человека, так и для общества в целом. Идею о «банальности зла» Х. Арндт развила в книге «Банальность зла. Эйхманн в Иерусалиме» [10], посвященной судебному процессу 1961 г. над «архитектором холокоста». В эпилоге Х. Арндт написала: «В личности Эйхманна особое беспокойство вызывает как раз то, что он, как и многие, не был ни

¹Здесь и далее перевод наш. – И. С.

перверсивным, ни садистским типом, но ужасно и ужасающе нормальным. С точки зрения наших правовых институтов и масштаба наших моральных суждений эта нормальность страшнее, нежели все мерзости вместе взятые. Ибо она подразумевала нечто достаточно полно подтвержденное высказываниями обвиняемых и их защитников: этот новый преступник, который действительно является *hostis, generis humani* (преступником против человечества), действует в условиях, почти полностью исключая возможность осознания своих преступлений» [11, с. 240]. «Банальность зла» находит исток в том, что в массовом обществе снижается порог восприятия и неприятия насилия. Как отмечает российский философ Н. В. Мотрошилова, «попрание прав и свобод, ущемления достоинства людей, размах потенциальных угроз для их жизни и безопасности – все подобное превращается в факты бытия столь необратимо и массово, что зло принимает вид именно банальных, привычно-повседневных феноменов, превращается в нечто как бы “естественное” и непреодолимое» [11, с. 241]. Массовое общество с его установкой на отрицание ответственности создает благоприятные условия для растворения личной вины в общей структуре «безответственности», т. е. виновны все и никто.

Что можно было бы противопоставить всепоглощающей «черной дыре» нигилистического мышления? Ответ: «Возвращение человека в пространство личностного действия и ответственности». Это бытие «лицом к лицу» с Ничто, понимание того, что человеку подвластно все, кроме времени, т. е. осознание себя как исторического существа. Время – это граница, через которую ему не дано переступить. Обратимся для раскрытия нашей идеи к философии С. Кьеркегора. Датского мыслителя интересовало то состояние, которое предшествовало возникновению свободы, т. е. состояние страха. Этот страх не имеет основания, его предметом является Ничто, бездна, в которую смотрит человек, осознавший свою конечность и смертность; ничто – это то, что за границей времени, поэтому избежать его нельзя, оно впереди и всегда будет конечным пунктом существования. С. Кьеркегор отличал понятие страха-тоски (*Angst*) как безосновного от страха-боязни (*Furcht*), у которого предмет четко определен [12, с. 144–145]. Страх-тоска выступает как экзистенциальная характеристика самого человеческого Я, это форма переживания Ничто, и в страхе человек соприкасается с конечностью своего существования. Тем самым С. Кьеркегор показывал, что есть такая реальность, которая невидима для бесконечного существа, т. е. Бога, но видима для конечного, это и есть Ничто. Согласно мысли философа, необходимо самому быть причастным к Ничто, но не просто соприкасаться с ним, а существовать в нем, быть смертным, чтобы

осознать его реальность. Поэтому Ничто открывается только человеку и только в страхе. Осмысление феномена страха приводит человека к его истоку, к основе существования, т. е. направленность его к Ничто, к осознанию своего существования как конечного, как исторического. Ничто (а стало быть, и страх) побуждает человека выйти из состояния невинности, стать сознанием, а это и есть начало свободы. Таким образом, экзистенциализм имеет своей предпосылкой постулирование Ничто как реальности, исходящей из принципа конечности. Страх ведет человека к осознанию греха и вины. Вина и ответственность связаны с историчностью существования таким образом, что человек, совершивший выбор, постигает свою ответственность за прошлое, делая его своей историей [13, с. 18–20].

Однако чувство вины еще не «повернет» человека лицом к бытию. Необходимо принять свое прошлое и осознать ответственность за него, т. е. совершить усилие. Об этом и говорил М. Хайдеггер, продолжая развивать тему страха и отмечая, что именно через страх осознается тотальность собственного отчуждения, символом которого и выступает Ничто. Страх раскрывает исходный непредметный горизонт мира, лежащий в основе всякого определенного, предметного внутримирного сущего. Страх – основное состояние, которое ставит человека перед Ничто. Эта укорененность в Ничто предстает как событие, составляющее основу всякого «нахождения себя среди уже сущего». Страх может возникнуть только в решившемся *Dasein*, так как страх не угнетает и не спутывает, а, наоборот, освобождает от «ничтожных» возможностей и позволяет высвободиться для собственных. Поэтому историчность предстает как осознание конечности, но не просто через констатацию того, что другие смертны, а через свое собственное бытие, как бытие-к-смерти, конструирование своей миро-истории. Страх ставит перед *Dasein* вопрос о целостности его бытия, раскрывая смерть как его собственную возможность быть самостью. Смерть пребывает в качестве возможности угрозы сделать все прочие возможности невозможными. Как отмечал М. Хайдеггер, смерть как возможность перекрывает пути самореализации. Так, осознание смерти, суетности любого проекта обосновывает историчность экзистенции, неполноту каждого из ее моментов [14]. Нигилистическое мышление ведет к отчуждению, которое, следуя мысли немецкого философа, правомерно трактовать как неподлинное понимание бытия, неподлинное существование. Средство преодоления нигилизма и отчуждения заключается во временности и историчности, так как подлинное существование – это бытие-к-смерти, поскольку только перед лицом смерти человек может стать свободным, т. е. может распознать и выбрать среди возможностей такие,

которые окажутся недостижимыми для смерти. В повседневном существовании *Dasein* разбито на экзистенциальные фрагменты, поэтому обретение целостности для него выступает как его собственная смерть. По мысли М. Хайдеггера, такое существование в бытии-к-смерти выделяет *Dasein* из безопасной анонимности повседневного пребывания среди людей (*das Man*). Существование в модусе *das Man* – это существование вне личной ответственности «полого» человека в том смысле, что «мы его простукиваем, а там – пустота, и в эту пустоту устремляется рушащийся мир, уже не стоящий на ногах, а засасываемый в пустоту» [5, с. 108]. Повседневное знание о смерти несоотносимо с *Dasein*, так как в повседневности смерть предстает косвенно, как смерть «другого». В неподлинном существовании смерть как событие, как чистая возможность перед лицом своей конечности быть самим собой, полностью исключается, происходит избегание смерти как факта существования.

Вместе с тем смерть – это чистая возможность. «Страх» и бытие-к-смерти лишь указывают на бы-

тие *Dasein* как на целостность. Осознав всю тотальность нигилизма и отчуждения, человек решается на выбор возможности. При этом решимость задается не через временность, а через историчность, так как временность выражает только конечность, под историчностью же понимается протяженность существования от рождения до смерти, жизнь как история, на которую надо решиться. Страх указал на экзистенциально-онтологическую целостность *Dasein*, выражением которой у М. Хайдеггера стала «забота» (нем. *Sorge*), обозначающая взаимную соотнесенность бытия и темпоральных структур экзистенции. Страх перед Ничто и чувство вины возвращают *Dasein* из мира *das Man* в структуру заботы, а зов совести призывает к решимости обрести собственное бытие *Dasein*, он «несомненно идет не от кого-то другого, кто есть со мной в мире. Зов идет от меня и все же сверх меня» [15, с. 275]. Так осуществляется «просвет» бытия и вместе с тем человек познается, а значит, и существует уже не как «господин сущего», а как «пастырь бытия», который осознает свою ответственность.

Заключение

Таким образом, нигилизм порождает насилие как единственную реакцию «бездомного» «полого человека», волящего Ничто, для которого соблазн безответственности перевешивает стремление быть свободным. Так «воля к Ничто» приводит к «атрофии» способности к социально-политическим действиям. Такой социальный «паралич» всегда будет порождать культ насилия и искать ему оправдание. В то же время фрустрация способности к действию соседствует с технократической волей, наделяющей человека правом на коренное переустройство мира, которое оборачивается восстанием против бытия и его отрицанием. Господство деонтологизированного субъективизма указывает на растущее озлобление против бытия и реализуется как в актах

утопического активизма, так и в подавленности, бездеятельности человека. Поэтому разрешение проблемы насилия невозможно без преодоления онтологического нигилизма. Только на уровне собственного усилия и действия, собственной ответственности, собственного страха человек способен вынести тяжесть мира, придать смысл и утвердить бытие. Если этого нет, то мир пуст, в нем ничего нет, и тогда все можно разрушить и взорвать, не видя границ и пределов своей преобразующей деятельности. Поэтому необходимо, как говорил М. Мамардашвили, «перед пустым миром брать на себя бремя ответственности», так как только в «поле ответственности» человек «может взвалить на свои плечи существование чего-то в мире» [5, с. 108–109].

Библиографические ссылки

1. Ницше Ф. *Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей*. Герцык Е, Гейликман Т, Рубинштейн М, Рачинский Г, Рудницкий М, переводчики. Москва: REFL-book; 1994. 352 с.
2. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. В: Ницше Ф. *Сочинения. Том 2*. Москва: Рипол классик; 1997. с. 5–240.
3. Мамардашвили М. *Как я понимаю философию. Доклады, статьи, философские заметки*. Сенокосова ЮП, составитель. Москва: Прогресс; 1992. 416 с.
4. Хайдеггер М. Европейский нигилизм. В: Хайдеггер М. *Время и бытие. Статьи и выступления*. Бибахин ВВ, составитель и переводчик. Москва: Республика; 1993. с. 64–176.
5. Мамардашвили МЕ. *Очерк современной европейской философии*. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус; 2012. 608 с.
6. Gregory PR. *The Political Economy of Stalinism. Evidence from the Soviet Secret Archives*. London: Cambridge University Press; 2004. 380 p.
7. Оруэлл Д. *1984: роман. Скотный Двор*. Толстая С, переводчик. Москва: АСТ, Астрель; 2012. 361 с.
8. Jünger FG. *Die Perfektion der Technik. Maschine und Eigentum*. Frankfurt an Main: Vittorio Klostermann GmbH; 1949. 324 S.
9. Ясперс К. Истоки истории и ее цель. В: Ясперс К. *Смысл и назначение истории*. 2-е издание. Левина НН, переводчик. Москва: Республика; 1994. с. 28–287.

10. Арендт Х. *Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме*. Рудницкая Н, переводчик. М.: Европа, 2008. 424 с.
11. Мотрошилова НВ. *Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт: бытие – время – любовь*. Москва: Академический проект, Гаудеамус; 2013. 526 с.
12. Кьеркегор С. *Страх и трепет*. Исаева Н, Исаев С, переводчики. Москва: ТЕРРА-Книжный клуб, Республика; 1998. 384 с.
13. Сидоренко ИИ. *Идея историчности в философии немецкого экзистенциализма*. Минск: РИВШ; 2007. 124 с.
14. Сидоренко ИИ. *Философия насилия: от метафоры к концепту*. Минск: БГУ; 2017. 175 с.
15. Хайдеггер М. *Бытие и время*. Биbihин ВВ, переводчик. Москва: Ad Marginem; 1997. 452 с.

References

1. Nietzsche F. *Wille zur Macht Versuch einer Umwertung aller Werte*. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag; 1996.
Russian edition: Nietzsche F. *Volya k vlasti: opyt pereotsenki vseh tsennosti*. Gertsyuk E, Geilikman T, Rubinshtein M, Rachinskii G, Rudnitskii M, translators. Moscow: Repl-book; 1994. 352 p.
2. Nietzsche F. [Thus spoke Zarathustra]. In: Nietzsche F. *Sochineniya. Tom 2* [Works. Volume 2]. Moscow: Ripol klassik; 1997. p. 5–240. Russian.
3. Mamardashvili M. *Kak ya ponimayu filosofiyu. Doklady, stat'i, filosofskie zametki* [As I understand the philosophy. Papers, articles, philosophical notes]. Senokosova YuP, composition. Moscow: Progress; 1992. 416 p. Russian.
4. Heidegger M. [European nihilism]. In: Heidegger M. *Vremya i bytie. Stat'i i vystupleniya* [Time and being: Articles and speeches]. Bibikhin VV, compiler and translator. Moscow: Respublika; 1993. Russian.
5. Mamardashvili ME. *Ocherk sovremennoi evropeiskoi filosofii* [Essay on modern European philosophy]. Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus; 2012. 608 p. Russian.
6. Gregory PR. *The Political Economy of Stalinism. Evidence from the Soviet Secret Archives*. London: Cambridge University Press; 2004. 380 p.
7. Orwell G. *Nineteen Eighty-Four*. London: Secker and Warburg; 1949.
Russian edition: Orwell D. *1984: roman. Skotnyi Dvor*. Moscow: AST, Astrel'; 2012. 361 p.
8. Jünger FG. *Die Perfektion der Technik. Maschine und Eigentum*. Frankfurt on Main: Vittorio Klostermann GmbH; 1949. 324 S.
9. Jaspers K. [The Origins of history and its purpose]. In: Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [The Meaning and purpose of history. 2nd edition]. Levina MI, translator. Moscow: Respublika; 1994. Russian.
10. Arendt H. *Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil*. New York: Viking Press; 1963.
Russian edition: Arendt H. *Banal'nost' zla. Eikhman v Ierasulime*. Moscow: Evropa; 2008. 424 p.
11. Motroshilova NV. *Martin Khaidegger i Khanna Arendt: bytie – vremya – lyubov'* [Martin Heidegger and Hannah Arendt: being – time – love]. Moscow: Akademicheskii proekt, Gaudeamus; 2013. 526 p. Russian.
12. Kierkegaard S. *Frygt og Bæven. Two Upbuilding Discourses*. Denmark: Bookdealer P. G. Philipsen; 1843.
Russian edition: Kierkegaard S. *Strakh i trepet*. Isaeva N, Isaev S, translators. Moscow: TERRA-Knizhnyi klub, Respublika; 1998. 384 p.
13. Sidorenko IN. *Ideya istorichnosti v filosofii nemetskogo ekzistentsializma* [The idea of historicity in the philosophy of German existentialism]. Minsk: RIVSh; 2017. 124 p. Russian.
14. Sidorenko IN. *Filosofiya nasiliya: ot metafory k kontseptu* [Philosophy of violence: from metaphor to concept]. Minsk: BSU; 2007. 175 p. Russian.
15. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Tübingen: Niemeyer; 1967.
Russian edition: Heidegger M. *Bytie i vremya*. Bibikhin VV, translator. Moscow: Ad Marginem; 1997. 452 p.

Статья поступила в редакцию 26.03.2018.
Received by editorial board 26.03.2018.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАПИТАЛИЗМА И КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ МАКСА ВЕБЕРА

Л. А. ЧЕБЛАКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Методологически анализируется капитализм и его «дух», где в качестве инструмента социального познания у М. Вебера выступает категория идеального типа. Описывается, что социальная диалектика обусловлена социальным действием индивидов, активность которых мотивирована специфическим религиозным сознанием – протестантской хозяйственной этикой, М. Вебер выделяет главные постулаты протестантской хозяйственной этики: трудолюбие, честность, бережливость, рачительность.

Ключевые слова: дух капитализма; идеальный тип; рациональное общество; социальное действие; протестантская этика.

METHODOLOGICAL ANALYSIS OF CAPITALISM AND THE CONCEPT OF MAX WEBER SOCIAL IMPACT

L. A. CHEBLAKOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article is devoted to methodological analysis of capitalism, it is «spirit» where as an instrument of social cognition according to Weber the category of an ideal types is considered. Social dialectics is stipulated by the social action of persons, which activity is motivated by specific religiously consciousness – the evangelical economical activity. Weber outlines the main axioms of the evangelical economical activity: diligence, integrity, economy, thoughtfulness.

Key words: capitalism spirit; ideal type; rational society; social action; evangelical ethics.

Максимилиан Карл Эмиль Вебер – немецкий социальный философ, социолог, историк, основоположник понимающей социологии и теории социального действия. В рамках экономической истории М. Вебер занимался проблемой идентификации экономических явлений прошлого, теоретическое осмысление которых велось на основе анализа современного капиталистического общества. В ходе методологического осмысления экономических понятий, наряду с Г. Риккертом и В. Дильтейем, он рассматривал историческую политэкономия как историческую социологию, «науку о духе»,

в рамках которой философ пытался выявить роль протестантской хозяйственной этики в генезисе западноевропейского капитализма. В этой системе хозяйственной жизни М. Вебер выявляет диалектику в системе социума, обусловленную материальными, культурными и религиозными интересами. Главной в социальной философии М. Вебера выступает идея экономической рациональности, нашедшая последовательное выражение в современном капиталистическом обществе с его «рациональной религией» протестантизма, рациональным правом и управлением, рациональной бюрократией, раци-

Образец цитирования:

Чеблакова ЛА. Методологический анализ капитализма и концепция социального действия Макса Вебера. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2018;3:43–47.

For citation:

Cheblakova LA. Methodological analysis of capitalism and the concept of Max Weber social impact. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2018;3:43–47. Russian.

Автор:

Людмила Алексеевна Чеблакова – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Liudmila A. Cheblakova, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences. cheblakoval@gmail.com

ональным денежным обращением. Все это обеспечивает возможность внедрить максимально рациональное поведение в системе хозяйства и добиться предельной экономической эффективности. Эта тенденция проникает во все сферы межчеловеческих отношений и культуры.

Главным инструментом социального познания у М. Вебера выступают «идеальные типы», которые не имеют эмпирических прообразов, а представляют собой мысленные логические конструкции, создаваемые исследователем. Формируются эти конструкции с помощью выделения отдельных черт реальности, которые исследователь считает наиболее типичными социальными фактами. Идеальные типы – предельное понятие, используемое в познании в качестве масштаба для соотнесения и сравнения с ними исторической реальности. М. Вебер отмечает: «Это мысленный образ, не являющийся ни исторической, ни, тем более “подлинной” реальностью... это прежде всего попытка охватить “исторические индивидуумы” или их отдельные компоненты генетическими понятиями» [1, с. 305]. Идеальные типы никогда не встречаются в чистом виде, но являются определенными стандартами того, как должна происходить реальная социальная деятельность индивидов. Так, рабовладельческое общество, феодализм, капитализм, государство отнюдь не объективно существующие отношения.

Он отмечает, что такие понятия – суть категории, они отражают совместную деятельность людей, представляющую собой во всех разновидностях общий знаменатель, к которому можно свести все многообразие общественной жизни и который он называет *социальным действием*. В свою очередь, социальное действие определяется М. Вебером как действие одного человека, направленное на другого. Сочетания социальных действий образуют «смысловые связи», на основе которых формируются социальные отношения и институты. Результат понимания, по Веберу, – гипотеза высокой степени вероятности, которая затем должна быть подтверждена объективными научными методами.

Подобные идеи развивал и Т. Парсонс, утверждавший, что вся социальная практика, в сущности, есть совокупность взаимоотношений между исполняющими свои обязанности людьми. Далее, в своем анализе М. Вебер оперирует идеальными понятиями «капитализм», «рационализм», «бюрократия», «религия», «товарный обмен» и т. д.

Отмечает М. Вебер и глубокое смысловое значение идеальных типов, других абстракций, позволяющих раскрыть реальное содержание исторических и экономических процессов. Он утверждает: «Названная теория дает нам идеальную картину процессов, происходящих на рынке в товарно-денежном хозяйстве при свободной конкуренции

и строго рациональном поведении» [1, с. 302]. Не всегда требуется непосредственное участие в историческом процессе, чтобы узнать его суть. В связи с этим М. Вебер отмечал: «Чтобы понять Цезаря, не надо быть Цезарем» [2, с. 454]. Одновременно с этим он различает понятия «социальная деятельность» и «социальное поведение», которое может быть исследовано понимающей психологией. Социальное действие исследуется через субъективные взаимоотношения между индивидами, его анализ основывается на исследовании субъективных смыслов и целей, которые индивиды определяют своими действиями.

В методологическом анализе капитализма как рационализма М. Вебер опирается на концепцию социального отношения как систему *социального действия*, к которому он относит такие понятия, как «борьба», «любовь», «дружба», «конкуренция», «обмен». Субъектом социального действия может выступать лишь отдельный индивид, но не социальная группа или общество в целом. Социальное отношение, воспринимаемое индивидом как обязательное, обретает статус законного социального порядка. Он рассматривает четыре типа социального действия:

1) целерациональное, в основе которого лежит ожидание определенного поведения предметов внешнего мира для достижения своей рационально поставленной цели;

2) ценностно-рациональное, основанное на вере в безусловную – эстетическую или любую самодовлеющую – ценность определенного поведения;

3) аффективное, обусловленное эмоциональным поведением индивида;

4) традиционное, основанное на длительной привычке, «подобно чисто реактивному подражанию» [2, с. 471].

Для современного общества, отмечает М. Вебер, характерно возрастание роли целерационального действия, по своему смыслу сориентированного строго рационально, в соответствии с адекватными средствами для достижения ясно осознаваемых целей. Целерациональное действие ближе всех к самому «духу» капитализма. Процесс рационализации и «дух» капитализма охватывают самые различные сферы общественной жизни. В экономике становится все более очевидным вытеснение традиционных форм ведения хозяйства промышленным капитализмом, который предполагает рациональную организацию формально свободного труда.

Распространению «духа» капитализма способствовала Реформация XVI в., приведшая к протестантской хозяйственной этике, внушающей человеку ценность и необходимость рачительного и честного труда. Характерные черты капитализма-рационализма можно было обнаружить в уче-

нии Конфуция в Древнем Китае, а также в Индии и Вавилоне. Условия для ее возникновения появились в Древней Греции и Риме. Но эти страны не могли создать эффективную экономику, труд в них не являлся престижным. Именно хозяйственная протестантская этика наиболее соответствует духу капитализма.

Решая вопрос о взаимодействии религии, идеологии и экономической структуры общества, М. Вебер пытается преодолеть марксистскую теорию базиса и надстройки, отводя религии активную роль в процессе становления капитализма. Он считал, что современный капитализм перешел к самовоспроизводству протестантской трудовой этики и более не нуждается в ее религиозном обновлении.

Приверженцы Реформации сумели создать более развитую капиталистическую экономику. Во всех многоконфессиональных странах крупнейшие предприниматели были протестантами, а римское католичество и конфуцианство стали преградой для общества на пути развития капитализма. М. Вебер отмечал: «Развитие концепции призвания вскоре одарило современного предпринимателя кристально чистой совестью, а также трудолюбивыми работниками, он же, взамен на их аскетическую преданность призванию и непротивление беспощадной эксплуатации, давал им перспективу вечного спасения» [3, с. 65].

Этическая вера кальвинистов мотивировала последователей к упорному труду, рациональному ведению хозяйства и вложению прибыли в дальнейшее производство. Концепция божественной природы призвания указывала на то, что хозяйственная деятельность является необходимым условием вечного спасения. Учение о предопределенности судьбы снижало градус социальной напряженности в отношении экономического неравенства, более того, богатство признавалось важным индикатором загробной жизни. Таким образом, погоня за благосостоянием считалась не грехом, но признаком праведности и нравственности. Протестантская этика отказалась от универсализма любви, признала профессиональную деятельность в светской жизни служением Богу и приняла экономические законы как средства для выполнения религиозного долга. Вместо идеи «вселенского братства» выдвигалась идея о необходимости отдавать все силы служению долгу и не потакать лени.

Протестанты, отмечает М. Вебер, проявляли большую склонность к экономическому рационализму, которую католики не обнаруживали, и причину нужно искать, скорее всего, во внутреннем своеобразии каждого вероисповедания. У протестантов же основами жизненного кодекса выступали *трудолюбие, честность, бережливость, рачительность*. Именно они являются добродетельными, поскольку честность полезна, как и при-

лежание и умеренность, а добродетель филантропа расточительна, она никому не приносит пользы. В качестве аргументации М. Вебер приводит послание архангела Михаила из поэмы Мильтона «Потерянный рай»: «Но ты дела / В пределах знания своего, прибавь / К ним веру, воздержанье, терпенье / И добродетель присовокупи / И ту любовь, что будет зваться впредь / Любовью к ближнему, она – душа Всего» [3, с. 49].

Так, протестанты подвергают критике аскетические идеалы католиков, акцент делается не на изучение догматики, а на моральную практику, мирское выполнение долга. Католики же, наоборот, упрекают протестантов в приверженности к материальным ценностям. Как считает М. Вебер, католики наделены более слабой склонностью к предпринимательству, они предпочитают устойчивое обеспечение жизни, пусть и с меньшим богатством: «Либо хорошо есть, либо спокойно спать» [3, с. 22]. Так, для католиков Северной Германии более характерно пуританские поведение и образ жизни. С другой стороны, многие католики прекрасно сочетают в себе христианское благочестие и «виртуозность» капиталистического обогащения.

Усматривая параллели между протестантской этикой и мирским служением капиталистической рациональности, М. Вебер отмечает, что протестантизм значительно стимулировал возникновение специфических для капитализма норм жизни в быту и в хозяйстве, что в то же время не противоречит библейским заповедям. Так, в протестантской этике запрещена задержка заработной платы: «Не обижай ближнего, не грабительствуй. Плата наемнику не должна оставаться у тебя до утра» (Левит. 18:18) [4, с. 95]. Протестантская хозяйственная этика запрещает издевательства и жестокое господство. Отмечается, что Господь поощряет высокое качество товаров и услуг, честное отношение к клиентам, запрещает лживые способы обогащения, «приобретения сокровищ лживым языком... не должны быть двоякие гири... гиря должна быть точная и правильная, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь дает тебе» (Втор. 25:13) [4, с. 162]. В протестантском обществе ведение коммерции дело не только для выгоды, но и для добродетели, а роскошь и богатство – это лишь хорошо исполненный долг перед Богом. С позиции М. Вебера критерием полезности выступает доходность, он отмечает, что для Бога нам следует трудиться и богатеть.

Обращает внимание М. Вебер и на то, что в протестантизме существует ограничение рабочей недели – запрет на работу в седьмой «день покоя – шabat», т. е. в субботу. Однако известно, что некоторые христиане из Рима и Александрии во II в. н. э. перенесли день покоя с субботы на первый день недели – «день солнца», называя его днем воскресения

Христа. Впоследствии император Константин уже по политическим мотивам перенес христианскую субботу на воскресенье, что изменило взгляд протестантов и других христиан, вскоре они стали следовать тем заповедям Христа, которые гласят, что суббота для человека, а не человек для субботы. Следует отметить, что элементы протестантской этики можно встретить у современных староверов в России, христианским кодексом которых выступают честность, скромность, соблюдение субботы.

Что же составляет «дух» капитализма? Отвечая на этот вопрос, М. Вебер обращается к Бенджамину Франклину и его проповедям: «Помни, что время – деньги... помни, что деньги по своей природе плодородны и способны породить новые деньги. Помни, что кредит – деньги... остерегайся считать своей собственностью все, что ты имеешь и жить с этим. В этот самообман впадают многие люди, имеющие кредит... никогда не задерживай взятых займы денег ни на один час. <...> Аккуратность показывает, что ты помнишь о своих долгах, а это увеличивает твой кредит» [3, с. 30].

Таким образом, нравственные правила Б. Франклина можно свести к следующим: *честность, бережливость, пунктуальность, умеренность*. М. Вебер отмечает, что проповеди Б. Франклина, как представителя американской культуры, пропитаны духом капитализма, несмотря на то, что они представляют собой правила повседневного поведения, своеобразную философию жизни в условиях «юного» капитализма Новой Англии, а капиталистический «дух» утвердился лишь путем тяжелой борьбы против скопления враждебных сил.

Образ мыслей Б. Франклина встретил сочувствие целого народа, хотя в наше время вряд ли многие бы разделили эти взгляды. Анализируя капитализм как рационализм, М. Вебер не опирается на «невидимую руку» рынка, а соглашается с тем, что предпринимательство в целом и приобретение денег законным путем в частности являются результатом и выражением деловитости человека, следующего своему призванию.

Анализируя экономику, социальную динамику капитализма, М. Вебер разрабатывает концепцию легитимного господства и выделения трех его типов: легальное, традиционное, харизматическое. Структуру господства образует политический лидер, аппарат управления и подчиненные господству массы. В условиях традиционного господства управленческий аппарат состоит из чиновников, руководствующихся требованиями традиции и связанных с правителем узлами личной преданности. Харизматическое господство предполагает наличие у последователей веры в необычайные личные качества политического лидера.

С переходом к легальному господству формируется система рационального бюрократического

управления, основанного на формальных правилах. М. Вебер считал рациональную бюрократию наиболее эффективной формой управления в современном обществе. Однако бюрократия – не просто безликое орудие управления, но особая группа со своими взглядами и ценностями, стремящаяся к расширению своей власти и даже диктатуры. Диктатуре бюрократии, которая, по его мнению, воцарится в XX в., следует противопоставить религиозные ценности.

Важно отметить, что, несмотря на частое оппонирование М. Вебера марксизму, его методология так или иначе сопрягается с марксизмом. Он, как и К. Маркс, определяет социальную структуру и тип господства экономическими причинами, хотя подчеркивает значимость и других факторов, таких как различия в статусе и престиже людей, их приверженность разным религиозным ценностям и т. д.

Таким образом, М. Вебер, анализируя капиталистическую систему как идеальный тип, вновь отмечает торжество рациональности во всех сферах социально-экономической и духовной жизни. Вместе с тем он замечает, что капитализм это «чуждый космос», в который каждый отдельный человек ввергнут с момента рождения и границы которого остаются раз и навсегда неизменными. Создавая разнообразные хозяйственные связи, капитализм воспитывает и создает необходимые ему хозяйственные субъекты, их количество обусловлено экономической целесообразностью, т. е. происходит экономический отбор. Входя в систему рыночных отношений, каждый обязан подчиняться ее нормам и предприимчивости. В противном случае система выталкивает субъекта хозяйствования либо опускает его на более низкую ступень. Здесь экономический отбор употребляется не для отдельных индивидов или индивидуальных предпринимателей, а для больших групп людей как их мироощущение. Эти люди выступают очередным авангардом социума, формируя целостную картину общества с определенной специфической культурой. Следовательно, при капитализме рациональное общественное сознание воплощается в совокупности норм и правил социального действия, создавая его «дух» и движущую силу.

Подводя итог вышесказанному, нельзя не отметить и некоторые противоречия теории М. Вебера, одно из которых состоит в том, что деятельность, направленная на увеличение капитала, вряд ли сочетается с существенным ограничением собственных потребностей (умеренность, воздержание). Практика показывает, что люди не могут усмирить растущие потребности. Современный предприниматель все реже соотносит свою экономическую деятельность с богоугодным делом. Рекламируя свою продукцию, предприниматели вряд ли следуют библейскому правилу не приобретать богатства

«лживым языком». Современные исследователи отмечают резкое падение интереса к христианским ценностям среди предпринимателей, снижение количества прихожан в церквях, возникновение новых противоречий в обществе. Вместе с тем,

признавая наличие социальных противоречий, М. Вебер видит их разрешение в том, чтобы сделать стремление к рациональности неотъемлемым свойством человеческой природы, что вряд ли возможно.

Библиографические ссылки

1. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания. В: Вебер М. *Избранное. Протестантская этика и дух капитализма*. Гайдено П, Левина М, Филиппов А, переводчики. Москва: РОССПЕН; 2006.
2. Вебер М. Основные социологические понятия. В: Вебер М. *Избранное. Протестантская этика и дух капитализма*. Гайдено П, Левина М, Филиппов А, переводчики. Москва: РОССПЕН; 2006.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. В: Вебер М. *Избранное. Протестантская этика и дух капитализма*. Гайдено П, Левина М, Филиппов А, переводчики. Москва: РОССПЕН; 2006.
4. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. В русском переводе. Лондон: Британское и иностранное библейское общество; 1922.

References

1. Veber M. [«Objectivity» of socio-scientific and socio-political knowledge] In: Veber M. *Izbrannoe. Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [Protestant ethics and the spirit of capitalism]. Gaidenko P, Levina M, Filippov A, translators. Moscow: ROSSPEN; 2006. Russian.
2. Veber M. [Basic sociological concepts]. In: Veber M. *Izbrannoe. Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [Protestant ethics and the spirit of capitalism]. Gaidenko P, Levina M, Filippov A, translators. Moscow: ROSSPEN; 2006. Russian.
3. Veber M. [Protestant ethics and the spirit of capitalism]. In: Veber M. *Izbrannoe. Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [Protestant ethics and the spirit of capitalism]. Gaidenko P, Levina M, Filippov A, translators. Moscow: ROSSPEN; 2006. Russian.
4. Bibliya. *Knigi svyashchennogo pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta. Kanonicheskie. V russkom perevode* [Bible. Books of Old and New Testament. Canonical. In Russian translation]. London: British and Roreign Bible Society; 1922. Russian.

Статья поступила в редколлегию 26.09.2017.
Received by editorial board 26.09.2017.

УДК 17.035.3

ФИЛОСОФИЯ ДИАЛОГА МАРТИНА БУБЕРА КАК ОСНОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭТИКИ

Е. В. ОВСЕЙЧИК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируются основные положения концепции диалога М. Бубера с целью обнаружения потенциала для расширения и развития современной экологической этики. Отмечается, что нынешнее состояние биосферы требует радикального пересмотра оснований взаимодействия человека с природой, для системной трансформации деятельности человечества необходима глубинная перестройка базовых ценностных и общекультурных установок. Философия диалога М. Бубера в данном контексте представляется концептуальной базой для модернизации экологической этики и разработки аксиологических оснований диалогической модели взаимодействия человека с природой.

Ключевые слова: экологический кризис; философия диалога; экологическая этика; Я – Ты; Я – Оно; Другой.

MARTIN BUBER'S PHILOSOPHY OF DIALOGUE AS THE BASIS FOR MODERN ENVIRONMENTAL ETHICS

E. V. OVSEICHIK^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article analyzes the main theses of M. Buber's ontological dialogue concept with the aim of discovering the potential for expansion and development of the modern environmental ethics. The current state of biosphere requires a radical reorganization of human-nature communication in general. A systemic transformation of the activities of mankind requires reevaluation and reorganization of the basic value and general cultural settings. The philosophy of M. Buber's dialogue provides a conceptual basis for the modernization of environmental ethics and development of axiological positions for the dialogical model of human-nature communication.

Key words: ecological crisis; philosophy of dialogue; environmental ethics; I – You; I – It; Other.

Антропогенный экологический кризис предстает сегодня феноменом, который беспрецедентно проникает во все сферы жизни и деятельности. Радикальный разрыв между усиливающимися кризисными рисками и принятием частных малоэффективных решений связан с отсутствием консолидации в вопросах выработки глобальных целей, а также с отсутствием достижения компромисса и определения фундаментальных задач, что, в свою очередь, указывает на коммуникативные основания проблемы. Речь в данном случае идет

о конструктивном потенциале коммуникации в широком диалогичном смысле. Классические для философии диалога идеи Мартина Бубера обретают новое значение в ситуации поиска оснований глобального диалога человечества по проблемам экологической этики. Коммуникативно-диалогичный подход в экологической этике задает систему координат, позволяющую рассматривать человека и внешний мир не как субъект и объект деятельности, а как часть холистического целого всего универсума.

Образец цитирования:

Овсейчик ЕВ. Философия диалога Мартина Бубера как основание современной экологической этики. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2018;3:48–51.

For citation:

Ovseichik EV. Martin Buber's philosophy of dialogue as the basis for modern environmental ethics. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2018;3:48–51. Russian.

Автор:

Евгений Владимирович Овсейчик – аспирант кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат философских наук Д. Г. Доброродный.

Author:

Eugene V. Ovseichik, postgraduate student at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
grogyauheni@gmail.com

Переосмысление коммуникации в системе человек – природа производится уже в работах А. Швейцера и О. Леопольда. Результаты исследований являются, в сущности, фундаментальным вкладом в дальнейшее развитие экологической этики в контексте онтологического диалога человека с природой. Диалог является одним из немногих ответов на вопрос: «Каким образом можно противостоять косности культуры и социума?» Общей чертой различных интерпретаций диалога является сопротивление отчуждению, опредмечиванию *Другого*. Применяв коммуникативную модель к взаимоотношениям человека с природой, можно констатировать, что классический антропоцентризм предстает в таком ключе монологом, не предполагающим свободы и самостоятельности природного мира. Человек утверждает лишь свою волю, взаимодействуя с природой, что приводит к деструктивной эксплуатации последней. Человечество не в состоянии «услышать» природу, в результате чего оно оказалось в ситуации онтологического непонимания и под угрозой исчезновения.

Совсем иную модель взаимоотношений предполагает диалог. По определению философской энциклопедии «диалог (греч. *dialogos* – беседа, разговор) – информативное и экзистенциальное взаимодействие между коммуницирующими сторонами, посредством которого происходит понимание» [1, с. 317]. Ключевым в контексте коммуникации человек – природа становится понимание, предполагающее способность усвоить, категоризировать самоценность природы. Диалог утверждает взаимную активную включенность акторов в бытие и развитие *Другого*. Такое бытие неизбежно должно иметь значимую онтологическую и эмоциональную связь. Одним из важнейших атрибутов становится ответственность, которая накладывает на человека определенные обязательства и ограничения.

Традиционно диалог противопоставляется монологу. Именно монологичными являются современные отношения человека с природой, фундированные классическим гуманизмом и антропоцентризмом. Одним из первых заговоривших о проблеме антропоцентризма как основе большинства сегодняшних кризисов был Мартин Хайдеггер. Корень современного инструментального и производственного отношения ко всему сущему М. Хайдеггер видит в эпохе Нового времени, поскольку наука вооружается революционным методом эксперимента. Полагая, что источник всех смыслов, целей и ценностей находится в человеческом бытии, люди оправдывают им деструктивную и расточительную деятельность по отношению к природе. Антропоцентричное стремление к комфорту и потреблению обуславливает стремление преобразовать Землю в титаническую фабрику, рискуя тем самым разрушить биосферу.

Альтернативное отношение выражено в известном высказывании М. Хайдеггера: «Человек – не господин сущего. Человек – пастух бытия» [2, с. 205]. Как считает М. Хайдеггер, человек, становясь не господином, а пастухом, не просто ничего не теряет, он обретает достоинство, приоритетное положение среди всего сущего, прикасаясь к истине бытия, которое избрало человека для сбережения этой истины: «Человек в своей бытийно-исторической сути есть сущее, чье бытие, будучи экзистенцией, заключается в обитании вблизи бытия. Человек – сосед бытия» [2, с. 207]. По мнению М. Хайдеггера, не последнее место в таком соседстве занимает способность человека к диалогу с природой, через который человечество не просто придет к освобождению от оков производства и потребления, но получит новое измерение бытия и формы высказывания его истины.

В процессе социализации происходит отчуждение человека от природного мира и нарушение тесной с ним связи. Такое положение вещей характерно для обществ, где приоритетным является промышленное производство, культивирование потребления как символа благополучия и успеха. Экономические отношения в такой социальной среде превалируют над межличностными. Человек редуцируется до элемента производственной системы, отпадает от чистой возможности, которая реализуется лишь в свободе. М. Хайдеггер вдохновлялся досократической философией, которая, как он считал, была ближе к высказыванию истины бытия и природе. К концу жизни философ пришел к биоцентрической созерцательной позиции, где человек «дает жить жизни». Можно утверждать, что М. Хайдеггер заложил фундамент философии диалога, одним из основателей которой является М. Бубер.

По мнению М. Бубера, опыт рационального постижения мира реализуется в предметных категориях *Я* и *Оно*, где под *Оно* чаще подразумевается ограниченная, инструментальная ценность *не-Я*. М. Бубер указывает на внешность и поверхностность такого познания, которое ведет цивилизацию к стагнации, а человека к отчуждению от своей сущности: «Говорят, что человек познает мир. Что это значит? Человек обследует поверхность вещей и знакомится с ними. Он добывает сведения об их структуре; он приобретает знания. Он узнает то, что присуще вещам. Но не только знания открывают человеку мир. Ибо они открывают ему лишь тот мир, который состоит из Оно и Оно и Оно, из Он и Он и Он и Она и Она и Оно. Познавая, человек остается непричастен миру. Потому что знания локализируются “в нем”, а не между ним и миром» [3, с. 95].

Принципиально иначе дело обстоит с миром истинных отношений, который утверждается через связку *Я – Ты*. По Буберу, *Я* наличествует лишь как часть парной категории *Я – Ты*, *Я – Оно*. Про-

износя, реализуя *Я*, мы порождаем альтернативное пространство *Ты*. Таким образом, *Я* не обладает *Другим*, так как предполагается иное *Я* с равными первому правами и своей не менее значимой реальностью. Возможно, лишь понимание через опыт отношений, который невозможен при стремлении к экспансии и обладанию, подчинению: «Тот, кто говорит Ты, не обладает никаким Нечто как объектом. Ибо там, где есть Нечто, есть и другое Нечто; каждое Оно граничит с другими Оно; Оно существует лишь в силу того, что граничит с другими. Но, когда говорится Ты, нет никакого Нечто. Ты безгранично. Тот, кто говорит Ты, не обладает никаким Нечто, он не обладает ничем. Но он состоит в отношении» [3, с. 121].

Философ стоит на позиции, согласно которой примордиальный порядок вещей связан с подлинными доязыковыми отношениями всего сущего в его синкретизме. М. Бубер проводит параллель между экспансией капитализма, ростом потребления и объективацией, идеацией сущего в инструментальных языковых структурах. В подобной логике можно усмотреть очевидную генеалогию современного кризиса, начавшегося с закрепления и передачи через язык абстрагированного опыта постижения мира и коммуникации. С одной стороны, происходит конструктивное и, в сущности, эффективное усложнение языковой реальности. Однако вместе с упрощением получения опыта и знаний в обобщенной форме происходит рост и Оно – замена непосредственного творческого диалога с миром перенятием функциональных, объективирующих бытие клише. В конечном итоге современная культура оказывается в западне, созданной субъект-объектным подходом к деятельности и самой логикой антропоцентричного противопоставления. Сегодняшняя фатальная эксплуатация природы, сверхпотребление, ведущее к распаду биосферы и духовной культуры, происходит по причине редукции устремлений человечества до исключительно материальных, а также в силу отказа от критичности и переосмысления языка. М. Бубер убежден в том, что разрастание мира Оно неизбежно. Это связано как с растущими потребностями увеличивающегося населения планеты, так и с деградацией духовной культуры, проблемностью массового просвещения.

На чем же основано подлинное понимание мира и его цельности? М. Бубер считает, что лишь посредством включенности в отношения с *Другим* через эмпатию становится возможным понимание своей сущности и мира в его полноте. В концепции М. Бубера отношения как феномен выстраиваются в трех формах-реальностях:

- 1) жизнь с природой: вневербальная, доязыковая коммуникация;
- 2) жизнь с людьми: социально-речевые отношения;
- 3) жизнь с духовными сущностями: за пределами языка. В этом случае *Ты* выступает незримым

абсолютом, задающим бытие. Люди отвечают ему творчеством, мышлением, осознанными действиями, самосознанием и самопознанием.

Один и тот же объект мы реализуем и видим совершенно по-разному в зависимости от подхода, метода его рассмотрения. М. Бубер использует значимый с точки зрения экологической этики пример различного отношения к объекту – «дерево». Дерево, в зависимости от подхода и рассмотрения, видится, например, как движение, динамика витальности и течение биохимических процессов. При ином подходе мы относим дерево, объективируя его, к определенному виду и роду деревьев [3, с. 133]. Однако подлинным остается лишь отношение диалога: «Дерево – это не впечатление, не игра моих представлений, не то, что определяет мое состояние, но оно пред-стоит мне телесно и имеет отношение ко мне, так же как и я к нему – только иным образом. Не тщишь же выхолостить смысл отношения: отношение есть взаимность» [3, с. 64].

Усердие в анализе и стремление к объективации *Другого* приводит к распаду подлинного диалога *Я–Ты*. Главной причиной современных экологических и не только кризисов является инструментальный подход человека. М. Бубер предлагает отказаться от редукции феноменальной природной сущности в пользу участия, диалога и полноты бытия в связи со всем сущим. Только так становится возможным самопознание и эволюционное развитие сознания.

Однако как возможен диалог с бессознательным, внеязыковым миром? М. Бубер склоняется к позиции, согласно которой мы не имеем дело с сущностью и полнотой природного объекта, подходу к нему сугубо инструментально. Раскладывая нечто аналитически, мы редуцируем бытийный феномен *Ты* к *Оно*, лишая его возможности пересечься с нашей реальностью для потенциально креативного диалога. Необходимо обратиться к категориям холизма и эмпатии. В философской диалогической концепции М. Бубер неслучайно прибегал к метафоричности. При определении *Другого* философ использовал, казалось бы, просто личные местоимения *Я*, *Ты* и *Оно*. Но, учитывая контекст и цели философии диалога М. Бубера, можно прийти к заключению о том, что автор использовал базовые формы обозначения субъектности для избавления от ассоциативности при постижении его текстов. Так, мы встречаемся с *Ты*, под которым без нагромождений коннотаций понимается партнер, собеседник в любой форме, будь то человек, другая культура или природный мир:

- Какой же опыт человек получает от *Ты*?
- Никакого. Ибо *Ты* не раскрывается в опыте.
- Что же тогда человек узнает о *Ты*?

– Только все. Ибо он больше не узнает о нем ничего по отдельности [3, с. 87].

Все составляющие сущностного диалога онтологически возможны лишь в связи друг с другом. Осознание себя и понимание цельности мира

происходит в единстве противоположностей, как в единстве света и тени: «Сосредоточение и сплавление в целостное существо не может осуществиться ни через меня, ни без меня: я становлюсь Я, соотнося себя с Ты; становясь Я, я говорю “Ты”» [3, с. 89].

Самосознание и рефлексивность реализуются благодаря и посредством связи с *Другим*, Я осознается через противопоставление и неразрывность с *Ты*. Практика эмпатичного проживания с *Ты* не допускает опосредования отношений через инструментальный объективирующий язык. Образцом подлинного диалогического бытия М. Бубер видит бытие народов, чей мир и язык был беден объектами. У зулусов, живущих на Огненной Земле, язык бескрайне метафоричен и образен. Предложением, состоящим из одного слова, может обозначаться не отдельный аналитически выделенный объект, а некоторая цельность события и отношений. У яганов, также живущих на Огненной Земле, есть слово «ма-михлапинатапай», точный смысл которого таков: «Смотрят друг на друга, и каждый ждет, что другой вызовется сделать то, чего оба хотят, но не могут сделать» [3, с. 94]. Реальность в данном случае выстраивается на основании действий и отношений, реализации потенциала во взаимном присутствии Я – Ты: «Мое Ты воздействует на меня, как я воздействую на него. Наши ученики воспитывают нас, наши произведения создают нас. “Дурной” человек, если его коснулось святое основное слово, превращается в дарующего откровение. Как воспитывают нас дети, как воспитывают животные! Мы живем, непостижимым образом включенные в поток все-ленской взаимности» [3, с. 94].

Показательно, что первой из трех сфер подлинных отношений, выделяемых М. Бубером, выступает жизнь в единении с природой. Согласно М. Буберу, диалог есть постоянная смена говорящих субъектов и эмпатичное проигрывание ими роли *Другого*. Я рассматривается как вторичное по отношению к *Ты*. Можно возразить, что подобная модель диалога может реализоваться лишь между людьми в рамках определенного языка и культуры. Природный мир не представляется полноценным

собеседником для человека. Однако, по Буберу, природные объекты являются онтологическими живыми сущностями и в таком статусе выступают полноценным *Ты*, способным состоять в отношениях с человеческим Я. Важно уяснить онтологичность диалога, основывающегося на доречевом интуитивном взаимодействии. Человек способен проникаться духом природы, переживать связь с ней и таким образом полнее осознавать себя в ее зеркале, условиях сотрудничества и родства с природой.

Близость с *Другим* как со своим высшим *Ты* устраняет субъектоцентризм из диалогического опыта, ставшего для субъекта трансцендентным событием. Полнота понимания может быть обеспечена только знанием языка *Другого* во всей его специфике. Для невраждебного отношения к природе недостаточно эстетической установки, реакции на экологический кризис, важно осознать корень всех проблем в отношениях человек – природа, деструктивности монолога. Человечеству следует осознать и прочувствовать природный мир как *Ты*, усвоить его законы, права и потребности. Бытие человеческого мира следует выстраивать на базе отношений и событийности с миром и природой, а не первичности и главенстве языкового познания. Как утверждает М. Бубер, категории и понятия, представления о предметах выделились из опыта отношений как процессов и состояний [3, с. 47].

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что философия диалога в целом и концепция М. Бубера в частности предстают уникальными феноменами, позволяющими обрести эмпатичность человека миру и природе, чего не достает современной культуре. Современность характеризуется переосмыслением антропоцентричной картины мира и необходимостью дальнейшего развития этических представлений до полноправного включения в сферу нравственного отношения всей природы. Философия диалога может выступить адекватным ответом на вызовы современности для реализации гуманистического потенциала экоэтики и человеческой активности в целом.

Библиографические ссылки

1. Майборода Д. Диалог. В: Грицанов АА, составитель и главный редактор. *История философии* [энциклопедия]. Минск: Интерпрессервис, Книжный Дом; 2002. 317 с.
2. Хайдеггер М. *Исток художественного творения*. Михайлов А, переводчик. Москва: Академический проект; 2008.
3. Бубер М. *Я и Ты*. Тереньтев ЮС, Файнгольд Н, переводчики. Москва: Республика; 1993.

References

1. Mayboroda D. [Dialog]. In: Gritsanov AA, compiler and head editor. *Istoria philosophii* [History of philosophy] [encyclopedia]. Minsk: Interpresservis, Knizhnyi dom; 2002. 317 p. Russian.
2. Heidegger M. *Istok khudozhestvennogo tvoreniya* [The Origin of the Work of Art]. Mikhailov A, translator. Moscow: Akademicheskii projekt; 2008. Russian.
3. Buber M. *Ya i Ty* [I and You]. Teren'tev YuS, Faingol'd N, translators. Moscow: Respublika; 1993. Russian.

УДК 338

СОЦИАЛЬНАЯ АНАЛИТИКА И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ВЫЗОВЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Я. С. ЯСКЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Раскрывается статус и предназначение социальной аналитики и цифровой экономики в условиях глобальной социальной коммуникации и вызовов информационного общества. Показывается, что своевременная система образования получает сегодня социальный заказ на подготовку специалистов, способных работать в современном сетевом пространстве, обладающих междисциплинарными знаниями, умеющих сочетать организаторские и управленческие способности, технологические умения и креатив.

Ключевые слова: аналитика социальных медиа; глобальная социальная коммуникация; информационное общество; медиабизнес; социальная аналитика; управление; университетское образование; цифровая экономика.

SOCIAL ANALYTICS AND THE DIGITAL ECONOMY IN THE CONTEXT OF GLOBAL COMMUNICATION AND THE CHALLENGES OF THE INFORMATION SOCIETY

Ya. S. YASKEVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article reveals the status and purpose of social analytics and the digital economy in the context of global social communication and the challenges of the information society. It is shown that a timely education system receives today

---

Образец цитирования:

Яскевич ЯС. Социальная аналитика и цифровая экономика в контексте глобальной коммуникации и вызовы информационного общества. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2018;3:52–57.

For citation:

Yaskevich YaS. Social analytics and the digital economy in the context of global communication and the challenges of the information society. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2018;3:52–57. Russian.

Автор:

Ядвига Станиславовна Яскевич – доктор философских наук, профессор; заведующая кафедрой социальной коммуникации факультета философии и социальных наук.

Author:

Yadwiga S. Yaskevich, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of social communication, faculty of philosophy and social sciences. yaskevichys@bsu.by

a social order for the training of specialists who are able to work in a modern network space, possessing interdisciplinary knowledge, able to combine organizational and managerial abilities, technological skills and creativity.

Key words: social media analytics; global social communication; information society; media business; social analytics; management; university education; digital economy.

В условиях информатизации общества социальная аналитика и цифровая экономика задают мощный вектор развития современной общественной жизни и профессиональной, коммерческой и политической деятельности, обеспечивают новый стимул для прорывов в развитии научного и образовательного пространства. Вопросы: «Что происходит сегодня в сфере глобальной социальной коммуникации?»; «Какие изменения идут в экономике, бизнесе, образовании в связи с виртуализацией и цифровизацией современного социального пространства?»; «Как должна реагировать на эти вызовы информационного общества система образования?» – требуют осмысления и принятия соответствующих решений в различных сферах нашей жизни и социальной коммуникации.

Сегодня в ответ на динамичное развитие информационного общества и цифровой экономики формируется социальный заказ на исследование радикальных поворотов человечества, происходящих в сфере глобальной социальной коммуникации. Отметим, что социальная коммуникация в качестве отрасли научного знания, науки о коммуникации, коммуникационной науки, коммуникативистики выделилась в самостоятельный объект социальных наук в 1920-х гг. в связи с развитием технических средств передачи информации. Условие организационных условий передачи информации и использование технических средств при этом обусловили уменьшение непосредственного взаимодействия коммуникаторов и привели к необходимости специально изучать закономерности функционирования информации в новых условиях существования социально-экономических и политических систем. Становление кибернетики, информатики, семиотики послужили хорошим стимулом для развития теории социальной коммуникации. В результате сформировались система знаний о коммуникации и система деятельности по получению новых знаний о ней, а также по теории и практике коммуникативной деятельности в различных сферах общества в зависимости от социокультурных условий и специфики социального заказа от общества [1, с. 10].

Сегодня формируется общее коммуникационное пространство, пронизывающее все культуры с их общепринятыми правилами, нормами и стереотипами коммуникации. Глобальное коммуникационное пространство само создает правила, способы и условия коммуникации. Классическая эпоха локальных коммуникационных культур трансформируется в современной ситуации в гло-

бальную социальную коммуникацию. В результате заявляют о себе новые модели экономики, бизнеса, управления и образования. Глобальный мир выступает сегодня в виде определенной «мир-системы», «мир-экономики», по определению И. Валлерстайна.

Особенностью современных рынков в рамках цифровой экономики как системы экономических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий [2, с. 25], является возрастание скорости изменений и рост информационных потоков во внешней среде, вызывающие ускоренные изменения во внутренней структуре компаний и организаций.

Такие радикальные повороты связаны с тем, что сегодня весь мир – это глобальная сетевая и медийная площадка. Медиа – это уже не только печатные издания, радио и телевидение, но и огромное пространство социальных сетей, мобильных приложений, компьютерных игр. Для работы в этой новой среде нужны соответствующие специалисты: творческие управленцы, которые понимают, что такое медиабизнес. Дело в том, что практически любой современный продукт, чтобы быть востребованным на рынке, должен попасть в медиaprостранство и стать в этом плане своего рода медиапродуктом, где он создается и рекламируется не парой сотрудников, а усилиями целых команд, состоящих из множества разных специалистов с междисциплинарными знаниями (художников, маркетологов, иных специалистов в области рекламы и пиара, программистов и т. п.). Такие кадры должна готовить современная система образования, быстро реагируя на вызовы информационного общества и предпринимая усилия по подготовке универсальных специалистов, своего рода координаторов (а позже, возможно, продюсеров) больших проектов. Подобным работникам могут понадобиться не только менеджерские, но и другие междисциплинарные знания в сферах экономики, бизнеса, рекламы, права и ведения переговорного процесса. Сегодня нужны люди, способные из мозаики разных задач создать единый яркий и востребованный на рынке продукт и проект. Потребность в специалистах, умеющих работать в новом медиaprостранстве и обладающих как творческими и техническими, так и управленческими навыками, на рынке труда очень высока.

Такого рода процессы вызваны бурным ростом цифровой экономики и информационных возможностей в сфере организации бизнеса, свобо-

дой предпринимательской деятельности и, как следствие, обострением рыночной конкуренции. В рамках сетевой экономики бизнес может существовать только в сетях, он становится прозрачным и открытым.

Масштаб сетевого эффекта выражается снижением затрат на единицу произведенной продукции при распределении постоянных затрат на большее количество продукции. Основой для возникновения этих эффектов является информация в форме знания, на базе которого строится повторяемость процесса или происходит группировка элементов организационной структуры.

Особую актуальность сегодня приобретает аналитика социальных медиа, поскольку в социальных сетях содержится огромное количество информации о пользователях. Это, например, их географическое положение, интересы, активность и многое другое. Современному специалисту важно уметь собирать, обобщать, визуализировать и использовать эту информацию для повышения эффективности. Возникает потребность в проведении исследований запросов компаний на комплексный анализ социальных медиа по индивидуальным требованиям заказчика. Именно поэтому системе университетского образования необходимо уже сегодня динамично перестраиваться и готовить специалистов, которые, во-первых, в состоянии понимать устройство современной медиасреды, во-вторых, готовы так же быстро, как и эта среда, развиваться, в-третьих, могут выступать интеграторами самых разнообразных процессов. Современные медиа остро нуждаются в специалистах, которые могут сочетать в себе организаторские способности, технологические умения и креатив. Выпускники высших учебных заведений Беларуси должны овладеть технологией работы на самых разных платформах, в том числе и на таких современных виртуальных медиаплощадках, как соцсети, блоги и т. д. Медиакоммуникационные междисциплинарные образовательные подходы и программы нужны для создания универсальных специалистов, умеющих делать все необходимое для достижения успеха.

Современные сложные информационные процессы отражают реальные социальные взаимодействия отдельных субъектов сетевой экономики и, по сути, призваны обеспечивать социально-политическую и экономическую стабильность в обществе. На эти вызовы необходимо своевременно отвечать системе университетского образования. Студентов и магистрантов необходимо обучать управлению медийными проектами, руководству медийным коллективом, привлечению аудитории к созданию информационного и развлекательного контента, руководству процессом производства рекламных видеороликов в интернете, налаживанию взаимодействия с различными организациями

и учреждениями в рамках медийных проектов, эффективному поиску и обработке информации с помощью новейших технологий, обеспечивая тем самым экономическую и политическую стабильность в современном обществе.

Одним из важнейших трендов современного информационного пространства становится социальная аналитика. В свое время еще П. Сорокин утверждал, что социальная аналитика выступает первой частью теоретической социологии, изучая строение как простейших, так и сложных социальных явлений и процессов, а также строение их основных форм [3, с. 183]. Социальная аналитика – это широкое понятие, которое включает в себя различные техники специализированного анализа, например социальное фильтрование, анализ социальных сетей, смысловой анализ и социальный медиаанализ. Социальная аналитика сегодня оценивает, анализирует и интерпретирует результаты взаимодействия между различными людьми или группами людей. В условиях существования инновационных технологий предполагается, что контекстно-зависимые вычисления собирают информацию об окружении объекта, его деятельности, связях и предпочтениях для того, чтобы улучшить качество взаимодействия с конечным пользователем. Аналитики предсказывают, что в ближайшее время более половины крупных предприятий будут использовать указанные вычисления, а одна треть мобильных устройств в мире будет работать на контекстно-зависимой основе. Это говорит о том, что наступает пора третьей волны компьютерных вычислений: компьютеры незаметно становятся частью всей нашей жизни. Сети со временем достигнут и превзойдут тот уровень, когда ими еще возможно традиционно централизованно управлять. Это приведет к появлению очень важной тенденции: компьютерные технологии будут «пронизывать» всю деятельность компаний и организаций вне зависимости от того, управляются они или нет службой информационных технологий [4].

Современные коммуникационные технологии могут открыть доступ к информации всем желающим. Исследования социальных медиа предполагают изучение опубликованного пользователем контента о бренде, продуктах и конкурентах. Сегодня этот инструмент является одним из наиболее эффективных способов проведения маркетинговых исследований в плане затрат ресурсов. В цифровой экономике клиенты хотят взаимодействовать с предприятиями наиболее удобным для них способом, стремясь к взаимодействию с брендами. В результате взаимодействие становится бесшовным, универсальным, прямым, контекстным и персонализированным. Исчезает потребность в посредниках. Традиционная классическая

экономика с ее принципами обмена постепенно исчезает.

Это свидетельствует о том, что один из вызовов современным экономике, экономической науке и системе образования связан с необходимостью проработать и включить в структуру научно-познавательной и образовательной деятельности новые ценностные смыслы и подходы социальной аналитики, а также набор таких направлений и дисциплин, как типология цифровых медиа, «новые медиакоммуникации в экономике», «социологические методы исследования цифровых медиа и интернета», «блоггинг и социальные сети», «новые медиа и политические коммуникации», «технологии e-правительства», «пиар и реклама в интернете», «социальные проблемы компьютерных и онлайн игр», для их последующей реализации в самых различных областях исследования (образовании, экономике, политике, бизнесе).

Как уже говорилось выше, аналитика социальных медиа сегодня особенно актуальна. При этом она направлена на исследование следующих параметров: *конкурентная среда*, что предполагает анализ различных упоминаний бренда в социальных медиа в разрезе конкретной категории, определение популярных источников и значимых авторов, оценка позиций конкурирующих брендов; *восприятие продуктов*, означающее изучение отношения потребителей к продуктам компании; *потребительские инсайты*, подразумевающие изучение тональности и содержания публикаций, выявление коммуникационных разрывов с заявленным позиционированием продуктов, сравнение с конкурентами; *репутация*, т. е. определение мнения пользователей о компаниях, брендах, персонах и выявление ключевых обсуждаемых тем, степени лояльности потребителей, ключевых инфоповодов и степени их влияния на имидж компании; *портрет потребителей*, что предполагает сегментацию пользователей по разным критериям: демографические характеристики, уровень экспертизы, модели потребления, поиск лидеров мнений, адвокатов и противников брендов; *кампании*, исследование которых включает в себя количественный и качественный анализ эффективности рекламных кампаний, событий или значимых информационных поводов; *запрос*, что нацелено на комплексный анализ социальных медиа по индивидуальным требованиям заказчика [4]. Так, например, аналитическое исследование обсуждения закона о «Праве на забвение», проведенное компанией *YouScan* в социальных медиа, показало, что пользователи очень активно отреагировали на его принятие. В целом общественность негативно восприняла данный закон, о чем свидетельствует то, что 66 % упоминаний были сделаны в негативной тональности, аргументировалось это различными доводами.

Подтверждает данный вывод также агрегированный учет голосов с разных открытых опросов, где 55 % пользователей высказались против введения закона. С другой стороны, 10 % упоминаний из общего массива свидетельствуют о том, что «Право на забвение» позволит лучше защитить персональные данные пользователей и контролировать контент в интернете [5].

С помощью анализа социальных сетей можно проводить первичный поиск целевой аудитории, сегментированной по демографическому и географическому признаку. По мере глобализации мировой экономики, развития сетевой экономики и ее цифровизации, возрастания активности использования информационных и телекоммуникационных технологий, лежащих в основе интеграции рынков и производительных сил, будут меняться модели бизнеса и управления [6]. На современном этапе выявление специфики и задач глобальной социальной коммуникации и аналитики, их актуальности в цифровой экономике, политике, бизнесе, образовании, науке является ответом на социальный заказ и запросы современного информационного общества.

На передний план в современной науке, политике и экономике выдвигаются междисциплинарные и проблемно ориентированные формы исследовательской и практической деятельности. Организация таких подходов во многом зависит от определения приоритетных направлений, финансирования, подготовки кадров, их управленческой культуры. Это обусловлено трансформацией глобальной мировой экономики, ее переходом к VI технологическому укладу, когда интеллектуальный потенциал становится ведущим фактором производства, что характерно для общества в такие периоды. Необходимым компонентом нового технологического уклада является инновационное развитие всех сфер жизнедеятельности национальных государств (экономики, политики, управления) [7, с. 460]. Наряду с этим выстраиваются методологические модели управленческой деятельности, опирающиеся на такие критерии, как рациональность, эффективность и продуктивность действий, ясность и согласованность поставленных целей, ибо только действия, достигающие цели или способствующие ее достижению, являются успешными в условиях инновационной экономики.

Современные модели принятия решений все в большей степени должны коррелировать с ценностно ориентированными моделями менеджмента, т. е. управления развитием человеческого капитала на основе ценностей, изменения культуры организаций и компаний, индивидуализации структуры управления с акцентом на роль лидера в управлении персоналом, роль личностных

и эмоциональных качеств лидера, установок на сотрудничество, понимания, согласия и высоко-го профессионализма. Динамика менеджерских моделей демонстрирует сегодня инновационные прорывы от управления по инструкциям (*Managing by instructions – MBI*) к управлению по целям (*Managing by objections – MBO*) и, наконец, к управлению на основе ценностей (*Management by values – MBV*) [8].

Необходимо совершать рациональные и нравственные повороты в динамике модели управления на основе ценностей и индивидуализации в структуре управления через акцентирование роли лидера в управлении персоналом, а также через личностное развитие руководителя, качества, развивающие сотрудничество и образующие социальный капитал, эмоциональное воздействие лидера.

Сегодня обладание солидным человеческим капиталом, стремление получить опытных и образованных сотрудников создает конкурентный рынок труда, а руководители, игнорирующие влияние персонала и корпоративной культуры, рискуют быть невостребованными. Эффективное управление персоналом становится ключевым показателем профессионализма лидера [9, с. 7–21]. Такие принципы управления персоналом, как разумное использование ресурсов компании, эффективные коммуникационные планы, гибкая корпоративная культура, основанная на сотрудничестве, четкая политика вознаграждений и отчетности оказывают наибольшее влияние на акционерную стоимость, повышают корпоративную производительность, эффективность сотрудников компании и доход акционеров. Индекс человеческого капитала (*HCI*), оценивающий различные методы и принципы управления персоналом и принятия решений, подтверждает четкую взаимосвязь между эффективностью сотрудников компании и высоким доходом акционеров, как показывают исследования международной компании *Watson Wyatt Consulting* [10].

Высокие личностные качества руководителей-управленцев, их привлекательный имидж и глубинный профессионализм создают основу развития эффективной экономики и бизнеса. Исследователи отмечают: «В бизнесе, как и в любом другом виде человеческой деятельности, особенно в высших ее проявлениях, высока роль личности.

Именно от личности зависит выбор и принятие решения в важных и критических управленческих ситуациях, которые определяют, по какому пути пойдет основное развитие» [10, с. 618].

Рациональный и ценностно ориентированный выбор в экономике, бизнесе, управлении в идеале задает стратегию инновационного экономического развития общества; определяет перспективные направления развития, социально-экономическую политику государства и, соответственно, детерминирует развитие экономической и социально-политической коммуникации, формирование так называемой медийной инноватики как междисциплинарного направления современной культуры; обеспечивает взаимосвязь процессов инноватизации и медиатизации современного информационного общества, его просвещение в области инновационной деятельности, задействование культурно-медийных ресурсов по формированию инновационной культуры [12, с. 43–51].

Таким образом, современные инновационные модели социальной аналитики и цифровой экономики, а также управления должны выстраиваться в контексте глобальной социальной коммуникации и аналитики, рациональности и наличия множества синергетических факторов, когда необходимо учитывать меняющуюся информацию о событиях, определять вероятность реализации многообразных вариантов принимаемых решений, ориентироваться на нравственные регулятивы и ценности, идеалы доверия, сотрудничества и ответственности. В условиях быстро меняющегося универсального, персонализированного, медийного рынка; возрастающей сложности, открытости, неопределенности и стремительной изменчивости делового мира, его глобальных технологических перемен косные, одномерно-линейные модели менеджмента с иерархическим управлением вступают в противоречие с системой деятельности современных компаний. Принятие управленческих решений в духе командно-административной практики, жесткой иерархии и безоглядного следования инструкциям не вписывается в логику современного бизнеса, требующего инновационного и творческого подхода, гибкой мобильности, ориентированности на корпоративную культуру и интересы клиента.

Библиографические ссылки

1. Яскевич ЯС. *Философские проблемы коммуникации*. Минск: Высшая школа; 2018.
2. Ковалев ММ, Головенчик ГГ. *Цифровая экономика – шанс для Беларуси*. Минск: Издательский центр БГУ; 2018.
3. Сорокин ПА. *Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет*. Москва: Наука; 1994.
4. Десять трендов аналитики социальных медиа в 2016 году [дата обращения: 04.03. 2017]. URL: <http://www.pvsm.ru/analiz-danny-h/116978>.
5. Право на забвение: реакция пользователей. *YouScan* [дата обращения: 04.03. 2017]. URL: <https://youscan.io/2015/08/pravo-na-zabvenie>.
6. Новикова ИВ. *Глобализация, государство и рынок: ретроспектива и перспектива взаимодействия*. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь; 2009.

7. Шимов ВН. Направления структурной трансформации промышленного комплекса страны в контексте мировых тенденций. *Научные труды Белорусского государственного экономического университета*. 2010:3–10.
8. Долан С, Гарсия С. *Управление на основе ценностей. Корпоративное руководство по выживанию, успешной жизнедеятельности и умению зарабатывать деньги в XXI веке*. Чомахидзе-Доронина М, переводчик. Москва: Litres; 2008.
9. Веряскина ВП. Управление развитием человеческого капитала: модели менеджмента и практика. *Философские науки*. 2012;6:7–21.
10. Oliver J. Invest In People and Profitability and Productivity. *Management Today*. March 1998:90.
11. Литвак БГ. *Великие управленцы*. 2-е издание. Москва: Наука; 2006.
12. Залесский БЛ. Медийная инноватика: взгляд в будущее. В: Gorniak S, editor. *Europejska nauka XXI powieka – 2012. Materiały VIII Międzynarodowej naukowi-praktycznej konferencji. Volume 12; Filologiczne nauki; 7–15 maja 2012 r.; Przemysl, Polska*. Przemysl: Nauka i Studia; 2012. s. 43–45.

References

1. Yaskevich YaS. *Filosofskie problemy komunikatsii* [Philosophical problems of communication]. Minsk: Vyshejschaja shkola; 2018. Russian.
2. Kovalev MM, Golovenchik GG. *Tsifrovaya ekonomika – shans dlya Belarusi* [Digital economy is a chance for Belarus]. Minsk: Izdatel'skii tsentr BGU; 2018. Russian.
3. Sorokin PA. *Obshchedostupnyi uchebnyk sotsiologii. Stat'i raznykh let* [Public textbook of sociology. Articles of different years]. Moscow: Nauka; 1994. Russian.
4. *Ten trends in social media analytics in 2016* [cited 2017 May 04]. Available from: <http://www.pvsm.ru/analiz-dannyh/116978>. Russian.
5. The right to forget: the reaction of users. *YouScan* [cited 2017 May 04]. Available from: <https://youscan.io/2015/08/pravo-na-zabvenie>. Russian.
6. Novikova IV. *Globalizatsiya, gosudarstvo i rynek: retrospektiva i perspektiva vzaimodeistviya* [Globalization, the state and the market: a retrospective and the prospect of interaction]. Minsk: Academy of Public Administration under the aegis of the President of Republic of Belarus; 2009. Russian.
7. Shimov VN. [Directions of structural transformation of the country's industrial complex in the context of global trends]. *Nauchnye trudy Belorusskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Scientific works of the Belarusian State Economic University]. 2010:3–10. Russian.
8. Dolan S, Garsia S. *Upravlenie na osnove tsennostei. Korporativnoe rukovodstvo po vyzhivaniyu, uspekhnoy zhiznedeyatel'nosti i umeniyu zarabatyvat' den'gi v XXI veke* [Management based on values. Corporate guidance on survival, successful livelihoods and the ability to make money in the twenty-first century]. Chomahidze-Doronina M, translator. Moscow: Litres; 2008. Russian.
9. Veryaskina VP. [Managing the development of human capital: management models and practices]. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences]. 2012;6:7–21. Russian.
10. Oliver J. Invest In People and Profitability and Productivity. *Management Today*. March 1998:90.
11. Litvak BG. *Litvak Great managers*. 2nd edition. Moscow: Nauka; 2006. Russian.
12. Zaleskii BL. [Media Innovation: Looking Ahead]. In: Gorniak S, editor. *Europejska nauka XXI powieka – 2012. Materiały VIII Międzynarodowej naukowi-praktycznej konferencji. Volume 12; Filologiczne nauki. 7–15 maja 2012 roku. Przemysl, Polska*. Przemysl: Nauka i Studia; 2012. s. 43–45. Russian.

Статья поступила в редколлегию 12.05.2018.
Received by editorial board 12.05.2018.

УДК 101.1:316.3+930.1:1;101.1+930.1

ТЕХНОГЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ ДИНАМИКИ

В. Т. НОВИКОВ¹⁾, О. В. НОВИКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются сущность техногенного общества и особенности его развития. В качестве теоретических оснований используются положения концепции техногенного общества В. С. Степина. Раскрывается методологическое значение понятий «человек», «природа», «деятельность», «традиции и новации», «рациональность», «власть», анализ которых позволяет охарактеризовать условия становления и трансформации техногенного социума. Обращается внимание на современные проблемы динамики техногенного социума, при этом предметом специального рассмотрения становится роль современных технологий, придающих развитию общества инновационный характер. Артикулируется фактор риска в использовании этих технологий.

Ключевые слова: общество риска; человек; прогресс; деятельность; технология; НБИКС-технологии; экономический уклад.

TECHNOGENIC CIVILIZATION: CONCEPTUAL FOUNDATIONS AND DYNAMICS TRENDS

V. T. NOVIKOV^a, O. V. NOVIKOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: O. V. Novikova (mod@tut.by)

The nature of technogenic society and specific features of its dynamics are considered. The theoretical basys of the issue is related to the technogenic society conception masterminded by V. S. Stepin. The methodological significance of such notions as «man», «human», «nature», «activity», «traditions and innovations», «personality», «rationality», «power» is revealed whereas the analysys of these concepts allows us to characterize the conditions of genesis and evolution of technogenic society. The attention is paid on actual problems of its dynamics as far as the focus is made on the role of the creative technologies. The threats and risks in appliance of these technologies are accentuated.

Key words: risk society; human; progress; activity; technology; NBICS-technologies; economic paradigm.

Техногенное общество характеризуется ведущей ролью промышленного сектора экономики (прежде всего – крупной индустрии), превращени-

ем капитала в рычаг власти, формированием наций и национальных государств, возникновением демократических институтов и превращением

Образец цитирования:

Новиков ВТ, Новикова ОВ. Техногенная цивилизация: концептуальные основания и тенденции динамики. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2018;3:58–63.

For citation:

Novikov VT, Novikova OV. Technogenic civilization: conceptual foundations and dynamics trends. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2018;3:58–63. Russian.

Авторы:

Владимир Тимофеевич Новиков – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Ольга Владимировна Новикова – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Authors:

Vladimir T. Novikov, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.

Olga V. Novikova, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences. mod@tut.by

права в основной регулятор отношений в обществе. Становлению этого типа общества во многом поспособствовала начавшаяся в эпоху Возрождения радикальная трансформация европейского общества, на которую в дальнейшем решающее влияние оказала промышленная революция конца XVIII – начала XIX в. Научно-технический прогресс сегодня выступает определяющим фактором развития общества и индикатором социального прогресса в целом. Ведущим агентом социализации становится город, задающий образцы и стандарты поведения и формирующий основы гражданского общества.

Наиболее репрезентативным представляется анализ техногенной цивилизации, предложенный В. С. Степиным, согласно которому в XV–XVII вв. в Западной Европе сложился новый тип цивилизационного развития, его можно определить как техногенный [1]. Ведущую роль в развитии техногенной цивилизации играет постоянный поиск и применение новых технологий как производственных, так и управленческих и социально-коммуникативных, а в качестве мировоззренческих универсалий, в которых представлены признаки этих обществ, выделены категории «человек», «природа», «деятельность», «традиции и новации», «личность», «рациональность», «власть».

Переход к новому типу цивилизационного развития сопровождался модернизацией общественного сознания, результатом которой стало возникновение гражданского общества. Этот процесс немыслим без радикального изменения статуса человека. Однако предпосылки этого изменения обнаруживаются еще в традиционном обществе. Первая из них связана с особенностями социального бытия человека в античном полисе и Древнем Риме, в частности, с тем, что степень свободы человека была гарантирована его правами гражданина. Вторая предпосылка связана со становлением человека как личности в период позднего Средневековья, что, с одной стороны, выражалось в наделении человека свободой воли и возможностью спасения души в манере христианства, а с другой – в утверждении ценностей светского образа жизни в средневековом городе, как в колыбели новой цивилизации. Третья предпосылка заключалась в возникновении особой атмосферы социальной жизни в эпоху Возрождения, пронизанной идеями гуманизма и антропоцентризма, не только раскрепощающими человека, но и иницилирующими его творческую деятельность. Именно в это время наблюдается становление техногенной цивилизации, а темпы развития общества становятся интенсивными.

Говоря о специфических чертах этой цивилизации, необходимо отметить следующее. Во-первых, для техногенной цивилизации характерно особое понимание человека как активного существа, нахо-

дящегося в деятельном, инновационном отношении к миру. Причем деятельность ориентирована не столько на гармонизацию внутреннего мира человека, сколько на преобразование внешнего мира, а особенно – природы. Техногенная цивилизация превращает окружающий мир в объект своей воли.

Во-вторых, сама природа понимается как рационально устроенный механизм, законы которого можно познать и использовать в своих целях. При этом неявно предполагается, что кладовые природы безграничны и черпать из них можно сколько угодно долго и в любых количествах. Следует отметить тот факт, что современные реалии не соответствуют содержащейся в радикальной версии концепции постиндустриального общества Ж. Фурастье, А. Турена, Р. Арона идее о возможности достичь «нулевого роста» экономики. В этом смысле можно говорить о сохраняющейся проблеме дисгармонии между экономическими и экологическими приоритетами социума.

В-третьих, техногенная цивилизация формирует идеал автономии личности. Если в традиционных культурах личность определена прежде всего через ее включенность в отношения социальной иерархии, то в техногенной цивилизации в качестве ценностного приоритета утверждается идеал автономной личности, «социального атома».

В-четвертых, культура техногенного общества формирует особое понимание власти, силы и господства над природными и социальными обстоятельствами. В техногенном мире отношения властвования становятся все более опосредованными, а на смену отношениям личной зависимости приходят отношения финансовой, вещественной, информационной зависимостей. Власть и господство в этой системе отношений предполагают владение и присвоение товаров (вещей, человеческих способностей, информации и т. д.). Такого рода власть привела к формированию в ряде обществ техногенного типа тоталитарных политических режимов, сделав возможности управления практически безграничными и исключаящими суверенность личности. В современном информационном социуме формируются условия для возникновения нового тоталитаризма, основанного на использовании данных о сетевом поведении и предпочтениях пользователя для контроля его деятельности в не виртуальном мире, и нового империализма, в котором массмедиа используются для воздействия на сознательное и бессознательное человека и, как следствие, для манипулирования общественным мнением.

В-пятых, особенностью техногенной цивилизации является радикальное изменение характера социально-исторического времени, охарактеризованное Ж. Ле Гоффом как переход от «времени церкви» к «времени купца» [2]. Установка механических часов на башнях ратуш в средневековых

городах, по праву называемых «колыбелью новой цивилизации», имело как реальное практическое, так и символическое значение. Об этом свидетельствует появление в этот период истории сентенции «время – деньги». Не случайно в XV–XVI вв. в общественном сознании на основе утвердившейся «христианской идеи истории», характеризующей развитие общества как направленный линейный процесс, начинают формироваться представления о поступательном и кумулятивном характере социума. Это подводило мыслителей Нового времени к идее о прогрессивной социодинамике, что нашло отражение в философии истории Просвещения А. Тюрго и Ж. Кондорсе, для которых критерием прогресса стали те знания, навыки и умения, без которых была бы немислима промышленная революция. В условиях современного этапа глобализации ценность времени, а главное эффективность его использования, значительно возрастает.

В-шестых, генезис и развитие техногенной цивилизации предполагали секуляризацию общественного и индивидуального сознания, или, используя терминологию М. Вебера, «расколдование мира», его демифологизацию. Приоритетной для человека, находившегося в техногенном обществе становится научная рациональность, а, поскольку этот человек по своей сути является прагматиком, он выступает субъектом основанного на калькуляции *целерационального* действия, которое ориентирует его на успех, выступающий одновременно и высшей целью, и ценностью деятельности. Поэтому социально-культурное бытие человека может суживаться до сферы обеспечения его бытия как функционера-практика, а человек как личность низводится до уровня *актора*, действующего лица, что выражает антропологический аспект идеологии *технократизма*.

Технократизм явился концептуальным преемником предложенной в XIX в. А. Сен-Симоном, О. Контом и некоторыми другими мыслителями методологической установки технологического детерминизма, согласно которой опирающиеся на науку техника и технологии обладают автономностью развития и решающим образом определяют социодинамику, а их прогресс обуславливает социальный прогресс в целом. В онтологической проекции технократизм получил развитие в работах Т. Веблена, Дж. Бернхейма, Дж. К. Гэлбрейта, в которых речь идет о формировании в современном социуме разветвленной системы технических специалистов, являющихся носителями коллективного разума и субъектами принятия масштабных решений.

В это же время Ж. Эллюль, говоря о технической рациональности, отмечает, что технику надо понимать не только как машинное обеспечение деятельности человека, но и как *стиль мышления*, ориентированный на операционализм и инструментализм в оперировании с предметами и людьми.

По его словам, в технократизме «решающим фактором является заполнение нашей мысли, как и нашей чувственности, механическими процессами» [3, с. 147], а техника сама становится средой. Для технократа, по мнению этого французского мыслителя, технические средства становятся самоцелью, а люди рассматриваются в качестве приатка к машине [3].

Европейская культура, ступив на путь техногенного развития, добилась многих успехов. К достижениям можно отнести существенное повышение материального благополучия и качества жизни всех слоев общества, расширение сферы занятости трудоспособного населения и возможности выбора отвечающей интересам человека профессии, улучшение условий труда и повышение качества труда. Среди других достоинств следует назвать развитие средств массовой информации и коммуникации; создание условий для жилищного комфорта и организации досуга; использование результатов научно-технического прогресса в сфере бытового обслуживания, торговли, образования; сокращение длительности рабочего дня и рабочей недели; увеличение свободного от работы времени, которое может использоваться человеком для реализации творческих способностей. Действительно, научно-технический прогресс позволил решить многие проблемы здравоохранения и медицины, повысить качество и продолжительность жизни. Еще полстолетия назад мало кто сомневался в связи перспектив прогресса с наращиванием технико-экономической мощи. Однако современные реалии все более отчетливо свидетельствуют о том, что благополучие общества в будущем не только не гарантировано, но может и вовсе не наступить.

Поэтому, с одной стороны, в современных футурологических прогнозах признается, что основу развития единого мирового сообщества будут составлять динамично развивающиеся теоретические знания и инновации, информация и информационные технологии, практическое использование которых должно способствовать развитию глобализирующегося мира. С другой стороны, для современных версий его динамики характерным становится признание нежесткого и неоднозначного характера линейности истории и преодоление откровенных прогрессистских иллюзий, что определяется переосмыслением статуса техники в жизни общества. Хотя центральная, «сквозная» установка, согласно которой техника играет доминирующую роль, не подвергается сомнению, со временем приходит и понимание того, что развитие науки и техники не только не является самоцелью, а должно осуществляться под тщательным контролем общества и соответствовать его ценностным приоритетам.

Поэтому теоретики обновленной в начале XXI в. идеологии постиндустриализма в концепциях информационного, постсовременного, постэкономического

ческого, сетевого общества Э. Тоффлер, Й. Масуда, Д. Нейсбит, В. Л. Иноземцев, М. Кастельс говорят о необходимости в первую очередь перестроить сознание человека. С их точки зрения, значимыми для человека в обществе должны стать гармония материальных и духовных ценностей, восстановление утраченной взаимосвязи общественного и индивидуального смыслов существования. Э. Тоффлер, говоря о прогрессе общества, замечает, что отныне прогресс «не достигается автоматически и не определяется только материальными критериями» [4, с. 475]. Классический образ «лестницы прогресса» Э. Тоффлер заменяет образом, в котором множество культур, как сложная развивающаяся система, представлена «древом прогресса», каждая ветвь символизирует отдельную культуру.

В свою очередь, М. Кастельс говорит о неизбежном усилении при вступлении в информационную эру противостояния социума и личности. В сетевом обществе, по его мнению, шансы на социальные изменения невелики, если понимать под социальным изменением смену целевых установок сетевых программ или выбор иных ценностей. Однако реализация таких изменений все же возможна именно по причине неординарности современного человека и специфики его самосознания, определяемой автором как «самосознание сопротивления». Эта реализация возможна через механизмы создания альтернативных сетей, построенных на базе социальных проектов экологизма, феминизма, движения за права человека, а также в рамках религиозных и этнических движений.

Эти социальные движения, названные «движение сопротивления», являются потенциальными субъектами информационной эры, так как они продуцируют такие «устремленные в будущее» формы, как религиозная, сексуальная и подобные самобытности. По словам ученого, представители движений «дорожат своей исторической памятью, утверждают непреходящее значение своих ценностей в борьбе против распада истории в условиях исчезновения времени, против эфемерных компонентов культуры виртуальной реальности» [5, с. 305]. Таким образом, выстраиваемые этими движениями социальные сети выступают противоресом информационным сетям, логика развития которых уже не подчинена человеку. В этом контексте ведущим фактором новой истории становится самобытность личности.

Внимание к человеческому фактору проявляет также российский экономист В. Л. Иноземцев, по его мнению, в настоящее время происходят необратимые изменения в характере трудовой деятельности, которые определяют вектор трансформации этой деятельности, направленный на возрастание творчества [6]. Так, если ранее основным стимулом к труду была необходимость достижения определенного уровня материального благополучия, то

сегодня стимулом к творчеству постепенно становится стремление личности к самовыражению. В этом ключе В. Л. Иноземцев позиционирует постэкономическое общество как реализованную мечту гуманистов многих столетий – «царство свободы» [6].

В своем развитии техногенная цивилизация ко второй половине XX в. достигла «пределов роста», что нашло отражение в докладе Римского клуба в 1972 г. Однако предпринятая модернизация мирового сообщества не дала желаемых результатов, породив новые проблемы социодинамики. В приуроченном к пятидесятилетнему юбилею клуба докладе «*Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты*», прочитанном в ноябре 2017 г., говорится о неизбежности радикальной смены парадигмы развития нашей цивилизации на ту, которая будет соответствовать идеологии «нового Просвещения» [7].

Эти идеи соответствуют выводам, следующим из анализа современного состояния техногенного общества академика В. С. Степина. Отмечая достоинства техногенного типа социодинамики и вместе с тем подчеркивая, что такой тип привел к серьезным экологическим, социально-культурным и антропологическим кризисам, академик говорит о необходимости поиска кардинально новых стратегий развития. Эти стратегии могут означать переход к новому типу цивилизационного развития, третьему после традиционалистского и техногенного. На этом пути важно определиться со свойственной такому типу развития новой матрицей ценностей и основополагающими идеями. В качестве показателя смены мировоззренческих ориентиров выступает тот факт, что «идея ускоряющегося прогресса сегодня трансформируется в идею устойчивого развития» [8, с. 352].

Очевидно, что на этом пути важно реабилитировать те культурные ценности и практики, которые были реализованы традиционным обществом и которые стали основой становления техногенной цивилизации. Подобная ретроспекция призвана способствовать философской рефлексии для того, чтобы с позиций сегодняшнего дня попытаться достичь гармонии в развитии материально-технологической и духовно-культурной деятельности человека. Эта гармония, предполагающая синергию естественных, технических и социально-гуманитарных наук, более важна еще и потому, что в качестве третьего типа цивилизационной динамики выступает инновационная цивилизация [9], нередко характеризующаяся как «общество риска», поскольку результаты модернизации труднопредсказуемы.

Основанная на системном внедрении технико-технологических инноваций модернизация современного общества ориентирована на радикальное изменение всех сфер жизни общества за счет ис-

пользования новых технологий и их корреляции. В итоге предполагается, что используя классификацию исторически сменяющих друг друга экономических укладов (опирающуюся на концепцию экономических циклов Н. Кондратьева), можно будет говорить о становлении в обозримом будущем шестого технологического уклада.

Приоритетное значение в развитии научно-технологического процесса отводится четырем направлениям:

1) нанотехнологиям, направленным на создание композитных материалов широкого спектра практического применения;

2) биотехнологиям, ориентированным на инновации как в здравоохранении, так и в сельском хозяйстве;

3) информационно-компьютерным технологиям, связанным с регулированием процессов как на клеточном уровне и уровне обладающих центральной нервной системой организмов, так и в социальных системах;

4) когнитивным технологиям (им отводится исключительная роль), нацеленным на контроль над характерными для человека психическими процессами и, более того, на преобразование его сознания в целях не только совершенствования последнего, но и радикального решения проблемы трансгуманизма. При этом рассматривается перспектива имеющей революционный характер мутации человека в направлении создания гибридных форм его существования (киборг и др.) [10].

Следовательно, развитию современного техногенного общества свойственно использование взаимосвязанных и дополнительных технологий, определяющих системный характер происходящих изменений. Этот факт свидетельствует о том, что такое общество по праву можно квалифицировать как новую цивилизацию. Поэтому в научной литературе получил распространение термин НБИК (*NBIC*) – конвергенция. Сам термин представляет собой аббревиатуру, состоящую из первых букв названия четырех наиболее перспективных технологий социодинамики, причем наряду с термином «конвергенция» используется и термин «синергия», что артикулирует продуктивный эффект подобного взаимодействия. Например, это проявляется в форме нанобиотехнологий, предполага-

ющих междисциплинарное взаимодействие таких дисциплин, как физика, химия, материаловедение, биология, фармакология, экология.

В свою очередь, в разработке и использовании информационно-коммуникативных и когнитивных технологий наряду с названными науками востребованными оказываются и такие системы знания, как генетика, геномика, биохимия, психология, логика, кибернетика, теория социального управления. Очевидно также, что поскольку предполагается качественное изменение не просто технологического уклада, но и качества самой цивилизации, безусловно, потребуются опора на социально-гуманитарные науки и философское знание. Не случайно некоторые исследователи к названной аббревиатуре добавляют букву «с» (НБИКС), подчеркивая тем самым как технологическое, так и мировоззренческое значение социального знания.

В этом смысле речь уже ведется о социосинергетике, связанной с конструированием человека и контуров новой цивилизации. Основанием для данного вывода, касающегося, по сути, судьбы человека и человечества, являются такие достижения, как расшифровка генома человека и синтез клетки, определяющие возможность внедрения в нее бактерии с заданными свойствами. В свою очередь, возможность генерации живой клетки можно рассматривать как условие генерации органов человека, что является научно-технологическим достижением. Однако, с другой стороны, это достижение таит в себе опасность неконтролируемого или контролируемого вмешательства в генофонд нации и в последнем случае может стать инструментом бактериологической войны.

Поэтому результаты современных высоких технологий обладают амбивалентным характером в зависимости от целей их практического применения, а значит, и от их аксиологической ориентации. Современная техногенная цивилизация находится в транзитивном состоянии, характеризующимся значительными потенциальными возможностями для дальнейшей разработки и эффективного использования новых технологий во всех сферах общественной жизни. Однако, с другой стороны, наша цивилизация вступает в период, связанный с серьезными рисками устойчивого развития и опасностью оказаться в постчеловеческом мире.

Библиографические ссылки

1. Степин ВС. *Человек. Деятельность. Культура*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов; 2018. 800 с.
2. Ле Гофф Ж. *Цивилизация средневекового Запада*. Лебедева И, Малинин ЮП, Райцес ВИ, Уваров ПЮ, переводчики. Москва: Прогресс, Прогресс Академия; 1992. 376 с.
3. Эллюль Ж. *Другая революция*. В: Гуревич ПС, ответственный редактор. *Новая технократическая волна на Западе*. Москва: Прогресс; 1986. с. 147–152.
4. Тоффлер Э. *Третья волна*. Барабанов С, Бурмистров К, Бурмистров Л, Заритовская З, Комаров Е и др., переводчики. Москва: АСТ; 2002. 776 с.

5. Кастельс М. *Могущество самобытности*. В: Иноземцев ВЛ, редактор. *Новая постиндустриальная волна на Западе*. Москва: Academia; 1999. с. 292–308.
6. Иноземцев ВЛ. *За пределами экономического общества*. Москва: Academia, Наука; 1998. 640 с.
7. Weizsaecker von E, Wijkman A. *Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet*. New-York: Springer; 2018. 220 p.
8. Степин ВС. Кризис современной цивилизации и проблема объединяющих ценностей. В: Гусаков ВГ, Коваленя АА, Гигин ВФ, Зеленков АИ, Лазаревич АА и др., редакторы. *Национальная философия в глобальном мире. Тезисы Первого белорусского философского конгресса; 18–20 октября, 2017 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Беларуская навука; 2017. с. 352–353.
9. Казанцев АК, Киселев ВН, Рубвальтер ДА, Руденский ОВ. *NBIC-технологии. Инновационная цивилизация XXI века*. Москва: Инфра-М; 2012. 384 с.
10. Кричевский ГЕ. XXI век. Камо грядеши? Роль конвергентных NBICS-технологий. *Нанотехнологическое общество России* [дата обращения: 15.05.2018]. URL: <http://www.rusnor.org/pubs/reviews/12585.htm>.

References

1. Stepin VS. *Chelovek. Deyatel'nost'. Kul'tura* [Human. Activity. Culture]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of Humanitarians and Social Sciences; 2018. 800 p. Russian.
2. Le Goff J. *La civilisation de l'occident medieval*. Paris: Les Editions Arthaud; 1984.
Russian edition: Le Goffe J. *Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada*. Lebedeva I, Malinin YuP, Raitses VI, Uvarov PYu, translators. Moscow: Progress, Progress Academia; 1992. 376 p.
3. Ellul J. [Another revolution]. In: Gurevich PS, executive editor. *Novaya tekhnokraticheskaya volna na Zapade* [New technocratic Western wave]. Moscow: Progress; 1986. p. 147–152. Russian.
4. Toffler A. *The Third Wave: The Classic Study of Tomorrow*. Random House Publishing Group; 1980.
Russian edition: Toffler A. *Tret'ya volna*. Barabanov S, Burmistrov K, Burmistrov L, Zaritovskaya Z, Komarov E et al., translators. Moscow: AST; 2002. 776 p.
5. Castels M. [The power of identity]. In: Inozemtsev VL, editor. *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade* [New postindustrial Western wave]. Moscow: Academia; 1999. p. 292–308. Russian.
6. Inozemtsev VL. *Za predelami ekonomicheskogo obshchestva* [Beyond the economic society]. Moscow: Academia, Science; 1998. 640 p. Russian.
7. Weizsaecker von E, Wijkman A. *Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet*. New-York: Springer; 2018. 220 p.
8. Stepin VS. [Crisis of modern civilization and the problem of consolidating values]. In: Gusakov VG, Kovalenya AA, Gigin VF, Zelenkov AI, Lazarevich AA et al., editors. *Natsional'naya filosofiya v global'nom mire. Tezisy Pervogo belorusskogo filosofskogo kongressa; 18–20 oktyabrya, 2017 g.; Minsk, Belarus'* [National philosophy in global world. The First Belarusian philosophical congress materials; 2017 October 18–20, Minsk, Belarus]. Minsk: Belaruskaya navuka; 2017. p. 352–353. Russian.
9. Kazantsev AK, Kiselev VN, Rubvalter DA, Rudensky OV. *NBIC-tekhnologii. Innovatsionnaya tsivilizatsiya XXI veka* [NBIC-technologies. Innovative XXI century civilization]. Moscow: Infra-M; 2012. 384 p. Russian.
10. Krichevskii GE. XXI century: Quo vadis? The role of convergent NBIC-technologies. *Nanotechnological Society of Russia* [cited 2018 May 15]. Available from: <http://www.rusnor.org/pubs/reviews/12585.htm>. Russian.

Статья поступила в редколлегию 12.05.2018.
Received by editorial board 12.05.2018.

УДК 159.923

КОММУНИКАТИВНЫЕ РЕАКЦИИ НА РЕВНОСТЬ В СИТУАЦИЯХ ДРУЖЕСКОЙ ТРИАНГУЛЯЦИИ

Л. А. ШОСТАК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются результаты эмпирического исследования половых различий в коммуникативных реакциях на ревность в ситуациях дружеской триангуляции (дружеских треугольников) с позиции ревнующего и ревнуемого индивидов. В исследовании использовалась авторская методика «Коммуникативные реакции на ревность в дружеских отношениях» (И. А. Фурманов, Л. А. Шостак). Выборку составили 755 респондентов в возрасте от 18 до 22 лет. Полученные результаты позволили установить ведущие реакции на ревность в следующих типах дружеских треугольников: партнеры и конкурент одного пола; партнеры одного пола и конкурент противоположного пола; партнеры разного пола и конкурент одного с ревнующим индивидом пола; партнеры разного пола и конкурент противоположного ревнующему индивиду пола. Исследование показывает, что вне зависимости от пола в ситуациях дружеской триангуляции ведущими ревностными реакциями являются интегративная коммуникация и негативная аффективная экспрессия; субординационное положение занимают реакции компенсации/замещения, активного дистанцирования и избегания/отрицания.

Ключевые слова: дружеская ревность; ревность в дружеской триангуляции; типы ситуаций дружеских треугольников; коммуникативные реакции на ревность; ревнующий и ревнуемый индивиды; половые различия.

Образец цитирования:

Шостак ЛА. Коммуникативные реакции на ревность в ситуациях дружеской триангуляции. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2018;3:64–72.

For citation:

Shostak LA. Communicative responses to jealousy in situations of the friendly triangulation. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2018;3: 64–72. Russian.

Автор:

Людмила Александровна Шостак – аспирантка кафедры психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор психологических наук, профессор И. А. Фурманов.

Author:

Liudmila A. Shostak, postgraduate student at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.
mila_shostak@mail.ru

COMMUNICATIVE RESPONSES TO JEALOUSY
IN SITUATIONS OF THE FRIENDLY TRIANGULATIONL. A. SHOSTAK^a^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The results of an empirical research of gender differences of communicative responses to jealousy in situations of the friendly triangulation from the position of a jealous individual and the object of his/her jealousy are considered. The author's method «Communicative responses to jealousy in friendly relations», adapted and validated by I. A. Fourmanov and L. A. Shostak, was used in the research. The sample of the research includes 755 respondents aged between 18 to 22. The obtained results allowed to establish the leading communicative responses to jealousy in the following types of friendly triangles: partners and a competitor of the same sex; partners of the same sex and a competitor of the opposite sex to a jealous individual; partners of different sexes and a competitor of one sex with a jealous individual; partners of different sexes and a competitor of the opposite sex to a jealous individual. The research shows that an integrative communication and negative affective expression are the most frequently used responses in situations of friendly triangles, regardless of gender; the responses of compensation/substitution, an active distancing and avoidance/negation take a subordinate position.

Key words: friendly jealousy; jealousy in a friendly triangulation; types of situations of jealousy in friendly triangles; communicative responses to jealousy; a jealous individual and the object of his/her jealousy; gender differences.

Введение

В контексте социально-психологического знания дружеские отношения представляют собой один из видов близких взаимодействий, в которых реализуется потребность в любви, принадлежности к таким отношениям и собственной значимости для партнера. Дружба выступает важным видом тесной и эмоционально окрашенной взаимосвязи между индивидами. Данные отношения основаны на доверии, верности, взаимопонимании и взаимопомощи. Вместе с тем в мире рыночной экономики одновременно с развитием мобильных технологий и интернета, а также с появлением социальных сетей понятие подлинной дружбы становится все больше идеалом и все меньше практикой социального взаимодействия [1]. В связи с этим в условиях неопределенности распространенным феноменом в близких отношениях является дружеская ревность. С одной стороны, проявление ревнивого поведения обусловлено повышенной ценностью сохранения дружеских связей, отличающихся высоким уровнем близости, доверительности и привязанности. С другой стороны, ревность обусловлена тревогой и беспокойством о том, что при наличии третьего лица (конкурента) отношения с близким партнером могут завершиться или стать менее благополучными.

Ревность в широком смысле определяется как особое эмоциональное состояние, специфическая форма тревоги, возникающая из-за недостатка уверенности в привязанности того, кого любит индивид. В зарубежной литературе ряд авторов раскрывают феномен ревности через сигнал угрозы значимым отношениям, определяя ревность как реакцию на фактический или ожидаемый интерес партнера к другому индивиду и/или реальные отношения с ним. Ревность по определению связана с восприятием потенциального конкурента

(мишени для агрессии) [2]. Другие авторы определяют ревность как любую неблагоприятную реакцию, вызываемую внедиадическими отношениями партнера с другим индивидом, такие отношения являются реальными, предполагаемыми, принимаемыми во внимание либо имеющими большую возможность возникнуть в будущем [3].

Отличительная особенность ревности заключается в том, что она возникает в результате межличностной триангуляции (от англ. *a triangle* – треугольник). Социальный треугольник ревности включает в себя три субъекта межличностных отношений:

- 1) ревнующего индивида, который испытывает тревогу и беспокойство по поводу отношений между партнером и третьим лицом (конкурентом);
- 2) ревнуемого индивида (партнера по отношениям);
- 3) конкурента [4].

В соответствии с концепцией «Ревность в триадических дружеских отношениях» [5] была установлена классификация типов ситуаций дружеской триангуляции. *Первый тип* ситуаций ревности в дружеских треугольниках подразумевает однополюсные отношения между женщинами или мужчинами и конкурентом. *Второй тип* ситуаций ревности в дружеских треугольниках также подразумевает однополюсную дружбу между женщинами или мужчинами, однако в отличие от первого типа конкурент в этих отношениях является лицом противоположного ревнующему индивиду пола. *Третий тип* ситуаций ревности в дружеских треугольниках описывает разнополюсную дружбу между партнерами и появление конкурента одного с ревнующим индивидом пола. Этот дружеский треугольник имеет сходство с романтическим, где ревность возникает

ет между партнерами, один из которых вступил в интимно-личностную связь с третьим лицом. По сравнению с романтическими отношениями разнополая дружба подразумевает менее обязательные требования к преданности и менее исключительную принадлежность к близким отношениям. *Четвертый тип* ситуаций ревности в дружеских треугольниках подразумевает также разнополую дружбу между партнерами, однако конкурент в этом случае является лицом противоположного ревнующему индивиду пола.

Ревность в дружеской триангуляции – это психический феномен (интеграция эмоций, мыслей и действий), возникающий в ситуациях, когда активность партнера (близкого друга или подруги) связана с вовлеченностью в отношения с другим воспринимаемым как угрожающий конкурент индивидом за пределами диадической дружбы [5, с. 105]. Эмоциональные, когнитивные и поведенческие реакции составляют коммуникативную систему ревности. Коммуникативная система ревности – это определенная форма реагирования индивида, направленная на удержание значимого партнера в условиях неопределенности дружеских связей, т. е. при появлении реального или воображаемого соперника, угрожающего близким отношениям.

В рамках научного исследования, направленного на изучение ревности в ситуациях дружеской триангуляции, была разработана и валидизирована методика «Коммуникативные реакции на ревность в дружеских отношениях – КРРДО» (И. А. Фурманов, Л. А. Шостак) [6]. Данная методика позволила измерить степень выраженности 10 тактик поведения с позиции ревнующего и ревнуемого индивидов по семибалльной шкале Лайкерта, где 1 – «совершенно не согласен», а 7 – «полностью согласен». Оценивались следующие реакции:

- *интегративная коммуникация* – прямая, социальная коммуникация с партнером, попытки решения проблемы ревности через конструктивное взаимодействие;
- *негативная аффективная экспрессия* – демонстрация негативных эмоций;
- *активное дистанцирование* – выражение неприятия, игнорирование партнера, уменьшение привязанности к нему;
- *избегание/отрицание* – непрямые действия, предпринимаемые с целью избежать обсуждения вопросов, связанных с ревностью;
- *насильственное взаимодействие/угрозы* – прямые, агрессивные вербальные и невербальные угрозы или фактическое насилие над партнером;

Коммуникативные реакции на ревность в первом типе дружеских треугольников

Сравнительный анализ данных позволил установить, что с позиции ревнующего индивида у женщин (Гр_ДТ1) имеются значительно более вы-

социальная коммуникация с партнером, попытки решить проблему ревности через конфликтное взаимодействие;

• *контроль/ограничение* – действия, используемые для того, чтобы контролировать поведение партнера и ограничить доступ к конкурентам;

• *компенсация/замещение* – попытки угодить партнеру, сделать ему что-то приятное, стать более близким другом;

• *манипуляция* – действия, предназначенные для того, чтобы вызвать негативные переживания у партнера и/или возложить на него ответственность за изменение ситуации;

• *контакт с соперником* – активная коммуникация с конкурентом, попытки противостоять сопернику [7].

В исследовании приняли участие 755 респондентов (390 женщин и 365 мужчин) в возрасте от 18 до 22 лет. В целях выявления половых различий в ситуациях дружеской триангуляции были выделены следующие группы:

• в первом типе дружеских треугольников – женщины с позиции ревнующей (379 человек, группа Гр_ДТ1), женщины с позиции ревнуемой (379 человек, группа Гр_ДТ2), мужчины с позиции ревнующего (360 человек, группа Гр_ДТ3), мужчины с позиции ревнуемого (360 человек, группа Гр_ДТ4);

• во втором типе дружеских треугольников – женщины с позиции ревнующей (379 человек, группа Гр_ДТ5), женщины с позиции ревнуемой (379 человек, группа Гр_ДТ6), мужчины с позиции ревнующего (360 человек, группа Гр_ДТ7), мужчины с позиции ревнуемого (360 человек, группа Гр_ДТ8);

• в третьем типе дружеских треугольников – женщины с позиции ревнующей (320 человек, группа Гр_ДТ9), женщины с позиции ревнуемой (320 человек, группа Гр_ДТ10), мужчины с позиции ревнующего (290 человек, группа Гр_ДТ11), мужчины с позиции ревнуемого (290 человек, группа Гр_ДТ12);

• в четвертом типе дружеских треугольников – женщины с позиции ревнующей (320 человек, группа Гр_ДТ13), женщины с позиции ревнуемой (320 человек, группа Гр_ДТ14), мужчины с позиции ревнующего (290 человек, группа Гр_ДТ15), мужчины с позиции ревнуемого (290 человек, группа Гр_ДТ16).

Полученные данные подвергались статистической обработке с помощью программы *SPSS Statistics v. 13* (рассчитывались среднее значение, стандартное отклонение, *t*-критерий Стьюдента).

сокие, чем у мужчин (Гр_ДТ3), показатели таких реакций, как *интегративная коммуникация* ($M = 4,92$; $SD = 1,47$ против $M = 4,19$; $SD = 1,53$; $p < 0,001$), *нега-*

тивная аффективная экспрессия ($M = 3,52$; $SD = 1,57$ против $M = 2,98$; $SD = 1,50$; $p < 0,001$), активное дистанцирование ($M = 2,53$; $SD = 1,46$ против $M = 2,25$; $SD = 1,19$; $p < 0,001$), избегание/отрицание ($M = 2,85$; $SD = 1,51$ против $M = 2,50$; $SD = 1,36$; $p < 0,001$), компенсация/замещение ($M = 3,38$; $SD = 1,65$ против $M = 2,51$; $SD = 1,46$; $p < 0,001$). У мужчин (Гр_ДТ3) с позиции ревнующего индивида выявлены значительно более высокие, чем у женщин (Гр_ДТ1), показатели по шкалам *насильственное взаимодействие/угрозы* ($M = 1,44$; $SD = 0,95$ против $M = 1,22$; $SD = 0,65$; $p < 0,001$) и *контакт с соперником* ($M = 1,31$; $SD = 0,69$ против $M = 1,14$; $SD = 0,53$; $p < 0,001$) (рис. 1).

Аналогичные данные были получены и с позиции ревнуемого индивида. Так, у женщин (Гр_ДТ2) имеются значительно более высокие (Гр_ДТ4) по-

казатели ревности по следующим реакциям: *интегративная коммуникация* ($M = 4,92$; $SD = 1,49$ против $M = 4,22$; $SD = 1,58$; $p < 0,001$), *негативная аффективная экспрессия* ($M = 3,68$; $SD = 1,60$ против $M = 3,06$; $SD = 1,49$; $p < 0,001$), *активное дистанцирование* ($M = 2,80$; $SD = 1,62$ против $M = 2,34$; $SD = 1,31$; $p < 0,001$), *избегание/отрицание* ($M = 3,00$; $SD = 1,59$ против $M = 2,52$; $SD = 1,38$; $p < 0,001$), *компенсация/замещение* ($M = 3,12$; $SD = 1,66$ против $M = 2,57$; $SD = 1,49$; $p < 0,001$). Вместе с тем с позиции ревнуемого индивида у мужчин (Гр_ДТ4) обнаружены высокие, по сравнению с женщинами (Гр_ДТ2), показатели реакций *насильственного взаимодействия/угрозы* ($M = 1,55$; $SD = 0,93$ против $M = 1,29$; $SD = 0,75$; $p < 0,001$) и *контакта с соперником* ($M = 1,37$; $SD = 0,79$ против $M = 1,19$; $SD = 0,54$; $p < 0,001$) (рис. 1).

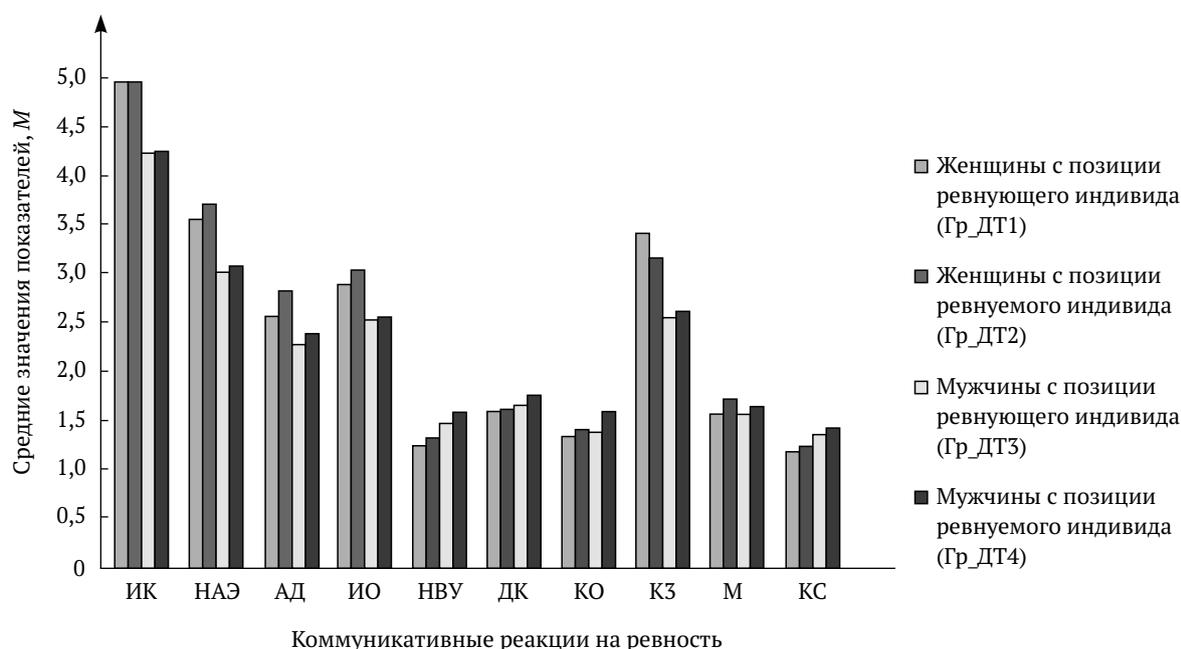

Рис. 1. Половые различия коммуникативных реакций на ревность в первом типе дружеских треугольников. Здесь и далее: ИК – интегративная коммуникация; НАЭ – негативная аффективная экспрессия; АД – активное дистанцирование; ИО – избегание/отрицание; НВУ – насильственное взаимодействие/угрозы; ДК – дистрибутивная коммуникация; КО – контроль/ограничение; КЗ – компенсация/замещение; М – манипуляция; КС – контакт с соперником

Fig. 1. Gender differences of communicative responses to jealousy in the first type of friendly triangles.

Here and below: ИК – integrative communication; НАЭ – negative affect expression; АД – active distancing; ИО – avoidance/negation; НВУ – violent communication/threats; ДК – distributive communication; КО – surveillance/restriction; КЗ – compensation/substitution; М – manipulation attempts; КС – rival contacts

Следует обратить внимание на то, что в первом типе дружеских треугольников вне зависимости от занимаемой позиции (ревнующего или ревнуемого) индивида были установлены сходные доминирующие реакции у женщин и мужчин. Поэтому вне зависимости от ролей в ситуациях ревности женщины чаще, чем мужчины, прибегают к прямой просоциальной коммуникации, предпринимают

попытки решения проблемы через конструктивное взаимодействие с близкой подругой, попытаются усилить дружеские отношения (объясняют свои чувства, стараются поговорить о проблеме и достичь понимания). Наряду с этим женщины чаще, чем мужчины, демонстрируют негативные эмоции (проявляют недоверие, негодование, досаду, печаль и т. д.), выражают неприятие, игнорируют

близкую подругу, стараются уменьшить степень привязанности к ней (физически отдаляются, становятся менее разговорчивыми или устраивают «молчаливый бойкот»).

Мужчины вне зависимости от ролей в ситуациях ревности отдают предпочтение действиям агрессивного характера (выражают прямые агрессивные вербальные и невербальные угрозы или факти-

ческое насилие по отношению к близкому другу), а также вступают в активную коммуникацию с конкурентом и совершают попытки противостоять сопернику. Более сдержанное поведение женщин в однополой дружбе можно объяснить существованием поведенческих стереотипов, которые связаны с проявлением в женском поведении сдержанности, терпимости, мягкости и гибкости [2].

Коммуникативные реакции на ревность во втором типе дружеских треугольников

В результате сопоставления данных исследования было установлено, что с позиции ревнующего индивида у женщин (Гр_ДТ5) показатели по таким реакциям на ревность, как *интегративная коммуникация* ($M = 4,87$, $SD = 1,46$ против $M = 4,03$; $SD = 1,78$; $p < 0,001$), *негативная аффективная экспрессия* ($M = 3,48$; $SD = 1,72$ против $M = 2,98$; $SD = 1,70$; $p < 0,001$), *активное дистанцирование* ($M = 2,33$;

$SD = 1,43$ против $M = 1,97$; $SD = 1,23$; $p < 0,001$), *избегание/отрицание* ($M = 2,67$; $SD = 1,44$ против $M = 2,25$; $SD = 1,42$; $p < 0,001$), *компенсация/замещение* ($M = 2,63$; $SD = 1,59$ против $M = 2,14$; $SD = 1,37$; $p < 0,001$) и более низкие показатели *насильственного взаимодействия/угрозы* ($M = 1,19$; $SD = 0,60$ против $M = 1,49$; $SD = 0,96$; $p < 0,001$) и *контакта с соперником* ($M = 1,15$; $SD = 0,55$ против $M = 1,30$; $SD = 0,79$, $p = 0,004$) (рис. 2).

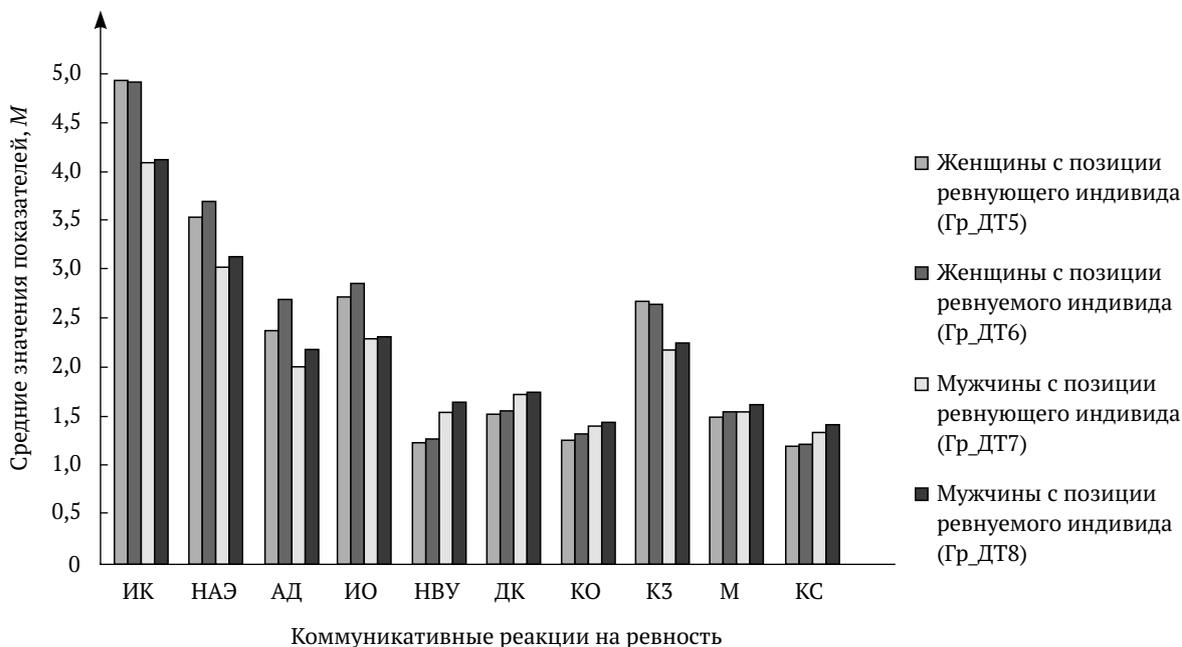

Рис. 2. Половые различия коммуникативных реакций на ревность во втором типе дружеских треугольников

Fig. 2. Gender differences of communicative responses to jealousy in the second type of friendly triangles

Таким же образом были распределены и данные исследования с позиции ревнуемого индивида. Было выявлено, что у женщин (Гр_ДТ6) имеются значительно более высокие, чем у мужчин (Гр_ДТ8), показатели ревности по шкалам *интегративная коммуникация* ($M = 4,85$; $SD = 1,46$ против $M = 4,06$; $SD = 1,74$; $p < 0,001$), *негативная аффективная экспрессия* ($M = 3,65$; $SD = 1,71$ против $M = 3,08$; $SD = 1,67$; $p < 0,001$), *активное дистанцирование* ($M = 2,66$; $SD = 1,66$ против $M = 2,13$; $SD = 1,27$; $p < 0,001$), *избегание/отрицание* ($M = 2,81$; $SD = 1,52$ против $M = 2,26$; $SD = 1,35$; $p < 0,001$), *компенсация/*

замещение ($M = 2,59$; $SD = 1,61$ против $M = 2,23$; $SD = 1,42$; $p < 0,001$). Кроме того, у женщин (Гр_ДТ6) с позиции ревнуемого индивида были обнаружены более низкие, чем у мужчин (Гр_ДТ8), показатели реакций *насильственное взаимодействие/угрозы* ($M = 1,23$; $SD = 0,66$ против $M = 1,60$; $SD = 1,12$; $p < 0,001$) и *контакт с соперником* ($M = 1,18$; $SD = 0,55$ против $M = 1,38$; $SD = 0,87$; $p < 0,001$) (см. рис. 2). Необходимо отметить, что во втором типе дружеских треугольников, как и в первом, вне зависимости от ролей были выявлены тождественные ревностные реакции у женщин и мужчин.

Коммуникативные реакции на ревность в третьем типе дружеских треугольников

Анализ данных позволил установить, что с позиции ревнующего индивида у женщин (Гр_ДТ9) имеется значительно более высокий, чем у мужчин (Гр_ДТ11), показатель ревности по шкале *интегративная коммуникация* ($M = 4,67$; $SD = 1,69$ против $M = 3,82$; $SD = 1,85$; $p < 0,001$). При этом у мужчин с позиции ревнующего индивида наиболее высокими показателями реакций на ревность являются *контроль/ограничение* ($M = 1,67$; $SD = 1,23$ против $M = 1,44$; $SD = 0,94$; $p < 0,001$) и *контакт с соперником* ($M = 1,80$; $SD = 1,38$ против $M = 1,24$; $SD = 0,65$; $p < 0,001$) (рис. 3).

В третьем типе дружеских треугольников с появлением конкурента одного пола женщины в роли

ревнующего индивида более часто, чем мужчины, обсуждают переживания ревности в неагрессивной манере (рассказывают близкому другу о своих чувствах и потенциальных отношениях). Мужчины, в свою очередь, в роли ревнующего индивида чаще, чем женщины, предпринимают действия, которые позволяют контролировать поведение близкой подруги и ограничивать доступ к конкурентам (пытаются контролировать звонки и СМС-сообщения на телефоне, делают так, чтобы близкая подруга не имела возможности видиться с соперником и пр.), а также выражают стремление оказать сопротивление конкуренту (угрозы и активная коммуникация с соперником).

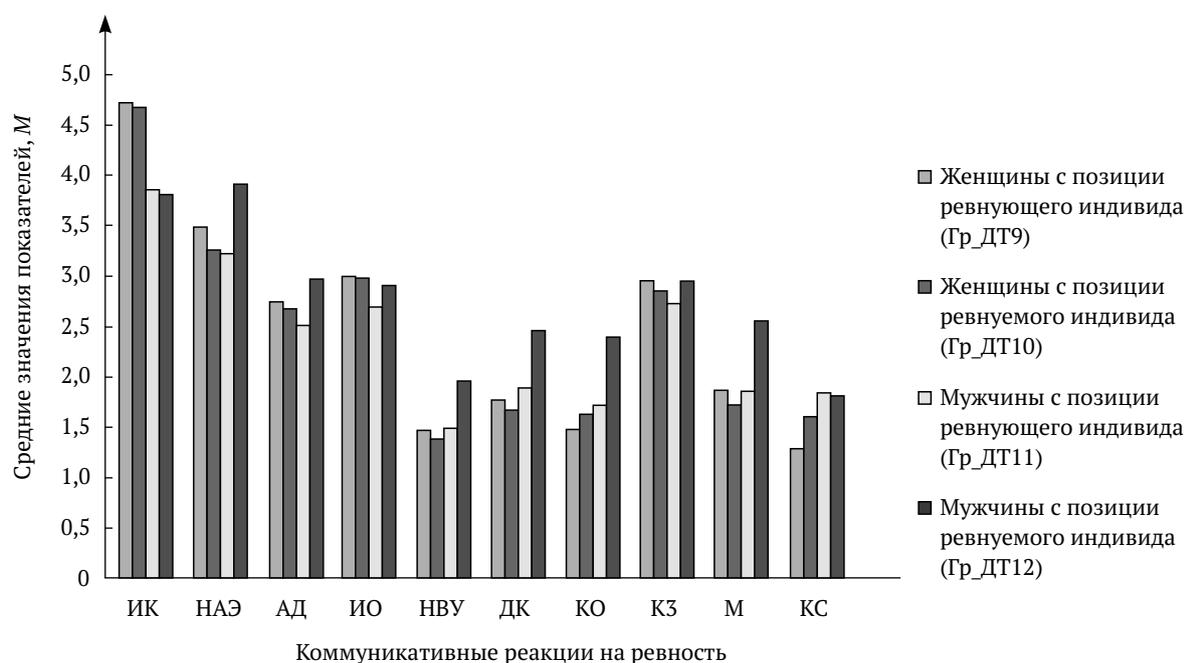

Рис. 3. Половые различия коммуникативных реакций на ревность в третьем типе дружеских треугольников

Fig. 3. Gender differences of communicative responses to jealousy in the third type of friendly triangles

С позиции ревнуемого индивида у мужчин (Гр_ДТ12) были выявлены значительно более высокие, чем у женщин (Гр_ДТ10), показатели таких реакций ревности, как *негативная аффективная экспрессия* ($M = 3,87$; $SD = 1,84$ против $M = 3,22$; $SD = 1,74$; $p < 0,001$), *насильственное взаимодействие/угрозы* ($M = 1,90$; $SD = 1,38$ против $M = 1,33$; $SD = 0,84$; $p < 0,001$), *дистрибутивная коммуникация* ($M = 2,40$; $SD = 1,74$ против $M = 1,62$; $SD = 1,13$; $p < 0,001$), *контроль/ограничение* ($M = 2,35$; $SD = 1,67$ против $M = 1,58$; $SD = 1,16$; $p < 0,001$), *манипуляция* ($M = 2,50$; $SD = 1,76$ против $M = 1,68$; $SD = 1,28$; $p < 0,001$), а также более низкий показатель по шкале *интегративная коммуникация* ($M = 3,76$; $SD = 1,82$ против $M = 4,62$; $SD = 1,65$; $p < 0,001$)

(рис. 3). Необходимо добавить, что под словосочетанием «с позиции ревнуемого индивида...» понимается партнер по отношениям, т. е. у мужчин – близкая подруга, а у женщин – близкий друг. Так, согласно полученным данным, в ситуациях ревности женщины характеризуются более интенсивными эмоциональными переживаниями, связанными с наличием соперника в отношениях. Однако результаты исследований, напротив, могут констатировать тот факт, что мужчины отрицают проявление у себя ревностных реакций, поэтому приписывают ревнивое поведение близкой подруге. Данную особенность можно объяснить тем, что мужчины в ситуациях обнаружения возможного соперника выбирают стратегии, обеспечива-

ющие поддержание самооценки, поэтому близкую подругу воспринимают как более ревнующую.

Данное предположение подтверждается эволюционной теорией К. Р. Харрис, согласно которой мужчины на подсознательном уровне воспринимают женщину как собственность и не допускают мысли о том, что кто-то третий может находиться в близких отношениях с ней или обладать ею [8]. Как отмечают Дж. Л. Биван и В. Самтер, в разнополой дружбе наиболее часто индивиды будут размышлять о неуверенности и неопределенности в том случае, когда в ситуациях ревности исполь-

зуется дистрибутивная коммуникация или негативное выражение аффекта и, наиболее редко, когда применяются реакции интегративной коммуникации (попытка обсуждения и решения проблемы ревности через объяснение своих чувств с разнополом другом). По мнению исследователей, разнополые друзья имеют более высокие показатели неуверенности в партнере и неопределенности в близких отношениях и, следовательно, более высокую степень проявления ревности, чем партнеры, находящиеся в романтических отношениях [9; 10].

Коммуникативные реакции на ревность в четвертом типе дружеских треугольников

В результате проведенного исследования было установлено, что с позиции ревнующего индивида у женщин (Гр_ДТ13) имеются более высокие показатели, чем у мужчин (Гр_ДТ15), по шкалам *интегративная коммуникация* ($M = 4,63$; $SD = 1,65$ против $M = 4,01$; $SD = 1,80$; $p < 0,001$), *избегание/отрицание* ($M = 2,66$; $SD = 1,59$ против $M = 2,22$; $SD = 1,45$; $p < 0,001$) и более низкие показатели *контроля/ограничения* ($M = 1,27$; $SD = 0,67$ против $M = 1,46$; $SD = 0,89$; $p = 0,003$), *контакта с соперником* ($M = 1,16$; $SD = 0,56$ против $M = 1,34$; $SD = 0,79$; $p < 0,001$) (рис. 4).

В четвертом типе дружеских треугольников при наличии конкурента противоположного пола женщины в роли ревнующего индивида используют тактики поведения, позволяющие решить с близким другом проблемы ревности через конструктивное взаимодействие с ним либо предпринимают действия, направленные на то, чтобы избежать обсуждения вопросов, связанных с проявлением ревности. При этом мужчины в роли ревнующего индивида контролируют поведение близкой подруги и используют активную коммуникацию с соперником.

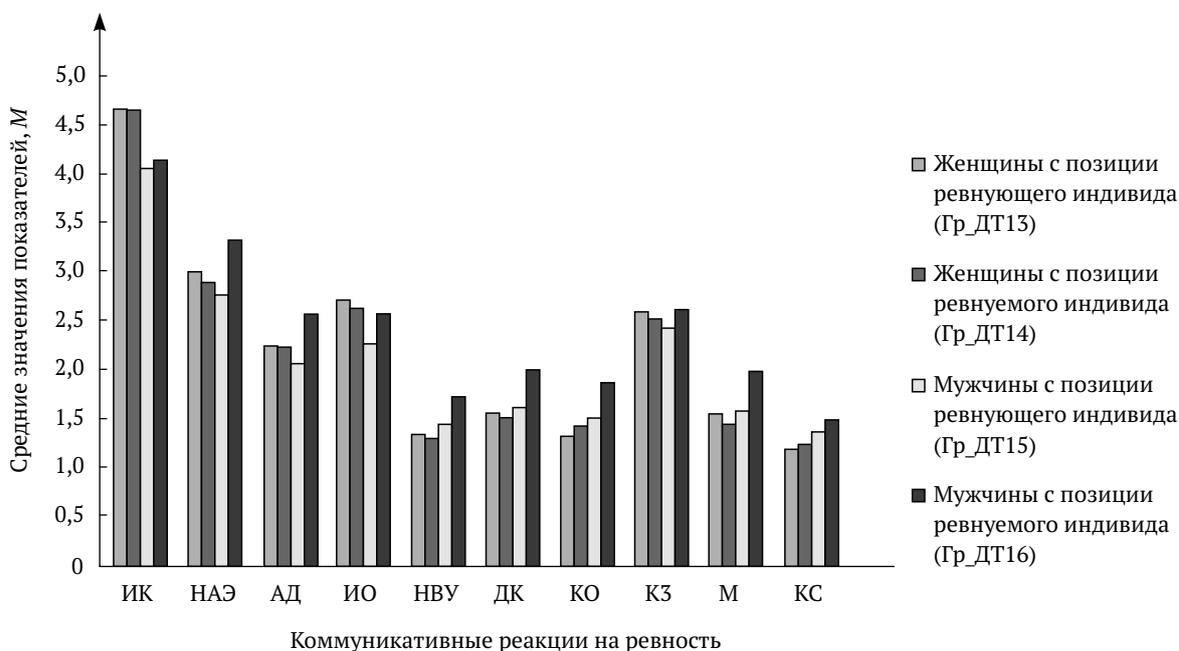

Рис. 4. Половые различия коммуникативных реакций на ревность в четвертом типе дружеских треугольников
 Fig. 4. Gender differences of communicative responses to jealousy in the fourth type of friendly triangles

По результатам исследования было выявлено, что с позиции ревнуемого индивида у мужчин (Гр_РД16) имеются более высокие, чем у женщин (Гр_РД14), показатели по следующим шкалам: *негативная аффективная экспрессия* ($M = 3,29$; $SD = 1,75$

против $M = 2,84$; $SD = 1,57$; $p < 0,001$), *активное дисканцирование* ($M = 2,52$; $SD = 1,53$ против $M = 2,18$; $SD = 1,42$; $p = 0,005$), *насильственное взаимодействие/угрозы* ($M = 1,68$; $SD = 1,24$ против $M = 1,24$; $SD = 0,65$, $p < 0,001$), *дистрибутивная коммуника-*

ция ($M = 1,95$; $SD = 1,38$ против $M = 1,46$; $SD = 0,91$; $p < 0,001$), контроль/ограничение ($M = 1,82$; $SD = 1,27$ против $M = 1,38$; $SD = 0,86$; $p < 0,001$), манипуляция ($M = 1,93$; $SD = 1,34$ против $M = 1,40$; $SD = 0,87$; $p < 0,001$), контакт с соперником ($M = 1,45$; $SD = 0,90$ против $M = 1,20$; $SD = 0,65$; $p < 0,001$) и более низкий показатель по шкале *интегративная коммуника-*

ция ($M = 4,10$; $SD = 1,81$ против $M = 4,62$; $SD = 1,68$; $p < 0,001$) (рис. 4). Полученные результаты исследования еще раз подтверждают идею о том, что мужчины в ситуациях появления возможного соперника выбирают стратегии поведения, обеспечивающие поддержание самооценки и чувства собственного достоинства.

Выводы

Таким образом, в результате сравнительного анализа коммуникативных реакций на ревность в различных ситуациях дружеской триангуляции выявлены следующие различия:

- вне зависимости от пола индивидов доминирующими ревностными реакциями являются *интегративная коммуникация* и *негативная аффективная экспрессия*, субординационное положение занимают реакции *компенсация/замещение*, *активное дистанцирование* и *избегание/отрицание*;

- в первом и во втором типах дружеских треугольников вне зависимости от ролей индивида, ревнующего или ревнуемого, установлены тождественные реакции у женщин (*интегративная коммуникация*, *негативная аффективная экспрессия*, *активное дистанцирование*, *избегание/отрицание*, *компенсация/замещение*) и мужчин (*насильственное взаимодействие/угрозы*, *контакт с соперником*);

- в третьем типе дружеских треугольников с позиции ревнующего индивида у женщин был выявлен значительно более высокий, чем у мужчин, показатель ревности по шкале *интегративная коммуникация*, тогда как у мужчин наиболее высокие показатели были по реакциям *контроль/ограничение* и *контакт с соперником*;

- в четвертом типе дружеских треугольников с позиции ревнующего индивида у женщин обнаружены значительно более высокие показатели ревности по шкалам *интегративная коммуникация* и *избегание/отрицание*, при этом у мужчин имеются наиболее высокие показатели реакций *контроль/ограничение* и *контакт с соперником*;

- в третьем и четвертом типах дружеских треугольников с позиции ревнуемого индивида у мужчин была установлена более высокая интенсивность проявления реакций на ревность (*негативная аффективная экспрессия*, *насильственное взаимодействие/угрозы*, *дистрибутивная коммуникация*, *контроль/ограничение*, *манипуляция*), вместе с тем у женщин с позиции ревнуемого индивида выявлен наиболее высокий показатель *интегративной коммуникации*.

Представляется перспективным продолжение исследований в избранном направлении с учетом широкого круга детерминант, которые могут влиять на проявление дружеской ревности, например: опыта близких отношений, стиля привязанности, коммуникативной дистанции, понимания, принятия и авторитетности партнера (близкого друга или подруги). Возможно, полученные результаты исследования приведут к пониманию общей картины переживания ревности в дружеских отношениях.

Библиографические ссылки

1. Бегина ИА, Шедловская МА. Студенческая дружба: возрастная динамика восприятия. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология.* 2015;15(1):27–29.
2. Parker JG, Lowe CM, Walker AR, Camm BK. Friendship jealousy in young adolescents: Assessment of individual differences and links to sex, self-esteem, aggression, and social adjustment. *Development Psychology.* 2005;41(1):235–250. DOI: 10.1037/0012-1649.41.1.235.
3. Bringle RG, Buunk B. Extradysadic relationships and sexual jealousy. In: McKinney K, Sprecher S, editors. *Sexuality in close relationships.* Hillsdale: Erlbaum Associates; 1991. p. 135–153. DOI: 10.4135/9781452220437.n23.
4. Ben-Ze'ev A. Jealousy and romantic love. In: Hart SL, Legerstee M, editors. *Handbook of Jealousy: Theory, Research, and Multidisciplinary Approaches.* Oxford: Wiley-Blackwell; 2010. p. 40–55. DOI: 10.1002/9781444323542.ch3.
5. Шостак ЛА, Фурманов ИА. Ревность в триадических дружеских отношениях. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2017;3:97–103.
6. Фурманов ИА, Шостак ЛА. Тактики поведения в ситуации переживания ревности: методика «Коммуникативные реакции на ревность в дружеских отношениях». *Зборник наукових прац Академії післядипломної адукації.* 2016;14:464–477.
7. Guerrero LK, Trost MR, Yoshimuras S. Romantic jealousy: emotions and communicative responses. *Personal Relationships.* 2005;12(2):233–252. DOI: 10.1111/j.1350-4126.2005.00113.x.
8. Harris CR. The Evolution of Jealousy. *American scientist.* 2004;92(2):62–71. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.01619.
9. Bevan JL, Samter W. Toward a broader conceptualization of jealousy in close relationships. *Communications Studies.* 2004;55(1):14–28. DOI: 10.1080/10510970409388603.
10. Bevan JL. Expectancy violation theory and sexual resistance in close, cross-sex relationships. *Communications Monographs.* 2003;70(1):68–82. DOI: 10.1080/0363775032000104603.

References

1. Beginina IA, Shedlovskaya MA. [Student friendship: age-related dynamics of perception dynamik]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Sotsiologiya. Politologiya* [News of Saratov university. New Ser. Series: Sociology. Political science]. 2015;15(1):27–29. Russian.
2. Parker JG, Lowe CM, Walker AR, Camm BK. Friendship jealousy in young adolescents: Assessment of individual differences and links to sex, self-esteem, aggression, and social adjustment. *Development Psychology*. 2005;41(1):235–250. DOI: 10.1037/0012-1649.41.1.235.
3. Bringle RG, Buunk B. Extradyadic relationships and sexual jealousy. In: McKinney K, Sprecher S, editors. *Sexuality in close relationships*. Hillsdale: Erlbaum Associates; 1991. p. 135–153. DOI: 10.4135/9781452220437.n23.
4. Ben-Ze'ev A. Jealousy and romantic love. In: Hart SL, Legerstee M, editors. *Handbook of Jealousy: Theory, Research, and Multidisciplinary Approaches*. Oxford: Wiley-Blackwell; 2010. p. 40–55. DOI: 10.1002/9781444323542.ch3.
5. Shostak LA, Fourmanov IA. The jealousy in the triadic relations of friendship. *Journal Belarusian State University. Philosophy. Psychology*. 2017;3:97–103. Russian.
6. Fourmanov IA, Shostak LA. Tactics of behavior in the situation of experiencing jealousy: the technique «Communicative reactions to jealousy in friendly relations». *Zbornik navukovyh prac Akademii paslyadyplomnai adukatsyi* [Collection of scientific papers Academy of Postgraduate Aducation]. 2016;14:464–477. Russian.
7. Guerrero LK, Trost MR, Yoshimura S. Romantic jealousy: Emotions and communicative responses. *Personal Relationships*. 2005;12(2):233–252. DOI: 10.1111/j.1350-4126.2005.00113.x.
8. Harris CR. The Evolution of Jealousy. *American scientist*. 2004;92(2):62–71. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.01619.
9. Bevan JL, Samter W. Toward a broader conceptualization of jealousy in close relationships. *Communications Studies*. 2004;55(1):14–28. DOI: 10.1080/10510970409388603.
10. Bevan JL. Expectancy violation theory and sexual resistance in close, cross-sex relationships. *Communications Monographs*. 2003;70(1):68–82. DOI: 10.1080/0363775032000104603.

Статья поступила в редколлегию 22.03.2018.
Received by editorial board 22.03.2018.

УДК 159.9.072.42

ОСОБЕННОСТИ ДЕЗАДАПТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРИ АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ, СВЯЗАННЫЕ С АЛЕКСИТИМИЕЙ

А. И. АВИН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Девиантное (отклоняющееся от нормы) поведение лиц, зависимых от алкоголя, представляет собой основную социальную проблему. Важнейшими компонентами дезадаптивного поведения при алкоголизме являются изменения личности, психологические защиты, а также алекситимия как предпосылка возникновения трудностей и конфликтов в межличностных отношениях. Для выявления взаимосвязи конфликтности у людей, страдающих синдромом зависимости, с алекситимией и психологическими защитами было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие группа респондентов с алкогольной зависимостью (86 человек) и контрольная группа лиц того же возраста без алкогольной зависимости (72 человека). Использовались опросник «Торонтская алекситимическая шкала», методика «индекс жизненного стиля» и опросник «Стратегия поведения в конфликте». Полученные результаты показывают, что алкогольная зависимость достоверно чаще протекает с признаками алекситимии. Выявлено, что алекситимия у лиц с алкогольной зависимостью связана со стратегией «избегание» в конфликтных ситуациях и с психологическими защитами «проекция» и «регрессия». Отмечено, что особенности поведения алекситимичной личности в конфликтных ситуациях следует учитывать при построении психокоррекционных программ, целью которых является развитие у алекситимиков, зависимых от алкоголя, способностей к эмоциональной и поведенческой саморегуляции.

Ключевые слова: алкогольная зависимость; поведение в конфликте; алекситимия; психологические защиты.

Образец цитирования:

Авин АИ. Особенности дезадаптивного поведения при алкогольной зависимости, связанные с алекситимией. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2018;3:73–77.

For citation:

Avin AI. On the particularities of deviant behaviour in the case of alcoholism connected to alexithymia. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2018;3:73–77. Russian.

Автор:

Александр Иванович Авин – кандидат медицинских наук; доцент кафедры общей и клинической психологии факультета социокультурных коммуникаций.

Author:

Alexander I. Avin, PhD (medicine); associate professor at the department of general and clinical psychology, faculty of socio-cultural communications.
avin-a@mail.ru

ON THE PARTICULARITIES OF DEVIANT BEHAVIOUR IN THE CASE OF ALCOHOLISM CONNECTED TO ALEXITHYMI

A. I. AVIN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Deviant behaviour of people addicted to alcohol is one of the most acute social problems. The main characteristics of deviant behaviour in the case of alcoholism are alterations of personality, psychological defence mechanisms and alexithymia as a prerequisite of misunderstandings and interpersonal conflicts. In order to demonstrate the link between the propensity for conflict in the case of alcoholism and the alexithymia with psychological defence mechanisms we have conducted an empirical case study with 86 respondents suffering from alcohol addiction and 72 respondents of the same age without any history of alcohol abuse. Our case study was based on the TAS (Toronto Alexithymia Scale), on the LSI (Life Style Index) and Conflict Behaviour questionnaires. The study has revealed the connection between alcohol addiction and alexithymia. Alexithymia-affected individuals suffering from alcohol addiction are more likely to demonstrate such psychological defence mechanisms as «projection» and «regression», as well as avoid confrontations and arguments. All the behavioural patterns of alexithymia-affected individuals in conflict situations should be considered in correctional psychology programs which are aimed at helping this group of individuals to develop emotional and behavioural self-regulation.

Key words: alcohol addiction; conflict behavior; alexithymia; psychological defence mechanisms.

Республика Беларусь относится к группе стран с высоким уровнем потребления алкоголя [1]. В 2017 г. на диспансерном учете в стране состояло около 165 тыс. человек с алкогольной зависимостью. Несмотря на то что в последние пять лет наблюдается некоторое снижение доли граждан на наркологическом учете [2], реальное количество зависимых от алкоголя в разы превышает число зарегистрированных. Это своего рода подводная часть айсберга, состоящая из людей, которые, как правило, попадают в поле зрения медиков лишь тогда, когда нарушают трудовую дисциплину, общественный порядок, правила дорожного движения и др.

Именно девиантное (отклоняющееся от нормы) поведение представляет собой основную связанную с алкоголизмом социальную проблему [3]. Причем девиантное поведение зависимых от алкоголя характеризуется прежде всего тем, что оно по своей сути двухвариантно [4]. Во-первых, злоупотребляющий алкоголем человек всегда формирует вокруг себя нездоровые созависимые отношения. Цель данных отношений – сгладить противодействие окружающих и продолжать алкоголизацию. Известны такие качества зависимых алкогольных аддиктов, как экстравагантность, услужливость, культурность, щепетильность, цель подобного поведения – избежать того, чтобы окружающие открыто, «в глаза», говорили правду о проблеме. Во-вторых, в ситуациях, когда окружающие открыто говорят о пьянстве и напрямую предъявляют претензии, зависимый реагирует агрессивно. В этот момент обнажаются патологические установки, вытесненные мотивы становятся очевидными. Таким образом, анализ девиантного поведения при алкоголизме включает в себя исследование дисфункциональных созависимых отношений и дезадаптивных реакций на стресс, связанных с психологическими защитами.

Начиная с 1970-х гг. в клинической психологии утвердился термин «алекситимия» (буквально «без слов для чувств» или в близком переводе «нет слов для названия чувств») – это психологическая характеристика личности, связанная с ограниченной способностью к восприятию собственных чувств и эмоций, их адекватной вербализации и экспрессивной передаче [5]. Термин «алекситимия» был введен П. Сифнеосом для обозначения ведущего, по его мнению, психического расстройства, лежащего в основе психосоматических заболеваний. По описанию исследователя, для алекситимиков характерно бесконечное описывание физических ощущений, часто не связанных с найденным заболеванием, при этом внутренние ощущения обозначаются обычно в терминах раздражительности, скуки, пустоты, усталости, возбуждения, напряжения и т. д. Аффекты алекситимиков неадекватны, им трудно вербализовать чувства. Алекситимики отличаются неразвитой фантазией, тенденцией к импульсивности, бедностью межличностных связей. Совокупность перечисленных качеств приводит к чрезмерному прагматизму, невозможности формирования целостного представления о собственной жизни, дефициту творческого отношения к ней, а также к трудностям и конфликтам в межличностных отношениях.

Первоначальные представления П. Сифнеоса об алекситимии как о предпосылке психосоматических расстройств в последнее время были расширены до представлений о ней как о причине целого ряда нарушений психосоциальной адаптации, в том числе и алкогольной зависимости [6]. Однако имеется лишь небольшое количество работ по этой теме. Высказывается предположение о том, что при проблемах в чувственной сфере познание мира осуществляется за счет моторно-двигательных функций. В основе лежит механизм гиперком-

пенсации и замещения. Лица с алекситимией обладают повышенной импульсивностью и моторной активностью при наличии проблем в сфере чувств. Возможно, что восстановить эмоциональный дефицит и снять напряжение они пытаются наиболее примитивным и доступным способом, т. е. употреблением алкоголя [7].

Исходя из вышесказанного, интерес представляет дальнейшее изучение алекситимии и ее связей с личностными чертами и психологическими защитами как предпосылок к дезадаптивному поведению при алкоголизме.

Для выявления взаимосвязи конфликтности у людей, страдающих синдромом зависимости, с алекситимией и психологическими защитами нами было проведено исследование, в котором приняли участие две группы разнополюх респондентов в возрасте от 23 до 39 лет:

1) основная группа (86 человек), состоящая из лиц с синдромом зависимости, вызванным употреблением алкоголя (активная зависимость $F 10,24$ по МКБ-10), находящихся на наркологическом учете;

2) группа сравнения (72 человека), состоящая из студентов Белорусского государственного медицинского университета и БГУ.

В исследовании использовались следующие методики:

- опросник «Торонтская алекситимическая шкала» (Г. Тейлор и соавторы, апробация в институте им. В. М. Бехтерева) [8];
- методика «индекс жизненного стиля» (Р. Плутчик и Х. Келлерман, адаптация Л. И. Вассермана) [9];
- тест К. Томаса «Стратегия поведения в конфликте» (адаптация Н. В. Гришиной) [10];
- *AUDIT (alcohol use disorders identification test)* – тест по выявлению расстройств, связанных с употреблением алкоголя [11].

В основной группе по тесту *AUDIT* был выявлен синдром алкогольной зависимости ($24,72 \pm 7,1$ балла), в группе сравнения – безопасное употребление алкоголя ($3,55 \pm 2,6$ балла).

Опросник «Торонтская алекситимическая шкала» позволил изучить уровни и факторы алекситимии у респондентов основной группы и группы сравнения. Полученные результаты свидетельствуют о том, что склонность к алекситимии и алекситимичность встречаются чаще в основной группе. В группе сравнения доминирует отсутствие алекситимии (рис. 1).

Статистический анализ показал достоверное ($p < 0,01$) преобладание в основной группе фактора алекситимии «идентификация». Респонденты основной группы (зависимые от алкоголя) переживают трудности в определении и описании собственных переживаний. Можно утверждать, что высокая

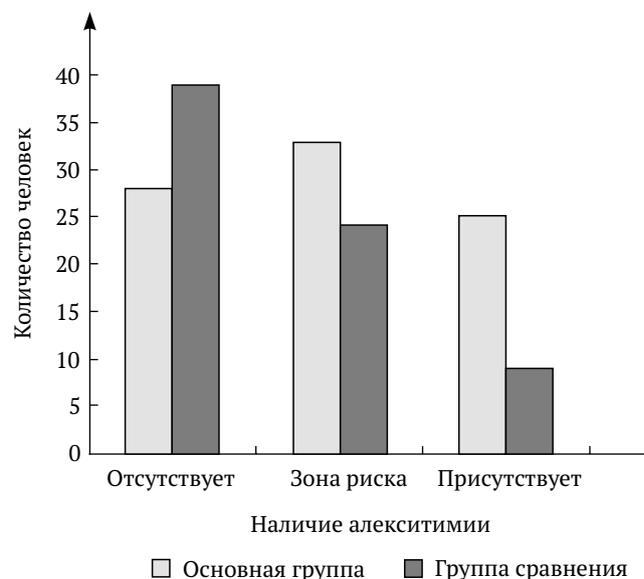

Рис. 1. Количественное соотношение респондентов с алекситимией, алекситимичностью (зона риска) и без алекситимии в основной группе и группе сравнения

Fig. 1. The quantitative ratio of respondents with alexithymia, risk zone and without alexithymia in the main group and the comparison group

выраженность фактора алекситимии «идентификация» связана с предрасположенностью к алкогольной зависимости.

Тест К. Томаса «Стратегия поведения в конфликте», адаптированный Н. В. Гришиной, позволил изучить стратегии поведения в конфликтной ситуации исследуемых с синдромом зависимости и определить количественные различия между ними и группой сравнения по средним значениям стратегий поведения в конфликтной ситуации. Было выявлено достоверное преобладание стратегии «избегание» при алкогольной зависимости и достоверное преобладание стратегии «соперничество» у здоровых респондентов (рис. 2).

На основании полученных данных можно сделать вывод о том, что наличие синдрома зависимости определяет преимущественное использование стратегии «избегание» в конфликтной ситуации. Стратегия «соперничество» в ответ на конфликт не характерна для зависимых от алкоголя лиц.

При анализе психологических защит у лиц, зависимых от алкоголя, преобладали такие механизмы, как «отрицание», «проекция», «регрессия», «компенсация», «замещение», «реактивные образования». В ходе корреляционного анализа были выявлены статистически достоверные умеренные взаимосвязи алекситимии с механизмами психологической защиты «проекция» и «регрессия», а также со стратегией поведения «избегание» в конфликтных ситуациях (см. таблицу).

Таким образом, у зависимых от алкоголя лиц наблюдается тенденция к избеганию конфликтных ситуаций, что проявляется в стремлении уйти,

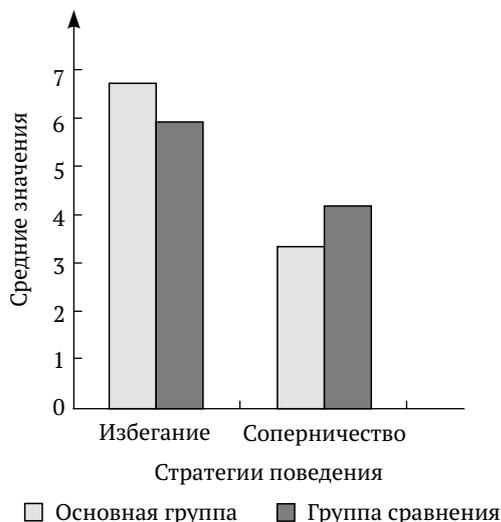

Рис. 2. Средние значения стратегий поведения в конфликте у респондентов основной группы и группы сравнения

Fig. 2. The average values of the strategies of behavior in conflict among the respondents of the main group and the comparison group

не уступая и не настаивая на своем, воздерживаясь от споров, дискуссий и возражений. Такое поведение уместно, если предмет разногласий не представляет для человека большой ценности. Однако конфликты, возникшие из-за проблем с алкоголем,

весьма значимы для зависимого индивида. Уходя от открытых столкновений, он обвиняет окружающих в присущих ему проблемах, наделяет собеседников теми негативными качествами, которые присущи ему, но вытеснены в бессознательное. Типичную ситуацию выражает фраза: «Как послушаешь его, так все вокруг плохие, один он хороший». Другой вариант – манипулятивное поведение, связанное с механизмом психологической защиты «регрессия». Человек прибегает к более ранним незрелым способам реагирования, сосредоточивает внимание окружающих на себе, превращается в беспомощного манипулятора. Типичным проявлением такого поведения является игра «Алкоголик», описанная Э. Берном [12].

Указанные выше особенности алекситимичной личности следует учитывать при построении психокоррекционных программ, целью которых является развитие у алекситимиков, зависимых от алкоголя, способностей к эмоциональной и поведенческой саморегуляции. Для достижения поставленной цели особое внимание следует уделять формированию умений и навыков дистанцирования от травматичных переживаний, вербальному и невербальному выражению эмоций, интеграции чувственного опыта, освоению техник управления эмоциями в конфликте, раскрытию творческого потенциала.

Статистически достоверные корреляции между алекситимичностью, стратегиями поведения в конфликте и психологическими защитами при алкогольной зависимости, выявленные в исследовании

Statistically reliable correlations between alexithymism, strategies of behavior in conflict and psychological defenses in alcohol dependence, identified in the study

Сравниваемые переменные	Коэффициент ранговой корреляции (r) Спирмена
Алекситимичность, избегание	0,328*
Алекситимичность, приспособление	0,271*
Алекситимичность, проекция	0,315*
Алекситимичность (идентификация), регрессия	0,384**

*Корреляция значима на уровне 0,05 (2-сторонняя).

**Корреляция значима на уровне 0,01 (2-сторонняя).

Приведем следующие выводы:

- алкогольная зависимость достоверно чаще, чем безопасное употребление алкоголя, протекает с признаками алекситимии;
- алекситимия у лиц с алкогольной зависимостью связана со стратегией «избегание» в конфликтных ситуациях;

- алекситимия при алкоголизме связана с психологическими защитами «проекция» и «регрессия»;
- алекситимию и связанные с ней психологические защиты необходимо учитывать при психокоррекционной работе с лицами, зависимыми от алкоголя.

Библиографические ссылки

1. Рейтинг стран мира по употреблению алкоголя. Информация по исследованию и его результаты. *Гуманитарные технологии* [дата обращения: 15.01.2018]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/rating-countries-alcohol-consumption/info>.
2. Разводовский ЮЕ. Алкогольная смертность в Беларуси в контексте алкогольной политики. *Вопросы наркологии*. 2017;7:106–119.

3. Змановская ЕВ, Рыбников ВЮ. Девиантное поведение личности и группы. Санкт-Петербург: Питер; 2016. 352 с.
4. Авин АИ. Психология алкогольной зависимости. Минск: Дивимедиа; 2011. 172 с.
5. Былкина НД. Развитие зарубежных психосоматических теорий (аналитический обзор). *Психологический журнал*. 1997;18(2):149–160.
6. Стрельникова ЕА. Психологические особенности зависимой личности [дата обращения: 15.01.2018]. URL: <http://www.b17.ru/article/4380/>.
7. Завьялов ВЮ. Психологические аспекты формирования алкогольной зависимости. Новосибирск: Наука; 1988. 198 с.
8. Ереско ДБ, Исурина ГЛ, Кайдановская ЕВ, Карварский БД, Карпова ЭБ и др. *Алекситимия и методы ее определения при пограничных психосоматических расстройствах*. Санкт-Петербург: Психоневрологический институт; 1994. 16 с.
9. Вассерман АИ, Ерышев ОФ, Клубова ЕБ, Петрова НН, Беспалько ИГ и др. *Психологическая диагностика индекса жизненного стиля*. Санкт-Петербург: Психоневрологический институт; 1998. 30 с.
10. Райгородский ДЯ, редактор. *Практическая психодиагностика*. Самара: Бахрах-М; 2001. 672 с.
11. Александров АА. Выявление и лечение расстройств, связанных с употреблением алкоголя в условиях общей медицинской практики. Минск: БелМАПО; 2007. 29 с.
12. Берн Э. *Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры*. Гузберг А, переводчик. Москва: ЭКСМО-Пресс; 2002. 640 с.

References

1. Rating of the countries of the world on the use of alcohol. Information on the research and its results. *Humanitarian technologist* [cited 2018 January 15]. Available from: <http://gtmarket.ru/ratings/rating-countries-alcohol-consumption/info>. Russian.
2. Razvodovsky YuE. [Alcohol death rate in Belarus in the context of alcohol policy]. *Voprosy narkologii* [Questions of narcology]. 2017;7:106–119. Russian.
3. Zmanovskaya EV, Rybnikov VYu. *Deviantnoe povedenie lichnosti i gruppy* [Deviant behavior of the individual and the group: Textbook]. Saint Petersburg: Piter; 2016. 352 p. Russian.
4. Avin AI. *Psikhologiya alkogol'noi zavisimosti* [Psychology of alcohol dependence]. Minsk: Divimedia; 2011. 172 p. Russian.
5. Bylkina ND. [Development of foreign psychosomatic theories (analytical review)]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal]. 1997;18(2):149–160. Russian.
6. Strelnikova EA. Psychological features of an addicted person [cited 2013 January 15]. Available from: <http://www.b17.ru/article/4380/>. Russian.
7. Zav'yalov VYu. *Psikhologicheskie aspekty formirovaniya alkogol'noi zavisimosti* [Psychological aspects of the formation of alcohol dependence]. Novosibirsk: Nauka; 1988. 198 p. Russian.
8. Eres'ko DB, Isurina GL, Kaidanovskaya EV, Karvarskii BD, Karpova EB et al. *Aleksitimiya i metody ee opredeleniya pri po-granichnykh psikhosomaticheskikh rasstroistvakh* [Alexitimia and methods for its determination in borderline psychosomatic disorders]. Saint Petersburg: Psychoneurological Institute; 1994. 16 p. Russian.
9. Vasserman LI, Eryshev OF, Klubova EB, Petrova NN, Bepal'ko IG et al. *Psikhologicheskaya diagnostika indeksa zhiznennogo stilya* [Psychological diagnosis of the index of life style]. Saint Petersburg: The Sankt-Petersburg V. M. Bekhterev Psychological Research Institute; 1998. 30 p. Russian.
10. Raigorodskii DYa, editor. *Prakticheskaya psikhodiagnostika* [Practical psychodiagnostics]. Samara: Bakhrakh-M; 2001. 672 p. Russian.
11. Alexandrov AA. *Vyyavlenie i lechenie rasstroistv, svyazannykh s upotrebleniem alkogolya v usloviyakh obshchemeditsinskoj praktiki* [Detection and treatment of alcohol-related disorders in general medical practice]. Minsk: BelMAPO; 2007. 29 p. Russian.
12. Berne E. Games people play. What do you say after you say hello? New York: Corgibooks; 1975.
Russian edition: Berne E. *Igry, v kotorye igrayut lyudi. Lyudi, kotorye igrayut v igry*. Guzberg A, translator. Moscow: Izdatel'stvo EKSMO-Press; 2002. 640 p.

Статья поступила в редколлегию: 28.12.2017.
Received by editorial board: 28.12.2017.

УДК 316.627

ПРОСОЦИАЛЬНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫХ КАЧЕСТВ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

Н. В. КУХТОВА¹⁾

¹⁾Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, пр. Московский, 33, 210038, г. Витебск, Беларусь

Описана просоциальность, которая является комбинированным проявлением профессионально важных качеств медицинских работников, включающих в себя альтруизм, эмпатию, сочувствие, совестливость, соблюдение социальных норм (взаимности, ответственности, справедливости, «затрат-вознаграждения»). Показано, что медицинские сестры отличаются от врачей по переменным «сострадание» и «личный дистресс». Различия по месту работы у медицинских работников установлены по показателям «расторженность», «интроверсия», «сензитивность», «альтруизм», «невротизм», «общительность», «эстетическая впечатлительность», «женственность», «социальная ответственность», «норма справедливости», «сострадание», «эмпатия», «эмпатическая забота», «личный дистресс».

Ключевые слова: просоциальность; профессионально важные качества; профессиональная деятельность; оказание помощи; социальные нормы; альтруизм; эмпатия; совестливость; медицинские работники.

PROSOCIALITY AS PROFESSIONAL IMPORTANT QUALITIES OF THE HEALTHCARE PROVIDERS

N. V. KUKHTOVA^a

^aVitebsk State University named after P. M. Masherov, 33 Maskoŭski Avenue, Vitebsk 210038, Belarus

The article describes pro-sociality, that is a combined manifestation of the professionally important qualities of medical workers, including altruism, empathy, empathy, conscientiousness, observance of social norms (reciprocity, responsibility, justice, «cost-reward»). It is shown that nurses differ from doctors in terms of: «compassion» and «personal distress». Differences in the workplace among medical workers are established by such indicators as: disinhibition, introversion, sensitivity, altruism, neuroticism, sociability, aesthetic impressionability, femininity, social responsibility, the norm of justice, compassion, empathy, empathic care, personal distress.

Key words: pro-sociality; professional and important qualities; assistance; professional activity; assistance; social norms; altruism; conscientiousness; healthcare providers.

Динамические, социально-экономические перемены увеличили приоритетность ответственного и помогающего поведения профессионалов, характеризующихся субъектным отношением к специальности, труду, личностно-профессиональному развитию [1]. В особенности это немаловажно для медицинских работников, чья деятель-

ность обуславливается интенсивностью ситуаций с нормативной неопределенностью, потребностью взять ответственность на себя, при этом средством профессиональной деятельности выступает сама личность специалистов [2]. Так, получение населением медицинской помощи при снижении финансовых затрат непосредственно связано

Образец цитирования:

Кухтова НВ. Просоциальность в структуре профессионально важных качеств медицинских работников. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2018;3:78–82.

For citation:

Kukhtova NV. Prosociality as professional important qualities of the healthcare providers. Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2018;3:78–82. Russian.

Автор:

Наталья Валентиновна Кухтова – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры прикладной психологии факультета социальной педагогики и психологии.

Author:

Natalia V. Kukhtova, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of applied psychology, faculty of social pedagogics and psychology.
zvetok@tut.by

с формированием у врачей и медицинских сестер такого качества, как просоциальность, что приводит к установлению верных и своевременных причин заболевания, результативному лечению, повышая тем самым качество услуг.

В современном обществе изучение просоциальности является востребованным как с теоретических позиций, так и с точки зрения прикладного применения и позволяет установить содержательную специфику просоциальности, вносит вклад в развитие взглядов о профессионально важных качествах и их прогнозированию у медицинских работников [3–7]. При этом комплексное исследование просоциальности в структуре профессионально важных качеств медицинских работников ранее не велось, в связи с этим видна очевидная значимость данной проблемы. Просоциальность может рассматриваться в том числе и как индикатор профессиональной успешности медицинских работников и в связи с этим ее исследование представляется актуальным [5].

В целом проблемным полем изучения профессиональной деятельности медицинских работников являются:

- особенности профессионально-личностного развития студентов медицинского высшего учебного заведения и практикующих врачей (А. И. Артюхина, С. А. Лигер и др.), выпускников медицинских училищ (М. В. Меньшикова, Е. А. Нехайчик и др.);
- коммуникативные способности докторов (Л. Л. Алексеева, Л. А. Цветкова и др.);
- профессионально важные качества медицинских работников (В. А. Корзунин, В. Л. Марищук и др.), врачей (П. В. Безродная, И. И. Бенедиктов, А. П. Василькова, Л. А. Лещинский, Е. Б. Одерышева, Л. А. Цветкова и др.); динамика развития отдельных профессионально важных качеств на протяжении всей трудовой деятельности (В. А. Бодров, Е. А. Климов, Ю. П. Поваренков);
- поведение докторов (С. А. Лигер, А. А. Чазова и др.);
- профессиональная мотивация (М. Н. Демина, В. М. Зайцева и др.);
- синдром эмоционального выгорания у медицинского персонала (Г. С. Абрамова, Т. В. Большакова и др.);
- личность и профессиональная деятельность врача (В. А. Аверин, Л. Л. Алексеева, Б. Д. Карвасарский, В. А. Москалев, Т. И. Ронгинская, В. А. Храпик, Б. А. Ясько и др.);
- психологические аспекты врачебной деятельности (В. А. Ташлыков, В. А. Чулкова и др.);
- социально-психологические факторы успешности деятельности врача (И. П. Гурвич, И. Харди и др.);
- психологическое сопровождение деятельности медицинских работников (М. А. Дерюшева, Л. И. Иванова) [1–4; 6–8].

Вследствие этого возможно резюмировать объективно существующую дилемму, требующую изучения, которая в обобщенном виде заключается в необходимости выявления просоциального поведения, характеризующегося проявлением эмпатии, заботливости, альтруизма, соблюдением социальных норм, помогающей деятельностью, что считается приоритетным при реализации важных свойств личности медицинских работников.

Рассматривая просоциальность как качество, которое интегрирует профессиональную деятельность медицинских сотрудников, можно допустить, что она станет занимать важное место в этой деятельности, воздействуя на ее результативность, становясь разнообразнее. В связи с этим просоциальность можно расценивать как один из ключевых критериев профессиональной пригодности медиков.

Медицинским работникам, кроме специальных знаний и практических навыков, присущи и следующие профессионально важные качества: отзывчивость, внимательность, способность установить контакт с больным. Зачастую плохое физическое состояние пациента влияет и на психическое здоровье: больной становится вздорным и торопливым или мнительным, подавленным и недоверчивым. Довольно значимую роль в этом случае играют заботливое отношение медицинского работника, его умение выслушать, выразить сочувствие, дать нужный совет [4].

Профессионально важные качества медицинских работников также выражены во внимательности, опрятности, сострадании, хорошей памяти, коммуникабельности. Помимо того, существуют определенные требования к личностным особенностям подобных специалистов: тонкая зрительная, слуховая и тактильная восприимчивость, стремительная реакция, точная сенсомоторная координация, высокие концентрация и скорость переключения внимания, высокая эмоциональная устойчивость, общительность, чуткость. Медицинский работник должен обладать следующими личностными качествами, интересами и склонностями: терпеливость и выдержанность, доброжелательность, ответственность, аккуратность, деликатность, отзывчивость, внимательность, честность [8; 9].

Анализ психогрaмм позволяет сделать вывод о том, что основными профессионально важными качествами медицинских работников являются эмпатия, отзывчивость, альтруизм, ответственность, желание оказывать помощь, эти качества – структурные компоненты проявлений просоциальности. Однако исследований, в которых раскрываются такие особенности, на данный момент не выявлено.

Для изучения просоциальности в структуре профессионально важных качеств медицинских работников было проведено комплексное исследова-

ние, в котором приняли участие 307 медицинских работников (60 мужчин и 247 женщин; 167 – медицинских сестер и 140 врачей), из них 60 человек – сотрудники скорой помощи, 66 – работники больницы и 181 – работники поликлиники.

Так, методический инструментарий включал в себя следующие методики:

- «Измерение просоциальных тенденций» (Г. Карло, Б. А. Рэндалл, адаптация Н. В. Кухтовой) [9];
- «Психодиагностический тест» (В. М. Мельников, Л. Т. Ямпольский) [10];
- «Социально-психологические установки личности в мотивационно-потребностной сфере»;
- шкала А «Установки, направленные на “альтруизм-эгоизм”» (О. Ф. Потемкина) [6];
- шкала «Альтруизм» (Ф. Раштон, адаптация Н. В. Кухтовой) [11];
- «Межличностный индекс реактивности» (М. Девис, адаптация Н. В. Кухтовой) [12];
- «Социальные нормы просоциального поведения» (И. А. Фурманов, Н. В. Кухтова) [13];
- «Измерение показателей заботы» (М. Даниус, адаптация Н. В. Кухтовой) [14].

Массив полученных данных был обработан с помощью методов математической статистики в программах *Excel* и *SPSS 11,0* для *Windows*.

Были сделаны следующие анализы: сравнительно-сопоставительный, сравнительный (*T*-тест, критерий Краскала – Уолиса), регрессионный, качественный [15].

В качестве основы эмпирического исследования использовался регрессионный анализ для выделения компонентов просоциальных профессионально важных качеств медицинских сотрудников с последующим прогнозом их проявления. Так, данный анализ показал, что демонстрация просоциальности возможна при расторможенности, совестливости, психотизме, сензитивности, эмпатической заботе. Для прогнозирования просоциальности у медицинских работников существует следующее уравнение регрессии:

$$\text{ПП} = 8,968 + 0,548 \cdot X_{\text{Рс}} - 0,467 \cdot X_{\text{СВ}} + 0,103 \cdot X_{\text{Пс}} + 0,0928 \cdot X_{\text{Сен}} - 0,0944 \cdot X_{\text{Эз}},$$

где ПП – просоциальность; $X_{\text{Рс}}$ – расторможенность; $X_{\text{СВ}}$ – совестливость; $X_{\text{Пс}}$ – психотизм; $X_{\text{Сен}}$ – сензитивность; $X_{\text{Эз}}$ – эмпатическая забота.

Для просоциальных медицинских работников характерны вежливость, отсутствие грубых выражений в общении, сострадательность, доброта, сердечность, эмпатия, сочувствие, уступчивое и понимающее поведение, потребность в доверии, оказании помощи, признании со стороны окружающих, стремление к тесному сотрудничеству, дружелюбное отношение. Таким сотрудникам характерны порядочность, требовательность к себе и другим людям. Чаще всего просоциальные медицинские работники стремятся действовать в соот-

ветствии со своей честью и совестью, но возможны и отступления от общепринятых моральных норм, в некоторых случаях наблюдается повышенная напряженность и возбудимость. При этом медики чрезвычайно заботятся о своем личном престиже, болезненно реагируют на критику и замечания, порой не умеют или не желают сдерживать удовлетворение своих желаний. Ярко выражено у просоциальных медицинских работников влечение к острым эмоциональным переживаниям. Такие сотрудники разговорчивы, раскованы, живо откликаются на любые происходящие события. Выражая эмпатическую заботу, просоциальные медики не всегда испытывают чувства теплоты, могут демонстрировать негативные эмоциональные реакции на неудачу и проблемное состояние другого человека.

Дополнительный сравнительный анализ (*T*-тест) показателей просоциальности позволяет судить о том, что медицинские сестры отличаются от врачей по переменным «сострадание» и «личностный дистресс». При этом и сострадание, и личностный дистресс присущи в большей степени медицинским сестрам, нежели врачам (достоверные различия установлены при $p \leq 0,01$). Это свидетельствует о том, что врачи проявляют большую, чем медицинские сестры, вежливость, эмпатию, сочувствие, правдивость, доверчивость, искренность, добросовестность. В свою очередь, у медицинских сестер в большей степени (нежели у врачей) выражено сострадание, чувство неловкости и дискомфорта при реакции на эмоции пациентов в ситуациях оказания помощи, что чаще всего вызывает раздражение, тревогу, беспокойство, возникающие в связи со страданиями и переживаниями другого.

В том числе следует отметить, что трудовая деятельность способствует не только развитию определенных качеств, но и формированию профессиональных свойств личности, которые взаимосвязаны с особенностями профессии. Для врача больницы чрезмерная эмоциональная вовлеченность, жалость, эмпатическое сопереживание могут оказать отрицательное воздействие на результативность деятельности. Спокойствие и невозмутимость скорее будут способствовать поддержанию бодрости духа пациента, что является одной из главных задач деятельности врача в поликлинике. Как отмечает Б. А. Ясько, на первом месте в структуре требований, предъявляемых к профессионально важным качествам врача-терапевта, стоит сострадание, а затем уже добросовестность, аккуратность, забота, коммуникативность, большой объем долговременной памяти. Кроме того, важны и такие психологические качества, как сохранение высокой работоспособности в монотонных и однообразных условиях, умение быстро записывать, хорощая дикция [16].

Для определения специфики проявления просоциальности медицинских работников в зависимости от места работы был проведен сравнительный анализ (критерий Краскалла – Уолиса), в результате которого можно судить о характере и особенностях просоциальных качеств. В соответствии с полученными данными (достоверные различия установлены при $p \leq 0,01$) можно констатировать следующее:

- у медицинских работников скорой помощи наиболее выражены показатели расторможенности, просоциальности, интроверсии, сензитивности;

- медицинским работникам поликлиники свойственны альтруизм, невротизм, общительность, эстетическая впечатлительность, женственность, социальная ответственность, норма справедливости, сострадание, эмпатия, эмпатическая забота, личностный дистресс.

Так, на основе теоретико-эмпирического анализа уточнены показатели просоциальности в структуре профессионально важных качеств медицинских работников, состоящих из следующих компонентов:

- *социальные нормы просоциальности*: нормы социальной ответственности, справедливости, затраты-вознаграждения [13];

- *эмпатия*: сострадание, децентрация, эмпатическая забота, личностный дистресс [17];

- *альтруистическая направленность* [6; 11];

- *личностные особенности*: совестливость, сензитивность, общительность [10].

Таким образом, структурные элементы профессионально важных качеств медицинских работников являются компонентами просоциальности, которые включают в себя альтруизм, эмпатию, со-

чувствие, совестливость, соблюдение социальных норм (взаимность, ответственность, справедливость, затраты-вознаграждения). В результате проведенного эмпирического исследования были описаны различия в демонстрации просоциальности представителей медицины, позволяющие выработать дифференцированные подходы и рекомендации по формированию необходимого уровня просоциальности и профессионализма сотрудников. Расширение знаний о просоциальности как о профессионально важном качестве и внедрение этих знаний в практическую деятельность даст возможность преодолеть излишнюю диагностику и увеличить качество медицинского обслуживания.

Следует отметить, что теоретическая значимость исследования заключается в развитии представлений об особенностях просоциальности и ее компонентов у медицинских работников и эффективности деятельности в соответствии со спецификой оказания врачебной поддержки (местом работы). Полученные данные уточняют теоретические представления о месте просоциальности в структуре профессионально важных качеств медицинских работников, показывают диапазон просоциальности у врачей и медицинских сестер.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения полученных результатов для создания моделей профессионального отбора и аттестации медицинских работников, что частично решает проблему прогнозирования их профессиональной успешности. Результаты исследования могут быть использованы при составлении практических рекомендаций медицинским работникам для дальнейшего совершенствования и определения их профессиональной пригодности.

Библиографические ссылки

1. Зеер ЭФ. *Психология профессий*. Москва, Екатеринбург: Академический Проект, Деловая книга; 2003. 336 с.
2. Яркина ОС. *Субъектность как психолого-акмеологическое условие личностно- профессионального развития врача* [автореферат диссертации]. Тамбов: [б. и.]; 2009. 24 с.
3. Бодров ВА, Сыркин ЛД. Диагностика и прогнозирование профессиональной мотивации в процессе психологического отбора. *Психологический журнал*. 2003;1:73.
4. Богачева ОЮ. *Эмпатия как профессионально важное качество врача (на примере врачей-терапевтов и врачей-хирургов)* [автореферат диссертации]. Ярославль: [б. и.]; 2014. 27 с.
5. Шамякин ИП, редактор. *2000 профессий, специальностей, должностей* [энциклопедический справочник]. Минск: Белорусская советская энциклопедия им. П. Бровки; 1986. 459 с.
6. Ильин ЕП. *Психология помощи. Альтруизм, эгоизм, эмпатия*. Санкт-Петербург: Питер; 2013. 304 с.
7. Карпов АВ. Понятие профессионально важных качеств деятельности. В: Карпов АВ, редактор. *Психология труда*. Москва: ВЛАДОС-ПРЕСС; 2003. 352 с.
8. Клищевская МВ, Солнцева ГН. Профессионально важные качества как необходимые и достаточные условия прогнозирования успешности деятельности. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. 1999;4:61–66.
9. Кухтова НВ. Адаптация методики «Измерение просоциальных тенденций» (Г. Карло, Б. А. Рэндалл). *Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія*. 2011;2(113):102–107.
10. Мельников ВМ, Ямпольский ЛТ. *Введение в экспериментальную психологию личности*. Москва: Просвещение; 1985. 319 с.
11. Кухтова НВ. Адаптация шкалы «Альтруизма» (Ф. Раштона). *Зборнік навуковых прац Акадэміі насяддывадыпломнай адукацыі*. 2011;9:148–159.
12. Кухтова НВ. Адаптация методики «Межличностный индекс реактивности» (М. Дэвис). *Научные труды Республиканского института высшей школы*. 2011;11(2):211–218.

13. Кухтова НВ. Социальные нормы просоциального поведения. *Вестник Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія*. 2015;1:138–147.
14. Кухтова НВ. Помогающее поведения, связанное с проявлением заботы: адаптация методики «Измерение показателей заботы». *Психологический журнал*. 2012;3–4(33–34):109–116.
15. Наследов АД. *Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных*. Санкт-Петербург: Речь; 2006. 392 с.
16. Ясько БА, Остроушко МГ. Врач как субъект управленческой деятельности: психологический анализ личностных ресурсов управленческой компетентности. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3. Педагогика и психология*. 2016;1(173):124–131.
17. Карягина ТД, Кухтова НВ. Тест эмпатии М. Дэвиса: адаптация в межкультурном контексте. *Консультативная психология и психотерапия*. 2016;24(4):33–62.

References

1. Zeer EF. *Psichologiya professiy* [Psychology of professions]. Moscow, Ekaterinburg: Akademicheskii Proekt; Delovaya kniga; 2003. 336 p. Russian.
2. Yarkina OS. *Sub'ektnost kak psihologo-akmeologicheskoe uslovie lichnostno- professionalnogo razvitiya vracha* [Subjectivity as a psychological and akmeologic condition of personal-professional development of a doctor] [dissertation abstract]. Tambov: [publisher unknown]; 2009. 24 p. Russian.
3. Bodrov VA, Syrkin LD. Diagnostics and forecast of professional motivation in psychological selection. *Psichologicheskii zhurnal* [Journal of psychology]. 2003;1:73. Russian.
4. Bogacheva OYu. *Empatiya kak professionalno vazhnoe kachestvo vracha (na primere vrachey-terapevtov i vrachey-hirurgov)* [Empathy as a professionally important quality of the doctor (on the example of medical therapists and surgeons)] [dissertation abstract]. Yaroslavl: [publisher unknown]; 2014. 27 p. Russian.
5. Shamyakin IP, editor. *2000 professiy, spetsialnostey, dolzhnostey: entsiklopedicheskii spravochnik* [2000 professions, specialties, positions] [encyclopedic reference book]. Minsk: Belorusskaya sovetskaya entsiklopediya im. P. Brovki; 1986. 459 p. Russian.
6. Il'in EP. *Psichologiya pomoschi. Altruizm, egoizm, empatiya* [Psychology of help. Altruism, selfishness, empathy]. Saint Petersburg: Piter; 2013. 304 p. Russian.
7. Karpov AV. *Ponyatie professionalno vazhnykh kachestv deyatel'nosti* [The concept of professionally important qualities of activity]. In: Karov AV, editor. *Psichologiya truda* [Work psychology]. Moscow: VLADOS-PRESS; 2003. 352 p. Russian.
8. Klischevskaya MV, Solntseva GN. *Professionalno vazhnyye kachestva kak neobhodimyie i dostatochnyye usloviya prognozirovaniya uspekhov deyatel'nosti* [Professionally important qualities as necessary and sufficient conditions for predicting the success of activities]. *Moscow university psychology bulletin*. 1999;4:61–66. Russian.
9. Kukhtova NV. *Adaptatsiya metodiki «Izmerenie prosotsialnykh tendentsiy» (G. Karlo, B.A. Rendall)* [The adaptation of technique «Prosocial tendencies measure» (Carlo and Randall)]. *Vestnik Grodzenskaga dzhazhawnaga wniwersitjeta imja Janki Kupaly. Seriya 3. Filalogija. Pedagogika. Psichalogija* [Vestnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 3. Philology. Pedagogy. Psychology]. 2011;2(113):102–107. Russian.
10. Melnikov VM, Yampolskiy LT. *Vvedenie v eksperimental'nuyu psichologiyu lichnosti* [Introduction to experimental personality psychology]. Moscow: Prosveschenie; 1985. 319 p. Russian.
11. Kukhtova NV. *Adaptatsiya shkaly «Altruizma» (F. Rashtona)* [The adaptation Altruism scale (F. Rushton)]. *Zbornik navukovykh prats Akademii paslyadyplomnay adukatsyyi* [Collection of sciences works of Academy of Postgraduate Education]. 2011;9:148–159. Russian.
12. Kukhtova NV. *Adaptatsiya metodiki «Mezhlichnostnyy indeks reaktivnosti» (M. Devis)* [The adaptation of technique «Interpersonal Reactivity Index» (M. H. Davis)]. *Nauchnyye trudyi Respublikanskogo instituta vysshey shkolyi*. 2011;11(2):211–218. Russian.
13. Kukhtova NV. *Social Norms of Prosocial Behavior*. *Vestnik of Brest University. Series 3. Philology. Pedagogics. Psychology*. 2015;1:138–147. Russian.
14. Kukhtova NV. *Helping behavior connected with display of care: the adaptation of a foreign technique «Instrumental caring inventory»*. *Psichologicheskii zhurnal* [Journal of psychology]. 2012;3–4(33–34):109–116. Russian.
15. Nasledov AD. *Matematicheskie metody psichologicheskogo issledovaniya. Analiz i interpretatsiya dannykh* [Mathematical methods of psychological research. Analysis and interpretation of data]. Saint Petersburg: Rech; 2006. 392 p. Russian.
16. Yas'ko BA, Ostroushko MG. *Doctor as subject of human resource management: psychological analysis of personnel resources of managerial competence*. *The Bulletin of the Adyge State University. Series Pedagogy and Psychology*. 2016;1(173):124–131. Russian.
17. Karyagina TD, Kukhtova NV. *M. Davis Empathy test: content validity and adaptation in cross-cultural context*. *Counseling Psychology and Psychotherapy*. 2016;24:33–62. Russian.

МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

METHODS OF PSYCHOLOGICAL RESEARCH

УДК 159.9.016.5

ВЕРБАЛЬНЫЕ ПРАВИЛА И СЛЕДОВАНИЕ ИМ: К ПРОБЛЕМЕ СРЕДОВОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ БИХЕВИОРИЗМЕ

В. Н. СЕРГЕЕВ¹⁾

¹⁾ Университет гражданской защиты МЧС Беларуси,
ул. Машиностроителей, 25, 220118, г. Минск, Беларусь

Рассматривается проблема поведения в контексте такой отрасли, как радикальный бихевиоризм. Исследуются требования, предъявляемые к дефиниции (объективизм, функционализм), специфика исследования поведения в данном течении, модель его детерминации и другие вопросы. Описана формула оперантного поведения, проанализированы переменные. Особое внимание уделяется специфике взаимоотношений переменных и, в частности, понятию «контингенция». Раскрывается ряд методологических установок по проблеме радикального бихевиоризма (язык как активность, которая управляется законами поведения). Высокий интерес вызывает таксономия вербального поведения, в частности, различение поведения, управляемого условиями подкрепления, и поведения, управляемого правилами. Анализируется проблема достаточности концептуального аппарата радикального бихевиоризма для экспликации данных типов. Подчеркивается функциональная роль правила в формуле оперантного поведения, упоминается сложность идентификации управляемого правилами поведения в череде других поведенческих актов. Важное значение придается анализу природы правил.

Ключевые слова: средовая детерминация поведения; вербальное поведение; управляемое правилами поведение; управляемое условиями поведение; бихевиоризм; социальный контроль.

Образец цитирования:

Сергеев В.Н. Вербальные правила и следование им: к проблеме средовой детерминации поведения в современном бихевиоризме. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2018;3:83–94.

For citation:

Sergeev VN. Verbal rules and rule-following: to the problem of environmental determination of behavior in modern behaviorism. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2018;3:83–94. Russian.

Автор:

Всеволод Николаевич Сергеев – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры гуманитарных наук.

Author:

Vsevolod N. Sergeev, PhD (history), docent; associate professor at the department of humanities.
v.n.sergeev@gmail.com

VERBAL RULES AND RULE-FOLLOWING: TO THE PROBLEM OF ENVIRONMENTAL DETERMINATION OF BEHAVIOR IN MODERN BEHAVIORISM

V. N. SERGEEV^a

^aUniversity of Civil Protection of the Ministry for Emergency Situations of the Republic of Belarus,
25 Mašinabudaŭnikoŭ Street, Minsk 220118, Belarus

The article is dedicated to the problem of behavior which is shown in such a field of behavior sciences as behaviorology. Inquiries presented to the definition (objectivity, functionalism), the specificity of behavior research, the pattern of its determination and other issues are discussed. The formula of operational behavior is described, the variables are analyzed. A lot of attention is paid to specificity of variables correlation and namely to the concept of contingency. The main part tells about the number of methodological affirmations of radical behaviorism on the topic of verbal-governed behavior. The main attention is paid to taxonomy of verbal behavior namely including contingency-governed behavior and rule-governed behavior. There is a conceptual instrument completeness problem of radical behaviorism for explicating these types. It is indicated the functional role of the rule in the type of operation behavior. Moreover, it is mentioned the complexity of rule-governed behavior identification in the line of other behavior acts. The analysis of rule essence is paid a lot of attention to.

Key words: environmental determination of behavior; verbal behavior; rule-governed behavior; contingency-governed behavior; behaviorism; social control.

Введение

Среди ключевых направлений западной психологии особое место традиционно занимает бихевиоризм, который определяется как научный подход, ограничивающий психологическое исследование наблюдаемым и/или измеряемым поведением, а совокупность его прикладных течений (поведенческий анализ, экспериментальный анализ и т. п.) трактуется как «область психологии, сфокусированная на средовых детерминантах научения и поведения» [1].

При этом сама поведенческая психология отнюдь не демонстрирует гомогенности концептуальных установок, что вынуждает исследователей использовать термин «бихевиоризм» во множественном числе [2]. Если все же пытаться провести некую демаркационную линию между современными бихевиоральными подходами, которые заняты проблемами человеческого поведения, оставив при этом за рамками сконцентрированные на поведении животных направления, а также смежные с нейронауками исследования, то можно условно выделить два фундаментальных течения. К первому относится набор в основном прикладных кон-

цепций когнитивного бихевиоризма (теория социального научения, социально-когнитивная теория, различные версии когнитивно-поведенческой терапии и т. п.), ко второму – различные версии так называемой бихевиорологии [3, с. 12], включающей в себя те версии поведенческой психологии, которые более консервативно продолжают развивать методологические принципы радикального бихевиоризма Б. Ф. Скиннера, например многочисленные модификации экспериментального анализа поведения (Э. Варгас, А. Катанья, З. Гленн, У. Баум и др.), так называемая теория реляционных фреймов (С. Хайес, Д. Барнс-Холмс и др.), прикладной анализ поведения и др.

В рамках вопроса, вынесенного в заголовок настоящей публикации, интерес будет сосредоточен на втором из указанных течений, для чего следует сначала обозначить ряд методологических принципов, составляющих его концептуальное ядро (независимо от версий). Далее следует рассмотреть ряд более прикладных аспектов, объединенных вокруг проблемы создания правил поведения и следования им.

Концептуальное ядро бихевиорологии

Экстернализм в локализации предмета. Все рассматриваемые течения можно отнести к числу так называемых нементалистских версий бихевиоризма [4, с. 19]. Согласно исследованию У. О’Донахью и Р. Китченера, все виды бихевиоризмов (в рамках данной исследовательской программы) возникают из необходимости избежать «научно неприемлемых когнитивных конструкторов»,

и в случае необходимости должны «переводить менталистские установки в установки, относящиеся только к поведению и другим наблюдаемым событиям»¹ [2, р. 4]. При этом современная бихевиорология не столько избегает (т. е. отказывает) «менталистских» феноменов (мышление, мотивация, эмоции и т. п.), сколько предпочитает искать иные способы их операционализации².

¹Здесь и далее перевод наш. – В. С.

²Иные течения бихевиоризма как раз не признавали научную значимость таких феноменов.

Подобная исследовательская позиция может, вслед за Ф. Лаццери и рядом других исследователей, быть названа «строгим поведенческим экстернализмом» (*behavioral strong externalism*) [5]. Сопоставляя ее с противоположной, интерналистской, позицией автор фиксирует отличия применительно к двум основным положениям: «требованию локализации» (*Location Claim*) и «требованию обладания» (*Possession Claim*). В требовании локализации речь идет о «размещении» того или иного психологического феномена внутри, (интернализм) или вне (экстернализм) субъективного пространства, внутреннего мира. В требовании обладания (его Ф. Лаццери считает более важным) обладание психологическим феноменом (свойство принадлежит субъекту, который способен этим свойством в некоторой степени управлять) с точки зрения экстерналиста если и возможно, то лишь в той степени, в которой средовые изменения не способны на этот феномен повлиять. Соответственно, значительное число свойств может быть описано поведенческой терминологией и изучено с экстерналистских позиций без ущерба для достоверности исследования [5]. Тем более, если речь идет о внутренней причинности: ей противопоставляется подход к поведению как закономерно (англ. *lawfully*) связанному со средой [2, р. 4], с учетом чего и следует выявлять каузальные связи.

Материализм и индуктивизм в стратегии построения знания. Термин «радикальный бихевиоризм», до сих пор применяемый для обозначения рассматриваемого подхода (начиная с Б. Ф. Скиннера, которому термин принадлежал), во многом утрачивает свою актуальность из-за различных искажающих изначальный смысл коннотаций. Само название в современных реалиях не может быть понято правильно, поскольку обозначение «радикальный» указывает вовсе не на отличие данного подхода от когнитивных и «менталистских» подходов, а на противопоставление так называемому методологическому бихевиоризму, который вслед за Дж. Б. Уотсоном призывал вообще игнорировать все интрапсихическое как ненаблюдаемое. С учетом того, что методологический бихевиоризм в настоящее время уже практически сошел со сцены, различие этих двух взглядов уже не является столь необходимым. Корректнее будет утверждать, что в основе научной философии лежит та совокупность положений, которые Дж. Ульман назвал «бихевиоральным материализмом» [3, с. 12; 6], сводящимся в конечном итоге к поиску сугубо материальных причин и закономерностей, лежащих в основе поведения.

В совокупности с упомянутыми экстерналистскими установками материализм предопределяет исследовательскую стратегию – индуктивно-дедуктивный подход в построении теории [6, с. 38],

предельно строгое построение эксперимента, постепенный количественный прирост данных. Последнее выразилось в том, что, как подчеркнул Т. Лихи, «они (бихевиористы. – В. С.) не столько проверяли гипотезы, сколько... шаг за шагом расширяли экспериментальный анализ поведения на новые области» [7, с. 304].

Подобная объяснительная система, отмечает М. Кьеца, «сфокусирована на связях между поведением человека... набором условий поведения и его последствиями, т. е. поведении в его контексте. <...> Люди, представленные в этой системе как неделимое целое, активны в своей среде и интерактивны с ней, изменяют контекст и сами изменяются контекстом и последствиями своего поведения...» [8, р. 1298].

Поведение как активность. Базовым в бихевиорологии является, разумеется, концепт «поведение». В разных течениях психологии существует широкий спектр во многом схожих определений поведения. В «Словаре психологии» Э. Колмана поведение трактуется в себя как физическая активность организма, включающая как явные телодвижения, так и внутренние физиологические процессы, составляющие сумму физических реакций организма в его среде [9].

Схожее понимание демонстрирует и Б. Ф. Скиннер: «поведение есть согласованная, непрерывная активность целостного организма» [10, с. 136]. Однако в этом случае общее понимание поведения дополняется рядом специфичных требований. Рассмотрим каждое из них.

Объективизм. Он подразумевает наблюдаемость, измеримость, операциональность (т. е. наблюдаемость и измеряемость входящих признаков) поведения.

Биологическая фундированность. Является еще одним критерием научности [11, р. 177]. Без данного условия экспериментальный анализ поведения не смог бы полноценно оперировать законами поведения и рядом терминов (например, «депривация»).

Функционализм. Выражается данное требование в максимальной приложимости определения к конкретным экспериментальным исследованиям принципов научения и контроля поведения. В идеальном определении не должно быть отсылок к тем параметрам, которыми в данной конкретной ситуации (либо в принципе) управлять нельзя (например, ментальные состояния, некие логические предпосылки и т. п.). Характерными с этой точки зрения являются более прикладные, функциональные трактовки поведения, которое может, например, определяться как «...любая активность организма, которая чувствительна к принципам поведения, открытым в контролируемых лабораторных условиях, а именно к павловскому и опе-

рантному обусловливанию, привыканию, сенсбилизации, генерализации, дискриминации и т. д.» [12, с. 101–102].

Эмиссия поведения. В совокупности с указанными выше принципами функционализм также означает исключение из анализа различного рода «иницирующих агентов», т. е. ненаблюдаемых инстанций, которые ведут себя определенным образом («личность», «субъект» и т. п.)³. Согласно функционалистской концепции поведение не вызывается каким-либо фактором, а эмитируется (*emitting*) организмом (от лат. *emissio* – испускание, излучение) [10, с. 125] в результате стимуляции. Несмотря на то что в данном подходе отсутствуют инварианты, предшествующие конкретному акту поведения (как ненаблюдаемые, интрапсихические и т. п.), поведение тем не менее проявляется, или подразумевается, что оно проявляется, в некотором смысле само по себе (драйвер в самом поведении). Термин «эмиссия» указывает и на иной тип контроля поведения, который принадлежит не предшествующим стимулам, а последующим (оперантное обусловливание) [13, р. 235].

Контроль последствиями. Согласно сформулированной еще Б. Ф. Скиннером идее, классическое, павловское, респондентное обусловливание ($S \rightarrow R$) характеризует физиологические, организменные процессы. Однако во всем многообразии человеческого поведения, в том числе не имеющего выраженной филогенетической значимости, действуют иные закономерности. Речь идет о так называемом оперантном обусловливании. Б. Ф. Скиннер говорит о том, что «нельзя предсказать и проконтролировать поведение, которое уже произошло. Можно предсказать похожие реакции в будущем. Единицей анализа становится не реакция, а класс реакций» (в контексте их возможных последствий. – В. С.) [10, с. 25]. В связи с этим вместо классической формулы $S \rightarrow R$ применяется формула обусловливания по последствиям (оперантного обусловливания) $R \rightarrow S$, которая обозначает «базовое двухчленное... отношение происходящего в настоящее время класса действий и последующего класса стимулов» [14, с. 59]. При этом $R \rightarrow S$ и есть оперант.

Дискриминация. В этом случае рабочая формула, которой оперирует направление, дополняется третьей переменной – так называемым дискриминативным (предшествующим) стимулом, без которого формула не может быть полной [15, с. 26]. В таком случае формула символически представля-

ется следующим образом: $SD \rightarrow R \rightarrow Sreinif$, где SD – дискриминативный стимул (антецедент), а $Sreinif$ – подкрепляющий (*reinforcer*) стимул (постцедент, консеквент). Дискриминативный стимул либо инициирует поведение в принципе, либо выполняет функцию подсказки, т. е. помогает определиться с тем, какое именно поведение уместнее с точки зрения последствий. Именно наличие данного элемента позволяет избежать трактовки эмитированного поведения как спонтанного (проявления ни с чем не связанной активности) [13, р. 235];

Контингентность и селекционизм. Принципы оперантного обусловливания оставляют открытым вопрос о локализации каузальных связей потому, что они парадоксальным образом не предшествуют поведению (как в классическом павловском обусловливании), а следуют за ним. С учетом методологической установки на то, что деление на четкие поведенческие акты есть, скорее, привнесенная извне конструкция наблюдателя, пусть и часто необходимая, можно поставить под вопрос саму возможность научения, модификации поведения и его предсказания.

Проблема решается путем некоторой корректировки исследовательской оптики. Разумеется, «нельзя предсказать и проконтролировать реакцию, которая уже произошла... можно предсказать похожие реакции в будущем» [10, с. 25], поэтому важно, что «оперантное подкрепление усиливает вероятность повторения» такой реакции [10, с. 101]. Объектом воздействия посредством контроля подкреплений выступает увеличение вероятности появления реакции того же класса в будущем⁴.

Сами условия и контекст подкрепления (т. е. SD и $Sreinif$) характеризуются при помощи весьма популярного термина «контингентность»⁵. При этом контингентность означает особый тип связи между переменными (или событиями), при которой одна из них влияет на вероятность другой [16, р. 132]. Применительно к трехчленной формуле поведения это означает, например, что «дискриминативные стимулы никогда не увеличивают вероятность (получения. – В. С.) соответствующих ответов вообще, они только уменьшают вероятность (получения. – В. С.) несоответствующих ответов (и в этом смысле выступают заменой понятия “ожидание”)... и имеют каузальный эффект не по отношению к реакциям, а по отношению к связи между реакцией и подкреплением» [17, р. 230]. Важность этого усиливается тем фактом, что с точки зрения неко-

³ Следует все же подчеркнуть, что личность в бихевиоризме отсутствует не «вообще» (в онтологическом смысле), а существует, скорее, как целое, источник поведения и не может наблюдаться непосредственно, т. е. в этом смысле для исследования непригодна. Если же, например, испытуемый отказывается от каких-либо действий, потому что они, скажем, противоречат его личностным принципам, то отказ с отсылкой к личности – это уже поведение.

⁴ Данный факт делает оперантное научение более сложным, поскольку речь идет не о замещении стимула до требуемого поведения, а об учете вероятности последствий и селекции требуемого поведения из всех возможных реакций.

⁵ Хорошие пояснения сущности термина приведены в подстрочных примечаниях статьи Э. Варгас «Вербальное поведение» Б. Ф. Скиннера: введение», которая была опубликована во 2-м выпуске «Вестника НГУ. Серия: Психология» 2010 г.

торых авторов анализ поведения (во всяком случае современный) занимается отнюдь не научением как таковым. Его предмет – это, скорее, «отношение, связь между поведением и контекстом, в котором оно происходит» [18, р. 217].

Генерализация. «Гибкая» экстерналиная причинность позволяет объяснить и механизм структурирования поведения (формирования сколь угодно протяженных логически связанных цепочек поведения), которое осуществляется путем селекции потенциальных реакций на данные (контингент-

ные) условия за счет повышения вероятности одного класса поведения в противовес другим классам. Это происходит в том числе за счет генерализации подкрепляющих стимулов, т. е. если «...подкрепитель был связан с подкрепителями, которые соответствуют многим состояниям, возрастает вероятность того, что в будущем возникнет по меньшей мере одно из этих состояний» [10, с. 90] (указанное, например, расширяет адаптивные возможности на случай деприваций, т. е. возможностей реагировать существует гораздо больше).

Что такое поведенческое правило?

Вербальное поведение и четвертая переменная формулы. Говорить о поведенческих правилах стало возможным лишь в контексте развития концепции вербального поведения, социального по природе (пусть и в функциональном прочтении). Б. Ф. Скиннер определял его как «поведение, подкрепляемое при посредничестве других людей» [19, с. 107] или, более функционалистски, «как любое поведение со стороны говорящего, подкрепляемое посредством их слушателя (ориг. *through the mediation of a listener*. – В. С.)» [20, р. 9]. Такой посредник вводится в качестве четвертой переменной формулы, что оказывает серьезное влияние на динамические свойства поведения [21, с. 239–240]. Тот факт, что в функциональном анализе говорящий (спикер) – это прежде всего переменная, указывает на то, что такой анализ не подразумевает обязательного реального, телесного, представления спикера. Однако физическое отсутствие посредника рано или поздно негативно скажется на вероятности повторения вербального поведения и эффективности научения [21, с. 86].

Вербальное поведение, встраиваясь в приведенную выше трехчленную формулу, имеет ряд специфических особенностей.

Во-первых, способность к вербальному поведению демонстрируют лишь те испытуемые (вербальные организмы в терминологии С. Хайеса и его коллег), которые способны понять устанавливаемые вербально (т. е. в лингвистических ситуациях) связи⁶. При этом вербальные события двунаправлены (подразумевают произвольность связи слова с обозначаемым), конвенциональны и основаны на производных от научения функциях (в том смысле, что событие, представленное вербально, производит иной эффект, нежели то же самое событие, стимулирующее непосредственно) [22, р. 175].

Во-вторых, в отличие от невербальных, вербальные события могут одновременно выступать и как

стимул, и как реакция, а также в определенных контекстах могут делать эквивалентными вербальные реакции и невербальные события (например, слово «стоп» и красный сигнал светофора) [23].

В-третьих, вербальное поведение вносит лепту в расширение стимульных функций, поскольку «...обычно вербальное поведение является следствием множества причин. Отдельные переменные сочетаются, расширяя свое функциональное управление поведением, а из сочетания старых фрагментов поведения возникают его новые формы» [19, с. 116]. Иными словами, вербальное поведение может собирать воедино множество потенциальных средовых стимулов, не действующих совместно при прочих условиях.

Наконец, вербальное поведение способствует структурированию реакций организма и «трансферу» опыта: поведение человека, формирующееся на протяжении длительного времени (в том числе случайно), может быть генерализовано при помощи вербальных инструкций и «...стать источником контроля за вербально управляемым поведением множества других людей» [24, р. 10].

Правило как дискриминативный стимул. В бихевиоральном подходе термин «правило» трактуется прежде всего как «вербальное описание условий поведения» [25, р. 273] в виде инструкций, приказов, советов и т. п. Далее оно уточняется в функциональном ключе, т. е. с точки зрения того места, которое оно занимает в трехчленной формуле. В этом вопросе наблюдается относительное единодушие большинства исследователей. С учетом вероятностных взаимоотношений переменных и ориентирующей роли дискриминативного стимула правило прежде всего исполняет функцию antecedenta (*SD*), «задающего поведение и определяющего последствия» [26, с. 142].

Причем в контексте всего сказанного выше задача правила, как и любого дискриминативного

⁶Что характерно, в теоретических работах сторонников бихевиорологии сложно встретить детальное пояснение того, что понимается под вербальностью и насколько последняя связана именно с языком. Из контекста можно предположить, что под этот термин подходит и вербальное, и невербальное поведение (в максимально широком смысле слова), однако функционалисты стараются лишней раз это не уточнять. Возможно, потому что попытки детализации потребовали бы указания на использование различных знаковых систем, которые бы пришлось определять дополнительно. Однако в таком случае был бы высок риск нарушения экстерналистских принципов.

стимула, заключается в повышении вероятности появления некоторой реакции [27, р. 87]. Однако дискриминации стимула самой по себе (вербальной) недостаточно для того, чтобы правило также стало вербальным, для этого требуются дополнительные факторы.

Социальность правила. Именно вербальное поведение позволяет более четко указать на источник стимульного контроля в случае работы правил. С функциональной точки зрения это подразумевает, что инструктирование как дискриминативный стимул и контроль исполнения производятся говорящим в адрес «слушателя».

Однако при этом социальность и опосредованность правил и следования им не трактуется в «менталистском» смысле. В бихевиористской методологии, как было отмечено выше, не принимаются идеи обладания, в том числе обладания правилом за счет когнитивной интернализации правила в том смысле, что оно хранится во внутренней «книге правил» (англ. *rulebook*), к которой субъект может обратиться в любой момент. Если бы такое обращение было некорректным, то можно было бы говорить о том, что правило отсутствует в поведении в тот момент, когда оно нужно [28, р. 152]. Экстерналистская позиция, построенная на сугубо функциональном прочтении говорящего и слушателя, сфокусирована на следовании правилу как реакции на стимул⁷.

Контекстуальность правила. Как уже было указано выше, в случае с правилами говорящий не только участвует в предоставлении инструкции, поскольку поведение с участием правила «включает в себя представление инструкции, реакцию, вызванную инструкцией и последствия, предоставленные инструкциональным агентом в зависимости от ее соблюдения» [29, р. 260]. В этом смысле «будучи дискриминативным стимулом правило эффективно как раз за счет перечня условий подкрепления» [30, р. 146].

Таким образом, правило появляется только там, где говорящий как бы дважды повышает вероятность требуемого поведения: путем дискриминации стимула и при помощи своего рода анонса последствий, или иначе, когда говорящий предлагает слушателю свою версию *SD* и *Srein*, в них слушателю следует добавить подходящую реакцию (*R*). Если слушатель действует по-другому – правило не работает: «...мы не смогли бы назвать дискриминативный стимул правилом, если бы он не производил поведенческого эффекта на слушателя» [31, р. 50]. Однако в этом случае необходимо уточнить, что такой эффект должен быть именно близок к требуемому, самого возникновения пове-

дения (любого) в ответ на вербальный стимул недостаточно.

В этом смысле правило можно назвать своего рода *вербальной имитацией классического обусловливания*, поскольку в предшествующем поведению стимуле (*SD*) содержится и вербальный суррогат условного подкрепителя.

Вербальное указание на последствия в правиле призвано не только повысить вероятность требуемого поведения, но и ускорить его выполнение за счет снижения *поведенческой чувствительности* (англ. *behavior sensitivity*) к иным видам стимуляции [29, р. 260; 32, р. 29; 33, р. 642]. Последний эффект может напрямую зависеть от ряда факторов: подкрепляется ли следование правилу немедленно или с отсрочкой (более диффузные временные рамки делают правило более устойчивым) [32, р. 30], насколько конкретно они сформулированы (чем меньше конкретность, тем выше вероятность вариативности поведения), какова история следования подобным правилам [33, р. 642] и т. п. Наконец, важно подчеркнуть, что научение правилам протекает значительно быстрее, чем формируется поведение, описанное в этих правилах (они опережают описываемые обстоятельства), правила облегчают выбор поведения в схожих условиях подкрепления. Правила особенно полезны тогда, когда условия сложны или неопределенны.

Два типа стимульного контроля. Учет описанной выше специфики правил позволил сформулировать положение о двух функциональных типах поведения:

1) поведение, управляемое условиями подкрепления (англ. *contingency-governed behavior, contingency-shaped behavior*);

2) поведение, управляемое правилами (англ. *rule-governed behavior*), в котором «условия, производными от которых являются правила, могут не влиять на нас напрямую» [30, р. 128].

Критерием различия выступает не топография, а источник контроля поведения: в первом случае он вытекает из условий подкрепления, а во втором – из описания условий подкрепления. Разумеется, «само по себе следование правилу должно возникать из условий подкрепления» [34, р. 347], которые используются говорящим как условно-специфический стимул. Правила – производные от условий, они существуют в форме предписаний или описаний, указывающих на поводы, реакции и последствия [30, р. 148], при этом наличие правила не «разрывает» контакт организма с (невербальной) средой [35, р. 38]. Такое поведение будет «чувствительно к последствиям (поведения) только в той степени, в которой правила соответствуют этим

⁷Прочтение социальности в данном случае столь же функционалистское: это не группа людей, а вербальное сообщество, стоящее за спикером и делающее возможным применение определенных способов стимуляции, а также ее различение слушателем.

последствиям» [36, р. 120]. Тем самым «правило увязывает один или более дискриминативных стимулов, связанные виды активности и релевантные последствия независимо от иных многочисленных событий, которые могут произойти в интервале между любыми двумя элементами» [37, р. 700–701].

Идентификация управляемого правилами поведения, с точки зрения А. Катанья, возможна тогда, когда оба обозначенных типа контроля (контроля правилами и контроля условиями) не присутствуют одновременно [36, р. 121]. Формально нет необходимости в правиле, если поведение в равной степени контролируется условиями (человек делает нечто и без инструкции). Развивая мысль подчеркнем, что в условиях ежемоментного наличия в среде большого числа потенциальных подкрепителей может быть непросто доказать факт присутствия именно инструктивного контроля. Так, например, затруднительно выяснить, остановился человек, потому что услышал команду или по иной причине (вероятно, один из способов проверки – выявление «перераспределения» поведенческой чувствительности от условий подкрепления к инструкции). Это заставляет предположить, что в случае неконгруэнтности правил и подкрепляющих условий преимущество будет у последних (изменившиеся условия могут прервать исполнение вербальных инструкций, благодаря чему правило может нуждаться в постоянном воспроизводстве).

Правила и контингенции подкрепления. Расширение сферы приложения правил, т. е. выход за рамки конкретного поведенческого акта, основан на ряде механизмов вербального поведения, в основе которых лежит усложнение и расширение стимульных отношений и, соответственно, ситуаций, регулируемых правилом. Рассмотрим по отдельности правила и контингенции подкрепления.

Опосредование. Рассматриваемый тип поведения подразумевает опосредованность вербальным стимулом взаимодействия организма со средой, поскольку, например, слово выступает заменителем собственного референта (т. е. между организмом и средой лежит вербальный слой, определяющий формат контакта между ними). В этом смысле правило как вербальный стимул является средством обеспечения «контакта (организма. – В. С.) с областью (ориг. *domain*. – В. С.) событий» [38, р. 108], например, за счет предложения сценария такого контакта. По сути, когда правило понято, средовые события, которые «участвуют» в правиле, приоб-

ретают вербальные функции (в терминах правила) [38, р. 108].

Генерализация. По словам Б. Ф. Скиннера, генерализация – «это просто термин для описания того факта, что контроль, принадлежащий одному стимулу, разделяется с другими стимулами с общими характеристиками» [10, с. 155]. Это означает, что правило, как antecedent в формуле поведения, может быть связано с большим числом стимулов, чем в нем заявлено: дискриминативный стимул «трактует» организмом в контексте собственной истории подкреплений (похожих стимулов, условий, поведения и его подкрепления и т. п.), а декларируемые последствия – в контексте возможных подкреплений стимулами, эквивалентными заявленному в правиле. Так, благодаря правилу происходит трансформация функций средовых стимулов, «когда функция предшествующего... стимула трансформируется с точки зрения (ориг. *in terms*. – В. С.) другого стимула» [39]. Тем более, что характер правил однозначно этому способствует: «Вербальное поведение обычно является следствием нескольких причин. Отдельные переменные комбинируются для расширения их функционального контроля, а новые формы поведения возникают из рекомбинации старых фрагментов» [21, р. 43]. Или иначе: средовые события, которые инструкция уточняет, являются теми средовыми переменными, которые собираются в правиле воедино для слушателя⁸ [40, р. 126].

Кроме того, что правило может генерализовать стимулы, оно, как стимул, само может быть генерализовано, что гарантирует ему «живучесть» и возможность переместиться в иные ситуации. Само становление поведения, подразумевающего соблюдение инструкций, может быть истолковано «как процесс генерализации: (1) от правил, напрямую увязанных (ориг. *paired with*. – В. С.) с подкреплением их соблюдения, к правилам без такой связи; (2) от правил, подкрепляемых теми, кто их устанавливает (ориг. *rule-staters and instruction givers*. – В. С.), к правилам, которые непосредственно не подкрепляются теми, кто их предоставляет; и (3) от выработанных самостоятельно правил (ориг. *self-produced*. – В. С.) с подкреплением их соблюдения к подобным же правилам без подкрепления» [41, р. 35–36].

Темпоральный аспект правил. Независимо от того, насколько генерализовано правило, оно всегда основано на вероятностном характере последствий и своеобразном удвоении подкреплений:

⁸Что характерно, в теоретических работах сторонников бихевиорологии сложно встретить детальное пояснение того, что понимается под вербальностью и насколько последняя связана именно с языком. Из контекста можно предположить, что под этот термин подходит и вербальное, и невербальное поведение (в максимально широком смысле слова), однако функционалисты стараются лишней раз это не уточнять, возможно, потому что попытки детализации потребовали бы указания на использование различных знаковых систем, которые бы пришлось определять дополнительно. Однако в таком случае был бы высок риск нарушения экстерналистских принципов.

контроль инструктирующим соблюдением правила дополняется контролем обещанными последствиями в будущем. Тем самым в инструкцию вводится отсылка к будущим обстоятельствам: анализ управляемого правилами поведения «следует сфокусировать на связях между подразумеваемым (ориг. *implicit*. – В. С.) поведением и не присутствующими (ориг. *non-presented*. – В. С.) условиями подкрепления» [42, р. 9], что тем не менее «усиливает вероят-

ность некоторой реакции в другое время в присутствии другого стимула» [43, р. 81], таким образом, правило (вербальное) служит для трансформации средовых стимулов [39].

Для повышения влияния в правиле должны сохраняться некоторые временные и каузальные составляющие (как долго необходимо придерживаться требуемого поведения и какие подразумеваются последствия) [26, р. 144].

Чем определяется следование правилам?

Отличия правила от вербального поведения вообще. Еще раз обратим внимание на тот факт, что «правило должно описывать по меньшей мере два события из следующих функций: antecedentный стимул, поведенческий ответ и его последствия» [43, р. 80]. В противном случае говорить о следовании некорректно, поскольку «если связь между правилом и релевантным поведением не является источником контроля поведения, понятие “правило”... ничего не добавляет к понятию “вербальный стимул”» [38, с. 107].

В связи с этим ряд исследователей обращают внимание на некоторые изъятия термина «управляемое правилами поведение», в частности, на его избыточность: «термин... тавтологичен, поскольку “правило” и означает “управление” (*rule means govern*)» [44, с. 29], а «некоторый вербальный стимул может быть идентифицирован как правило только если определенное поведение может быть идентифицировано как управляемое правилом» [45, р. 51]. Кроме того, отмечалось, что «если правила – это не что иное, как дискриминативные стимулы, основанные на прямых историях подкрепления, то они должны быть легко применимы к организмам всех видов» [46, р. 198], чего, разумеется, не происходит.

Следует вспомнить, что Б. Ф. Скиннер и ряд его последователей сочли концепт «поведение, управляемое правилами» не слишком удачным [47, р. 20], двусмысленным, приводящим к терминологической и концептуальной путанице, поскольку определение правил основывалось «иногда на структурных, а иногда на функциональных критериях» [48, р. 307]. Исследователи посчитали, что разделение поведения на «поведение, управляемое

условиями (подкрепления) / поведение, управляемое правилами» (англ. *contingency-governed / rule-governed*) целесообразнее заменить другим: «поведение, управляемое условиями (подкрепления) / поведение, управляемое вербально» (англ. *verbally-governed*).

В этом случае специального определения термина «правила» не требуется, и те задачи, для решения которых понятие возникло, можно решить с опорой на анализ вербальной стимуляции как таковой, поскольку она и так формирует определенное (структурированное, относительно устойчивое) поведение, а социальное подкрепление придает этому процессу должную траекторию за счет, например, производства классов поведения более высокого порядка [48] – классов оперантного (управляемого последствиями) поведения, состоящих из других классов оперантного поведения⁹.

Однако такую стратегию, на наш взгляд, сложно считать в полной мере эффективной, поскольку концепт «правило» задумывался как ключевой компонент особого типа вербального поведения, отличного от иных его форм, наиболее важного в контексте модификации и контроля поведения, т. е. научения именно такому поведению, которое желательно для говорящего. В этом случае как раз важно, чтобы слушатель соотносил свою активность не только с инструкцией, но и с выраженными в ней указаниями на последствия, так как именно это снижает его чувствительность ко всем другим стимулам, в том числе вербальным (т. е. другие, в том числе интенсивные, стимулы не будут мешать слушателю).

В качестве заключения: специфика правил

Мотивационный компонент. Способом объяснения отличий правил от других форм вербального поведения является установка на выявление в нем «чего-то еще», т. е. компонента, особо влияющего на контроль активности. Р. Мэлот отмечает, что в традиционном подходе правило трактуется главным образом как сигнал или

намек (англ. *cue*), указывающий на более подходящее поведение, следование которому (т. е. соблюдение правила) управляется вероятностью социально опосредованного подкрепления или наказания [25, р. 290]. С его же точки зрения, целесообразнее рассматривать правило, скорее, как *мотивирующую операцию*, в которой устанавлива-

⁹Помимо прочего, это способствует трансферу стимула во многие ситуации: вербальный стимул генерализуется, и следование ему поддерживается механизмами социального контроля (вербальным сообществом).

ются (назначаются) более эффективные последствия, а подкрепляющий стимул (англ. *Sreinf*) становится вознаграждающим или аверсивным (т. е. последствия требуемого поведения будут такими не «сами по себе», а именно потому, что так сказано в правиле) [25].

Самоподкрепление понятого правила. Как было отмечено, правило особым образом организует связь между двумя событиями, что подразумевает реагирование на одно событие в связи с другим (в терминах другого) и наоборот, причем подобные связи могут быть сложными и комбинированными.

Присвоение правилу особой значимости (по сравнению с иными типами вербального поведения) может также происходить в процессе понимания человеком правила, в том смысле, что эффекты вербальных стимулов основаны именно на такой организации связей между событиями, как это предписано в правиле [46, р. 199]. В рамках теории реляционных фреймов разработано несколько способов проверки понимания:

- проверка вербальной организации правила (уточняющие вопросы, позволяющие судить о том, насколько требуемое говорящим поведение может быть вербально воспроизведено слушателем) [49, р. 199–200];

- выявление (перестройка) психологических функций, релевантных или не релевантных требуемому поведению [49, р. 200] (например, угрожающий характер правила провоцирует возникновение защитной реакции, в противном случае правило не понято);

- стратегия «тихой собаки»: в определенный момент испытуемому предлагаются инструкции, противоречащие изначальным. Степень чувствительности к последним может указывать на то, что первоначальное правило усвоено, т. е. испытуемый его мысленно вербально структурировал [49, р. 200–201].

Характер контингенций подкрепления. Еще одним способом объяснения особых свойств инстинктивного поведения может стать поиск дополнительных факторов в условиях подкрепления. У. Баум выделяет два типа таких условий. Первый тип – краткосрочный и социальный, он определяется как проксимальные (непосредственные, ближайшие) контингенции подкрепления. Второй тип – долговременные условия, который связан с биологической приспособленностью (англ. *fitness*) [50, р. 4], филогенетической значимостью, производимой этими условиями стимуляцией. В рамках проксимальных условий правила исполняют функцию дискриминативного стимула, второй же тип контингенций часто является поводом для появления правил, и включает в себя некоторое поведение как проксимальное условие подкрепления.

Именно второй тип условий (прямая или косвенная отсылка к ним в правиле) повышает стимульную значимость инструкций, снижает поведенческую чувствительность к любым другим сигналам среды [28, р. 149]. Это же делает возможным дальнейшее осуществление трансфера правила (обеспечивает ему «долголетие»), поскольку, с одной стороны, правило фундировано в долговременных условиях, а с другой – такие контингенции выступают контекстом установления правил в проксимальных условиях с немедленным подкреплением [28, р. 157]. Как дискриминативный стимул, правило усиливает поведение слушателя, которое непосредственно подкрепляется социально, но также увязывается с долгосрочными условиями, которые усиливают биологическую приспособленность «слушателя» [34, р. 349]. Иными словами, чем более предлагаемые правила увязаны с филогенетически значимыми контингенциями, тем выше их значимость и тем ниже чувствительность организма к стимулированию иного рода.

Библиографические ссылки

1. Gerrig RJ, Zimbardo PG. *Glossary of Psychological Terms. Psychology and Life*. Boston, MA: Allyn and Bacon; 2002 [cited 2018 March 25]. URL: <http://www.apa.org/research/action/glossary.aspx>.
2. O'Donohue W, Kitchener RF. Introduction: The Behaviorisms. In: O'Donohue W, Kitchener RF, editors. *Handbook of Behaviorism*. Reno: Academic Press; 1999. p. 1–13.
3. Федоров АА. Узник чертова острова. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология*. 2013;7(2):6–14.
4. Федоров АА. Эволюция единиц анализа поведения в бихевиоризме: Уотсон, Кантор, Скиннер. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология*. 2010;4(1):19–27.
5. Lazzeri F. On the Place of Behavior in the Analysis of Psychological Categories. *Psychological Record*. 2015;65(3):567–577. DOI: 10.1007/s40732-015-0121-8.
6. Ульман ДжД. Бихевиорология в эпоху постмодерна. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология*. 2009;3(2):32–40.
7. Лихи Т. *История современной психологии*. 3-е издание. Санкт Петербург: Питер; 2003. 448 с.
8. Chiesa M. Radical Behaviorism and Scientific Frameworks. From Mechanistic to Relational Accounts. *American Psychologist*. 1992;47(11):1287–1299. DOI: 10.1037/0003-066X.47.11.1287.
9. Colman AM. *A Dictionary of Psychology*. 3rd edition. Oxford: Oxford University Press; 2015. DOI: 10.1093/acref/9780199534067.001.0001.
10. Скиннер БФ. *Наука и человеческое поведение*. Федорова АА, Васильева АИ, переводчики. Новосибирск: НГУ; 2017. 517 с.

11. O'Donohue W. Philosophical and Psychological Epistemologies in Behaviorism and Behavior Therapy. *Behavior therapy*. 1992;23:173–194. DOI: 10.1016/S0005-7894(05)80384-3.
12. Палмер ДС. Концептуальные основы бихевиоризма Скиннера. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология*. 2013;7(2):90–113.
13. Domjan M. Elicited versus Emitted Behavior: time to Abandon the Distinction. *Journal of the experimental analysis of behavior*. 2016;105(2):231–245. DOI: 10.1002/jeab.197.
14. Варгас ЭА. «Вербальное поведение» БФ. Скиннера: Введение. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология*. 2010;4(2):56–78.
15. Федоров АА. Радикальный бихевиоризм и психическая реальность. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия Психология*. 2007;1(2):23–30.
16. Matsumoto D, editor. *The Cambridge Dictionary of Psychology*. Cambridge: Cambridge University Press; 2009. 587 p.
17. Kemp SM. R-S and S(-O)-R: Alternative Designs for Neural Networks. *Journal of the experimental analysis of behavior*. 1997;2:229–231. DOI: 10.1901/jeab.1997.67-229.
18. Dougher MJ. A Bigger Picture: Cause and Cognition in Relation to Differing Scientific Frameworks. *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*. 1995;26(3):215–219. DOI: 10.1016/0005-7916(95)00021-Q.
19. Скиннер БФ. Функциональный анализ вербального поведения. Глава 1 из книги «Вербальное поведение». *Reflexio*. 2017;10(1):106–117.
20. Hayes SC, Blackledge JT, Barnes-Holmes D. Language and Cognition: Constructing an Alternative Approach within the Behavioral Tradition. In: Hayes SC, Barnes-Holmes D, Roche B, editors. *Relational Frame Theory. A Post-Skinnerian Account of Human Language and Cognition*. New York: Kluwer Academic, Plenum Publishers; 2001. p. 3–20.
21. Skinner BF. *Verbal behavior*. Cambridge: B. F. Skinner Foundation Reprint Series; 1957. 553 p.
22. Hayes SC, Hayes L. The Verbal Action of the Listener as a Basis for Rule-Governance. In: Steven C, editor. *Rule-Governed Behavior*. Boston, MA: Springer; 1989. p. 153–190. DOI: 10.1007/978-1-4757-0447-1_5.
23. Catania ACh. On the Difference between Verbal and Nonverbal Behavior. *The Analysis of Verbal Behavior*. 1986;4:2–9. DOI: 10.1007/BF03392809.
24. Palmer DC. Commentary on Skinner's Contingencies of Reinforcement (2015). *Operants*. 2017;1:8–11 [cited 2018 March 25]. Available from: <https://www.bf Skinner.org/behavioral-science/operants/>.
25. Malott RW. The Achievement of Evasive Goals: Control by Rules Describing Contingencies That Are Not Direct Acting. In: Hayes SC, editor. *Rule-Governed Behavior*. Boston: Springer; 1989. p. 269–324. DOI: 10.1007/978-1-4757-0447-1_8.
26. Törneke N, Luciano C, Salas SV. Rule-Governed Behavior and Psychological Problems. *International Journal of Psychology and Psychological Therapy*. 2008;8(2):141–156.
27. Skinner BF. The Behavior of the Listener. In: Hayes SC, editor. *Rule-Governed Behavior*. Boston: Springer; 1989. p. 85–96. DOI: 10.1007/978-1-4757-0447-1_2.
28. Baum WM. *Understanding Behaviorism. Behavior, Culture, and Evolution*. 3rd edition. New Jersey: John Wiley and Sons; 2017. 301 p. DOI:10.1002/9781119143673.
29. Cerutti DT. Discrimination theory of rule-governed behavior. *Journal of the experimental analysis of behavior*. 1989;51(2):259–276. DOI: 10.1901/jeab.1989.51-259.
30. Skinner BF. *Contingencies of Reinforcement. A Theoretical Analysis*. Cambridge: B. F. Skinner Foundation; 2013. 310 p.
31. Catania ACh. Rules as Classes of Verbal Behavior: A Reply to Glenn. *The Analysis of Verbal Behavior*. 1989;7:49–50.
32. Kudadjie-Gyamfi E, Rachlin H. Rule-governed versus contingency-governed behavior in a self-control task: effects of changes in contingencies. *Behavioural Processes*. 2002;57:29–35. DOI: 10.1016/S0376-6357(01)00205-4.
33. Baumann AA, Abreu-Rodrigues J, Souza A. Rules and Self-Rules: Effects Of Variation Upon Behavioral Sensitivity To Change. *The Psychological Record*. 2009;59:641–670. DOI: 10.1007/BF03395685.
34. Pierce WD, Cheney CD. *Behavior analysis and learning*. 5th edition. New York: Taylor and Francis; 2013. 585 p.
35. Zettle RD, Young MJ. Rule-Following and Human Operant Responding: Conceptual and Methodological Considerations. *The Analysis of Verbal Behavior*. 1987;5:33–39. DOI: 10.1007/BF03392818.
36. Catania ACh, Shimoff E, Matthews BA. An Experimental Analysis of Rule-Governed Behavior. In: Hayes SC, editor. *Rule-Governed Behavior*. Boston: Springer; 1989. p. 119–150. DOI: 10.1007/978-1-4757-0447-1_4.
37. Kunkel JH. The Analysis of Rule-Governed Behavior in Social Psychology. *The Psychological Record*. 1997;47:699–716. DOI: 10.1007/BF03395254.
38. Barnes-Holmes D, O'Hora D, Roche B. Understanding and Verbal Regulation. In: Hayes SC, Barnes-Holmes D, Roche B, editors. *Relational Frame Theory. A Post-Skinnerian Account of Human Language and Cognition*. New York: Kluwer Academic, Plenum Publishers; 2001. p. 103–118.
39. Dixon MR, Speelman RC, Rowsey KE. Derived Rule-Following and Transformations of Stimulus Function in a Children's Game: An Application of PEAK-E with Children with Developmental Disabilities. *Journal of Contextual Behavioral Science*. 2016;5(3):186–192. DOI: 10.1016/j.jcbs.2016.05.002.
40. Tarbox J, Zuckerman CK, Bishop MR. Rule-Governed Behavior: Teaching a Preliminary Repertoire of Rule-Following to Children with Autism. *The Analysis of Verbal Behavior*. 2011;27:125–139.
41. Reese HW. Rules and Rule-Governance: cognitive and Behavioristic Views. In: Hayes SC, editor. *Rule-Governed Behavior*. Boston: Springer; 1989. p. 3–84.
42. Pelaez M. Morality as a system of rule-governed behavior and empathy. *Behavioral Development Bulletin*. 2001;1:8–14. DOI: 10.1037/h0100475.
43. Schlinger HD Jr. A Reply to Behavior Analysts Writing About Rules and Rule-Governed Behavior. *The Analysis of Verbal Behavior*. 1990;8:77–82. DOI: 10.1007/BF03392849.
44. Glenn SS. Rules as Environmental Events. *The Analysis of Verbal Behavior*. 1987;5:29–32.
45. Glenn SS. On Rules and Rule-Governed Behavior: a Reply to Catania's Reply. *The Analysis of Verbal Behavior*. 1989;7:51–52.
46. Hayes SC, Zettle RD, Rosenfarb I. Rule-Following. In: Hayes SC, editor. *Rule-Governed Behavior*. Boston: Springer; 1989. p. 191–220. DOI: 10.1007/978-1-4757-0447-1_6.

47. Vargas EA. Verbally-Governed and Event-Governed Behavior. *The Analysis of Verbal Behavior*. 1988;6:11–22. DOI: 10.1007/BF03392825.
48. Catania AC. Verbal Governance, Verbal Shaping, and Attention to Verbal Stimuli. In: Lattal KA, Chase PN, editors. *Behavior theory and philosophy*. New York: Springer Science+ Business Media; 2003. p. 301–322. DOI: 10.1007/978-1-4757-4590-0_16.
49. Hayes SC. The Case of the Silent Dog-Verbal Reports and the Analysis of Rules: a Review Of Ericsson And Simon's Protocol Analysis: verbal Reports as Data. *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*. 1986;45(3):351–363. DOI: 10.1901/jeab.1986.45-351.
50. Baum WM. Rules, Culture, and Fitness. *The Behavior Analyst*. 1995;18(1):1–21.

References

1. Gerrig RJ, Zimbardo PG. Glossary of Psychological Terms. *Psychology and Life*. Boston, MA: Allyn and Bacon; 2002 [cited 2018 March 25]. Available from: <http://www.apa.org/research/action/glossary.aspx>.
2. O'Donohue W, Kitchener RF. Introduction: The Behaviorisms. In: O'Donohue W, Kitchener RF, editors. *Handbook of Behaviorism*. Reno: Academic Press; 1999. p. 1–13.
3. Fedorov AA. The Prisoner of the Devil's Island. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Vestnik Novosibirsk State University: Psychology]. 2013;7(2):6–14. Russian.
4. Fedorov AA. The Evolution of the Units of Behavior Analysis within Behaviorism: Watson, Kantor, Skinner. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Vestnik Novosibirsk State University: Psychology]. 2010;4(1):19–27. Russian.
5. Lazzeri F. On the Place of Behavior in the Analysis of Psychological Categories. *Psychological Record*. 2015;65(3):567–577. DOI: 10.1007/s40732-015-0121-8.
6. Ulman JD. Behaviorology in the Postmodern Period. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Vestnik Novosibirsk State University: Psychology]. 2009;3(2):32–40. Russian.
7. Leahey TH. *A history of modern psychology*. Upper Saddle River: Prince Hall; 1990. Russian edition: Leahey TH. *Istoriya sovremennoi psikhologii*. 3rd edition. Saint Petersburg: Piter; 2003. 448 p.
8. Chiesa M. Radical Behaviorism and Scientific Frameworks. From Mechanistic to Relational Accounts. *American Psychologist*. 1992;47(11):1287–1299. DOI: 10.1037/0003-066X.47.11.1287.
9. Colman AM. *A Dictionary of Psychology*. 5th edition. Oxford: Oxford University Press; 2015. DOI: 10.1093/acref/9780199534067.001.0001.
10. Skinner BF. *Science and Human Behavior*. New York: The Macmillian Company; 1953. Russian edition: Skinner BF. *Nauka i chelovecheskoe povedenie*. Fedorov AA, Vasil'eva AA, translators. Novosibirsk: NSU; 2017. 517 p.
11. O'Donohue W. Philosophical and Psychological Epistemologies in Behaviorism and Behavior Therapy. *Behavior therapy*. 1992;23:173–194. DOI: 10.1016/S0005-7894(05)80384-3.
12. Palmer DC. The conceptual foundations of Skinner's behaviorism. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Vestnik Novosibirsk State University: Psychology] 2013;2:90–113. Russian.
13. Domjan M. Elicited versus Emitted Behavior: time to Abandon the Distinction. *Journal of the experimental analysis of behavior*. 2016;105(2):231–245. DOI: 10.1002/jeab.197.
14. Vargas EA. Skinner's «Verbal Behavior»: Introduction. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Vestnik Novosibirsk State University: Psychology]. 2010;4(2):56–78. Russian.
15. Fedorov AA. [Radical behaviorism and psychic reality]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Vestnik Novosibirsk State University: Psychology]. 2007;1(2):23–30. Russian.
16. Matsumoto D, editor. *The Cambridge Dictionary of Psychology*. Cambridge: Cambridge University Press; 2009. 587 p.
17. Kemp SM. R-S and S(-O)-R: Alternative Designs for Neural Networks. *Journal of the experimental analysis of behavior*. 1997;2:229–231. DOI: 10.1901/jeab.1997.67-229.
18. Dougher MJ. A Bigger Picture: Cause and Cognition in Relation to Differing Scientific Frameworks. *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*. 1995;26(3):215–219. DOI: 10.1016/0005-7916(95)00021-Q.
19. Skinner BF. A Functional Analysis of Verbal Behavior (Ch. 1). *Reflexio*. 2017;10(1):106–117. Russian.
20. Hayes SC, Blackledge JT, Barnes-Holmes D. Language and Cognition: constructing an Alternative Approach within the Behavioral Tradition. In: Hayes SC, Barnes-Holmes D, Roche B, editors. *Relational Frame Theory. A Post-Skinnerian Account of Human Language and Cognition*. New York: Kluwer Academic, Plenum Publishers; 2001. p. 3–20.
21. Skinner BF. *Verbal behavior*. Cambridge: B. F. Skinner Foundation Reprint Series; 1957. 553 p.
22. Hayes SC, Hayes L. The Verbal Action of the Listener as a Basis for Rule-Governance. In: Steven C, editor. *Rule-Governed Behavior*. Boston: Springer; 1989. p. 153–190. DOI: 10.1007/978-1-4757-0447-1_5.
23. Catania ACh. On the Difference between Verbal and Nonverbal Behavior. *The Analysis of Verbal Behavior*. 1986;4:2–9. DOI: 10.1007/BF03392809.
24. Palmer DC. Commentary on Skinner's Contingencies of Reinforcement (2015). *Operants*. 2017;1:8–11 [cited 2018 March 25]. URL: <https://www.bf Skinner.org/behavioral-science/operants/>.
25. Malott RW. The Achievement of Evasive Goals: Control by Rules Describing Contingencies That Are Not Direct Acting. In: Hayes SC, editor. *Rule-Governed Behavior*. Boston: Springer; 1989. p. 269–324. DOI: 10.1007/978-1-4757-0447-1_8.
26. Törneke N, Luciano C, Salas SV. Rule-Governed Behavior and Psychological Problems. *International Journal of Psychology and Psychological Therapy*. 2008;8(2):141–156.
27. Skinner BF. The Behavior of the Listener. In: Hayes SC, editor. *Rule-Governed Behavior*. Boston: Springer; 1989. p. 85–96. DOI: 10.1007/978-1-4757-0447-1_2.

28. Baum WM. *Understanding Behaviorism. Behavior, Culture, and Evolution*. 3rd Edition. New Jersey: John Wiley and Sons; 2017. 301 p. DOI:10.1002/9781119143673.
29. Cerutti DT. Discrimination theory of rule-governed behavior. *Journal of the experimental analysis of behavior*. 1989;51(2):259–276. DOI: 10.1901/jeab.1989.51-259.
30. Skinner BF. *Contingencies of Reinforcement. A Theoretical Analysis*. Cambridge: B. F. Skinner Foundation; 2013. 310 p.
31. Catania ACh. Rules as Classes of Verbal Behavior: a Reply to Glenn. *The Analysis of Verbal Behavior*. 1989;7:49–50.
32. Kudadjie-Gyamfi E, Rachlin H. Rule-governed versus contingency-governed behavior in a self-control task: effects of changes in contingencies. *Behavioural Processes*. 2002;57:29–35. DOI: 10.1016/S0376-6357(01)00205-4.
33. Baumann AA, Abreu-Rodrigues J, Souza A. Rules and Self-Rules: effects Of Variation Upon Behavioral Sensitivity To Change. *The Psychological Record*. 2009;59:641–670. DOI: 10.1007/BF03395685.
34. Pierce WD, Cheney CD. *Behavior analysis and learning*. 5th edition. New York: Taylor and Francis; 2013. 585 p.
35. Zettle RD, Young MJ. Rule-Following and Human Operant Responding: conceptual and Methodological Considerations. *The Analysis of Verbal Behavior*. 1987;5:33–39. DOI: 10.1007/BF03392818.
36. Catania ACh, Shimoff E, Matthews BA. An Experimental Analysis of Rule-Governed Behavior. In: Hayes SC, editor. *Rule-Governed Behavior*. Boston: Springer; 1989. p. 119–150. DOI: 10.1007/978-1-4757-0447-1_4.
37. Kunkel JH. The Analysis of Rule-Governed Behavior in Social Psychology. *The Psychological Record*. 1997;47:699–716. DOI: 10.1007/BF03395254.
38. Barnes-Holmes D, O’Hora D, Roche B. Understanding and Verbal Regulation. In: Hayes SC, Barnes-Holmes D, Roche B, editors. *Relational Frame Theory. A Post-Skinnerian Account of Human Language and Cognition*. New York: Kluwer Academic, Plenum Publishers; 2001. p. 103–118.
39. Dixon MR, Speelman RC, Rowsey KE. Derived Rule-Following and Transformations of Stimulus Function in a Children’s Game: An Application of PEAK-E with Children with Developmental Disabilities. *Journal of Contextual Behavioral Science*. 2016;5(3):186–192. DOI: 10.1016/j.jcbs.2016.05.002.
40. Tarbox J, Zuckerman CK, Bishop MR. Rule-Governed Behavior: Teaching a Preliminary Repertoire of Rule-Following to Children with Autism. *The Analysis of Verbal Behavior*. 2011;27:125–139.
41. Reese HW. Rules and Rule-Governance: cognitive and Behavioristic Views. In: Hayes SC. *Rule-Governed Behavior*. Boston: Springer; 1989. p. 3–84.
42. Pelaez M. Morality as a system of rule-governed behavior and empathy. *Behavioral Development Bulletin*. 2001;1:8–14. DOI: 10.1037/h0100475.
43. Schlinger HDJr. A Reply to Behavior Analysts Writing About Rules and Rule-Governed Behavior. *The Analysis of Verbal Behavior*. 1990;8:77–82. DOI: 10.1007/BF03392849.
44. Glenn SS. Rules as Environmental Events. *The Analysis of Verbal Behavior*. 1987;5:29–32.
45. Glenn SS. On Rules and Rule-Governed Behavior: A Reply to Catania’s Reply. *The Analysis of Verbal Behavior*. 1989;7:51–52.
46. Hayes SC, Zettle RD, Rosenfarb I. Rule-Following. In: Hayes SC, editor. *Rule-Governed Behavior*. Boston: Springer; 1989. p. 191–220. DOI: 10.1007/978-1-4757-0447-1_6.
47. Vargas EA. Verbally-Governed and Event-Governed Behavior. *The Analysis of Verbal Behavior*. 1988;6:11–22. DOI: 10.1007/BF03392825.
48. Catania AC. Verbal Governance, Verbal Shaping, and Attention to Verbal Stimuli. In: Lattal KA, Chase PN, editors. *Behavior theory and philosophy*. New York: Springer Science + Business Media; 2003. p. 301–322. DOI: 10.1007/978-1-4757-4590-0_16.
49. Hayes SC. The Case of the Silent Dog-Verbal Reports and the Analysis of Rules: a Review Of Ericsson And Simon’s Protocol Analysis: verbal Reports as Data. *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*. 1986;45(3):351–363. DOI: 10.1901/jeab.1986.45-351.
50. Baum WM. Rules, Culture, and Fitness. *The Behavior Analyst*. 1995;18(1):1–21.

Статья поступила в редколлегию 26.03.2018.
Received by editorial board 26.03.2018.

ОБЩИЕ СТИЛИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ (АДАПТАЦИЯ ОПРОСНИКА)

А. А. МОРОЗОВ¹⁾

¹⁾Военная академия Республики Беларусь, пр. Независимости, 220, 220057, г. Минск, Беларусь

Представлено исследование стилей принятия решений военнослужащих в ходе адаптации англоязычного опросника *General decision making style* («Общие стили принятия решений») С. Дж. Скотт и Р. А. Брюса. Отмечены проблемные вопросы, характерные для предметной области исследований стилей принятия решений. Раскрыты теоретические основания включенных в опросник стилей, под которыми авторы понимают индивидуальные когнитивные стили, показана относительная упрощенность такого понимания. Осуществлен перевод опросника на русский язык, оценена с участием нескольких экспертов его содержательная валидность. Проведены анализ пунктов, оценка надежности по внутренней согласованности (α Кронбаха) и тест-ретестовым методом, проверка различных типов конструктивной валидности (факторной, конвергентной и дискриминантной). Полученные результаты соотнесены с исследованиями как зарубежных (относительно проверки психометрических свойств опросника), так и отечественных (верификация гипотезы Т. В. Корниловой о единой латентной переменной «Принятие неопределенности и риска» относительно включенности в нее интуитивных способностей) ученых. Продемонстрированы связи стилей принятия решений с интеллектуально-личностным потенциалом военнослужащих, представленным в настоящем исследовании шкалами опросников «Толерантность к неопределенности», «Личностные факторы решений» (опросник Т. В. Корниловой) и «Рефлексивность» (опросник А. В. Карпова). Определено, что доминирующими стилями принятия решений в смешанной выборке военнослужащих являются рациональный и интуитивный стили. Отмечено, что представленное исследование позволяет расширить исследовательский инструментарий белорусской и российской психологии в области изучения стилей принятия решений. Перспективным направлением для работы с использованием опросника является исследование стилей принятия решений разных профессиональных групп и его стандартизация, а относительно военнослужащих – построение структурной модели принятия решений разными категориями (курсантами, сержантами, офицерами).

Ключевые слова: стиль принятия решений; интеллектуально-личностный потенциал; военнослужащие; опросник; адаптация; надежность; валидность; корреляция.

GENERAL DECISION MAKING STYLES OF MILITARY PERSONNEL (ADAPTATION OF THE QUESTIONNAIRE)

A. A. MAROZAU^a

^aMilitary academy of the Republic of Belarus, 220 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220057, Belarus

The article presents a study of the decision-making styles of military personnel during adaptation of the English-speaking questionnaire «General decision making style» by S. J. Scott and R. A. Bruce. The problematic issues, which are characteristic of the research subject area in the decision-making styles, were noted. The theoretical foundations of the styles included in the questionnaire, under which the authors understand individual cognitive styles and show the relative simplicity of such an understanding, are disclosed. The questionnaire was translated into Russian, its content validity was evaluated with the participation of several experts, the analysis of the items, the evaluation of reliability by internal consistency (α -Cronbach)

Образец цитирования:

Морозов АА. Общие стили принятия решений военнослужащих (адаптация опросника). *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2018;3:95–106.

For citation:

Marozau AA. General decision making styles of military personnel (adaptation of the questionnaire). *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2018;3:95–106. Russian.

Автор:

Александр Александрович Морозов – заместитель начальника центра профессионального психологического отбора и сопровождения учебно-воспитательного процесса.

Author:

Alexander A. Marozau, deputy head of the center for professional psychological selection and support of the education process.
morozov_by@mail.ru

and the test-retest method was carried out, and various types of constructive validity (factor, convergent and discriminant) were tested. The obtained results are correlated with both foreign (regarding checking the questionnaire's psychometric properties) and native (verification of the hypothesis of T. V. Kornilova on a single latent variable «Acceptance of uncertainty and risk» regarding the inclusion of intuitive abilities in it) scientists' studies. Relationships between the decision-making styles and intellectual and personal potential of servicemen, which is represented in our study by scales of the questionnaires «Tolerance for uncertainty», «Personal Factors of Decisions» T. V. Kornilova and «Reflectivity» A. V. Karpov, are demonstrated. The dominant decision-making styles of the mixed sample of servicemen was determined: rational and intuitive. The presented article allows to expand research tools of Belarusian and Russian psychology in the field of decision-making styles study. Study of the decision-making styles of different professional groups and its standardization, and with respect to the military – building a structural decision-making model for their various categories (cadets, sergeants, officers) is promising area for working with the questionnaire.

Key words: decision-making style; questionnaire; adaptation; reliability; validity; military personnel.

Впервые понятие стиля было введено А. Адлером. Автор понимает стиль как индивидуальную стратегию поведения личности, необходимую для преодоления комплекса неполноценности [1, с. 18], т. е. как одну из личностных черт. Такое представление о стиле преобладало вплоть до середины прошлого века, пока не сменилось концепцией когнитивного стиля. В 1980-х гг. происходит значительная экспликация, гиперобобщение названного выше понятия. На современном этапе принято выделять стили деятельности, руководства, управления, поведения, общения, жизни, мышления, учения, саморегуляции, принятия решений, а также когнитивные, эмоциональные, педагогические и эмпирические стили [2]. В рамках настоящей статьи речь будет идти о концепции стиля принятия решений (далее – СПР) и методах его исследования.

Необходимо отметить ряд проблемных вопросов, присущих данной предметной области. Во-первых, отсутствует единый методологический подход к СПР и, как следствие, обнаруживаются недостаточная концептуализация понятия и разногласия в понимании содержания обозначенного выше конструкта. Кроме того, понятия «стиль руководства (лидерства)», «стиль управления» и «стиль принятия решений» нередко употребляются как синонимичные. Во-вторых, присутствует наиболее характерная для зарубежной психологии вариативность классификаций СПР, это, например, классификации А. Роу [3], К. Бруссо, М. Драйвера, Р. Ларссона и Г. Уриана [4], а также классификация И. Адизеса [5]. В-третьих, количество эмпирических исследований не соответствует количеству качественного (надежного и валидного) диагностического инструментария. Анализ отечественной литературы по заявленной проблематике за последние 25 лет показывает, что для диагностики непосредственно СПР в отдельных работах применяется опросник «Стили принятия управленческих решений» А. В. Карпова и Е. В. Марковой [6] (хотя проблематика СПР не является исключительно управленческой). Чаще всего исследователи обращаются либо к методикам, косвенно связанным с СПР (16-факторный личностный опросник

Р. Кэттелла, «Уровень субъективного контроля» или «Локус контроля», тест К. Томаса и др.), либо к проективным методикам, соотносимым затем с результатами деятельности испытуемых или экспертными оценками. При этом мы не рассматриваем тот инструментарий, который предназначен для диагностики принятия решений как личностного свойства (например, опросник «Личностные факторы решений»). Целью данной статьи является исследование СПР военнослужащих (в частности, анализ ведущих стилей данной профессиональной группы и изучение связей СПР с их интеллектуально-личностным потенциалом) и адаптация англоязычного опросника *Decision-making style* («стили принятия решений») С. Дж. Скотт и Р. А. Брюса [7]. Впрочем, в большинстве эмпирических работ в названии опросника присутствует слово *general* («общий») [8–10], что, на наш взгляд, подчеркивает универсальность данного диагностического инструментария, широко используемого в зарубежной исследовательской практике [11, с. 1053] (606 цитирований с момента разработки опросника в 1995 г. по данным *Google Scholar*).

Авторы опросника «Общие стили принятия решений» (далее – ОСПР) на основании анализа и обобщения предшествующих теоретических и эмпирических работ операционализировали рациональный, интуитивный, зависимый и избегающий стили. В дальнейшем ими был выделен пятый СПР, спонтанный, наличие которого подтверждалось последующими многочисленными исследованиями зарубежных ученых. *Рациональный СПР* характеризуется ориентацией на тщательный поиск и оценку альтернатив, логические и структурированные подходы. *Интуитивный СПР* предполагает опору на чувства и предчувствия. *Зависимый СПР* означает направленность на советы, консультации и поддержку других людей в ситуации принятия решения. *Избегающий СПР* отражает элиминативное поведение человека. *Спонтанный СПР* характеризуется импульсивностью, поспешностью и желанием завершить процесс принятия решения как можно быстрее. Указанные пять стилей не являются взаимоисключающими: допускается одновременное использование более одного стиля как

доминирующего. Каждая из шкал опросника включает в себя пять пунктов, ответы на которые даются по пятибалльной шкале, где 1 – «совершенно не согласен», а 5 – «совершенно согласен».

Анализ теоретических оснований, заложенных в понятие СПР авторами опросника, позволяет сделать два основных вывода:

1) СПР определяется как когнитивный стиль [7, с. 829];

2) концептуальная основа СПР окончательно не сформирована.

В связи с этим ряд зарубежных исследователей (С. Мохаммед, П. Тунхольм, А. Швол) высказывают сомнения относительно того, представляют ли СПР и когнитивный стиль одинаковый конструкт. В частности, П. Тунхольм приходит к выводу о том, что СПР, помимо обработки информации (благодаря чему его считают когнитивным стилем), включает в себя базовую самооценку и общую способность к саморегуляции, тем самым предполагая более широкое определение, которое будет учитывать личность принимающего решение в целом [12, с. 941]. В понимании П. Тунхольма СПР – это модель (англ. *pattern*) ответа, проявленная человеком в ситуации принятия решения [12, с. 941]. В таком случае, руководствуясь двухмерной матрицей когнитивных стилей Ч. Носала, можно предположить, что СПР соотносится с одним из трех следующих когнитивных стилей, представляющих модельный уровень переработки информации: когнитивная простота/сложность, толерантность к нереалистическому опыту, медленное/быстрое течение времени [13, с. 157]. Однако такое соотношение в данном случае будет достаточно условным, поскольку в полной мере не применимо к рассматриваемой нами модели СПР, выраженной пятью стилями опросника. По мнению П. Тунхольма, рациональный и интуитивный стили по ОСПР имеют большое сходство с аналитическими и интуитивными измерениями когнитивного стиля и, таким образом, являются беспроблемными с теоретической точки зрения [12, с. 934]. Соглашаясь с П. Тунхольмом, можно также предположить, что спонтанный СПР следует рассматривать как своего рода высокоскоростной интуитивный СПР [12, с. 934]. В таком случае три указанных стиля можно рассматривать именно как когнитивные, поскольку биполярность, по Уиткину, – одна из отличительных характеристик стиля [13, с. 160]. Однако неясными остаются концептуальные теоретические основания еще по двум СПР – зависимому и избегающему, – которые никак нельзя назвать биполярными. Кроме того, сомнения относительно однозначности понимания авторами опросника СПР когнитивных стилей вызывает еще одна отличительная стилевая особенность, которая, на наш взгляд, не присуща СПР: стиль – это инструментальная характеристика интеллектуальной деятельности. Тем

не менее, несмотря на указанные противоречия, исследователи сходятся во мнении, согласно которому и СПР, и когнитивный стиль могут выступать в качестве методов личностной оценки принятия решений и определять, в какой степени люди используют определенную стратегию или стиль [14, с. 253]. Таким образом, СПР можно рассматривать как своеобразный теоретический конструкт, которому присущи как личностные, так и когнитивные характеристики.

За годы, прошедшие с момента разработки опросника, были проведены исследования с применением ОСПР в таких странах, как США, Швеция, Италия, Китай, Великобритания, Румыния, Нидерланды и т. д. Неоднократно осуществлялась проверка факторной структуры опросника, внутренней согласованности шкал, а также выявлялись связи с личностными и когнитивными характеристиками различных категорий испытуемых. Для нас интерес представляют исследования СПР военнослужащих.

Первая группа испытуемых, на основании ответов которой авторы оценивали психометрические свойства разрабатываемого инструментария, состояла из 1441 офицера. Несколько позже С. Дж. Скотт и Р. А. Брюс включили в свое исследование выборку студентов и инженеров. По результатам многофакторного дисперсионного анализа были выявлены значимые различия в показателях СПР между группами: офицерский состав оказался более рационален, меньше полагался на интуицию и реже использовал элиминативную модель поведения [7, с. 830]. Корреляционный анализ позволил выявить положительную связь рационального и отрицательную избегающего и зависимого СПР с локусом контроля у офицеров.

Ряд исследований на выборке военнослужащих с применением ОСПР провел шведский ученый П. Тунхольм. На основе множественного регрессионного анализа он установил, что самооценка (базовая и заработанная) и саморегуляция как общая способность инициировать и поддерживать намерения имеют хоть и ограниченную, но все же существенную ценность в качестве предикторов СПР [12, с. 941]. Положительный вклад указанные характеристики вносят в предсказание рационального стиля, а отрицательный – в предсказание зависимого и избегающего стилей, кроме того, они не связаны с интуитивным и спонтанным СПР. В этой же статье со ссылкой на работы признанных экспертов (К. Клаузевица и М. В. Кревельда) в области военной стратегии и искусства П. Тунхольм выделяет наиболее важные характеристики ситуаций принятия решений, присущие деятельности военнослужащих: неопределенность, связанную с недостаточной информированностью; ограниченность времени принятия решений; высокую степень сложности ситуации [12, с. 935].

В другом исследовании этими учеными были установлены положительные корреляции базовой самооценки, шкалы контроля действий (саморегуляции), рационального стиля с социальной желательностью [15, с. 230]. В эмпирической работе по проверке взаимосвязей СПР и дистресса у офицеров П. Тунхольм пришел к выводу о том, что избегающий стиль выступает в качестве предиктора дистресса, в то время как спонтанный стиль оказался меньше связан со стрессом в данной категории испытуемых [16, с. 217]. При этом спонтанный СПР также коррелировал с возрастом: чем моложе офицер, тем чаще он использует этот СПР. Научный и практический интерес представляет исследование различий в СПР у военных руководителей и их подчиненных [17]. Для руководителей более характерен спонтанный стиль, а менее характерны рациональный, зависимый и избегающий стили [17, с. 321]. Кроме того, П. Тунхольм установил, что СПР, измеряемые с помощью опросника ОСПР, который является методикой самоотчета, совпадают с реальным наблюдаемым поведением испытуемых [17, с. 323], т. е. отражаемые на уровне самосознания офицера модели поведения в ситуации принятия решений соответствуют его поведению в реальной ситуации.

Анализ представленных работ показывает, что рациональный СПР может использоваться в качестве доминирующего преимущественно в условиях отсутствия временных ограничений для принятия решений, что в основном не характерно для деятельности военнослужащих. В то же время в условиях лимита времени основным СПР для военных руководителей является спонтанный стиль. Вместе с тем открытым остается вопрос о представленности в регуляции решений и выборов военнослужащих свойств, составляющих их интеллектуально-личностный потенциал и отражающих наиболее важные из указанных ранее характеристик СПР [12, с. 935]. В настоящем исследовании это – толерантность и интолерантность к неопределенности, рациональность и готовность к риску, а также рефлексивность.

Методика и процедура исследования. Исследование СПР и адаптация опросника ОСПР были проведены в три этапа. *Первый этап* предполагал следующие действия:

- децентрированный (симметричный) перевод опросника с английского языка на русский независимыми экспертами, владеющими языком оригинала (два профессиональных переводчика с опытом работы от 2 до 5 лет, два кандидата психологических наук, свободно владеющих английским языком);

- согласование переводов и создание предварительной версии опросника с привлечением двух специалистов кафедры русского языка и культуры

речи Военной академии Республики Беларусь (далее – Военная академия);

- оценка содержательной валидности русскоязычного варианта опросника двумя экспертами, в качестве которых выступили знакомые с проблемной областью принятия решений психологи с учеными степенями «кандидат» и «доктор наук» и опытом работы более 20 лет;

- обратный перевод опросника на язык оригинала, осуществленный преподавателем кафедры иностранных языков Военной академии, который имеет большой практический опыт работы переводчиком;

- пилотажное исследование с применением предварительного варианта опросника.

Второй этап включал в себя экспериментальную проверку эквивалентности перевода на группах билингвов. На *третьем этапе* была проведена оценка следующих психометрических свойств опросника:

- надежность определялась следующими методами: оценкой по внутренней согласованности (коэффициент α Кронбаха); ретестовым методом после повторного исследования (через три месяца), применялся коэффициент корреляции r Пирсона;

- конструктивная валидность – определение факторной структуры опросника, оценка конвергентной и дискриминантной валидности через корреляции со шкалами других опросников.

В качестве инструментария для оценки валидности и исследования СПР применялись методики как непосредственно связанные с принятием решений, так и отражающие на уровне самосознания в своих шкалах свойства, входящие в интеллектуально-личностный потенциал человека согласно функционально-уровневой концепции принятия решений Т. В. Корниловой:

- опросник «Личностные факторы решений» Т. В. Корниловой, состоящий из двух шкал: «рациональность» и «готовность к риску». В контексте опросника «рациональность» означает готовность обдумывать свои решения и действовать при полной ориентировке в ситуации, а «готовность к риску» – решительность действий и готовность к принятию решений в ситуациях неопределенности с недостатком информации. При этом оба указанных свойства выступают в качестве свойств саморегуляции при принятии решений в широком контексте жизненных ситуаций;

- «Стиль принятия управленческих решений» Е. В. Марковой и А. В. Карпова. Под стилем принятия управленческих решений понимается устойчивый и предпочитаемый конкретным руководителем способ поведения в проблемной ситуации. Переменная стиля принятия управленческих решений представлена двумя конструктами второго порядка: личностной позицией руководителя в проблемной

ситуации (шкала «Поведение в проблемной ситуации») и его отношением к подчиненным как к субъектам решения (шкала «Властность»). «Поведение в проблемной ситуации» – это континуум стратегий руководителя в ситуации принятия решений, крайние полюсы которого представлены двумя позициями: негативное отношение к ситуации принятия решений, ее избегание (элиминация) и, напротив, принятие проблемной ситуации вплоть до ее продуцирования. Эта шкала отражает специфику процесса принятия управленческих решений как индивидуального выбора. «Властность» – континуум стратегий поведения руководителя по отношению к подчиненным, один полюс властности представлен жесткой требовательностью и отказом от привлечения подчиненных к принятию решений, а другой – максимально выраженной либеральностью. Властность отражает специфику процесса принятия управленческих решений как индивидуального (группового) выбора;

- новый опросник «Толерантность к неопределенности» Т. В. Корниловой. Он включает в себя три шкалы: «толерантность к неопределенности», «интолерантность к неопределенности» и «межличностная интолерантность к неопределенности». Толерантность к неопределенности в контексте опросника означает стремление к изменениям, новизне и оригинальности, предпочтение более сложных задач, самостоятельность и выход за рамки принятых ограничений. Интолерантность к неопределенности подразумевает стремление к ясности и упорядоченности во всем. Межличностная интолерантность к неопределенности – стремление к ясности и контролю в межличностных отношениях;

- опросник «Рефлексивность» А. В. Карпова. В понимании автора опросника вынесенное в название качество является обобщенным, присущим как когнитивной, так и личностной сферам;

- «Уровень субъективного контроля» Е. Ф. Бажина с соавторами, представленный в настоящей работе шкалой общей интернальности. Применялся вариант А методики, предназначенный для исследовательских целей. Высокие показатели по этой шкале свидетельствуют о высоком уровне субъек-

тивного контроля над значимыми ситуациями, что соотносится с представлениями людей об их ответственности за такие ситуации и за свою жизнь в целом;

- «16-факторный личностный опросник» Р. Кеттелла, форма С.

Обработка данных осуществлялась в системе *IBM SPSS Statistics 19*.

Контингент испытуемых. В исследовании приняли участие 456 человек, из них 80 респондентов вошли в группу для проведения пилотажного (предварительного) исследования, 35 человек, владеющих двумя языками, составили выборку для проверки эквивалентности перевода, 50 – выборку для проведения тест-ретеста, а 341 – выборку для оценки психометрических свойств опросника и исследования СПР. На всех этапах, за исключением оценки эквивалентности перевода опросника, испытуемые составляли смешанную выборку военнослужащих. В число респондентов входили курсанты и сержанты 1–3-х курсов технических специальностей, офицерский состав батальонов курсантов. Группа билингвов состояла из 35 студентов 3-го и 5-го курсов (25 и 10 человек соответственно) БГУ, обучающихся по специальностям «Международное право» и «Современные иностранные языки».

Результаты и их обсуждение. Предварительный русскоязычный вариант опросника был апробирован в ходе пилотажного исследования на выборке из 80 курсантов. Цель исследования – проверка реакции испытуемых на утверждения опросника, оценка дискриминативности пунктов и внутренней согласованности шкал. В дальнейшем вопросы дискриминативности и внутренней согласованности проверялись повторно на другой выборке, состоявшей из 341 военнослужащего, в ходе психометрической оценки опросника.

Оценка дискриминативности пунктов ОСПР осуществлялась путем вычисления коэффициента корреляции r Пирсона каждого пункта с общим баллом по соответствующей шкале. Для проверки внутренней согласованности шкал опросника, как было отмечено ранее, применялся коэффициент α Кронбаха (табл. 1).

Таблица 1

Данные о надежности-согласованности русскоязычного варианта опросника ОСПР

Table 1

Data on the reliability-consistency of the Russian-language version of the GDMS questionnaire

Наименование шкалы	Группы испытуемых	Количество испытуемых	Дискриминативность пунктов, r	Коэффициент Кронбаха, α
Рациональный СПР	Пилотажная группа	80	0,603** – 0,779**	0,735
Интуитивный СПР			0,493** – 0,745**	0,714
Зависимый СПР			0,328** – 0,781**	0,672
Избегающий СПР			0,707** – 0,849**	0,845
Спонтанный СПР			0,588** – 0,748**	0,777
Опросник в целом			–	0,807

Окончание табл. 1
Ending table 1

Наименование шкалы	Группы испытуемых	Количество испытуемых	Дискриминативность пунктов, r	Коэффициент Кронбаха, α
Рациональный СПР	Группа для оценки психометрических свойств	341	0,773** – 0,872**	0,876
Интуитивный СПР			0,567** – 0,862**	0,801
Зависимый СПР			0,644** – 0,821**	0,777
Избегающий СПР			0,725** – 0,810**	0,830
Спонтанный СПР			0,563** – 0,776**	0,707
Опросник в целом			–	0,755

** – $p < 0,01$.

Полученные данные свидетельствуют о надежности опросника (коэффициент α Кронбаха имеет «хороший» (0,8 и более) и «приемлемый» (0,7 и более) уровни) и согласуются с результатами зарубежных исследователей [7; 12; 18].

Показатели надежности опросника ОСПР, полученные на этапе пилотажного исследования, позволили без переформулировок его пунктов перейти

к этапу проверки эквивалентности перевода на группах билингов. Первой группе (18 человек) сначала предъявлялся русскоязычный вариант опросника, а затем – англоязычный. Второй группе (17 человек) – наоборот. Высокие коэффициенты корреляции между одноименными шкалами русского и английского вариантов опросника (табл. 2) подтверждают эквивалентность перевода.

Таблица 2

Корреляции между русским и английским вариантами опросника

Table 2

Correlations between the Russian and English variants of the questionnaire

Наименование шкалы	Коэффициент корреляции, r	Уровень значимости, p
Рациональный СПР	0,832	< 0,01
Интуитивный СПР	0,796	
Зависимый СПР	0,890	
Избегающий СПР	0,910	
Спонтанный СПР	0,845	
Опросник в целом	0,926	

Необходимо отметить, что при адаптации опросника ОСПР на шведской и итальянской выборках [12; 18] зарубежные исследователи не предоставляли информацию об этапе перевода опросника и проверке его эквивалентности оригиналу. Окончательный вариант перевода опросника представлен в табл. 3.

На заключительном этапе адаптации оценивались психометрические свойства опросника. На выборке военнослужащих (341 человек), не участвовавших в пилотажном исследовании, повторно были оценены дискриминативность пунктов и внутренняя согласованность (см. табл. 1). Кроме того, была проверена ретестовая надежность ОСПР (50 человек). Для проведения повторного тестирования был выбран временной интервал в три месяца. Это объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, в ходе анализа 20 эмпирических исследований с применением ОСПР (в том числе авторов опросника) не удалось обнаружить информа-

цию о его ретестовой надежности, вследствие чего мы не могли опираться в этом вопросе на работы зарубежных исследователей. Во-вторых, для проверки этого типа надежности, как правило, «стремятся выбирать непродолжительные временные интервалы» [19, с. 272]. Коэффициенты корреляции ретестовой надежности адаптируемого опросника достаточно высоки (табл. 4) и варьируются от 0,649 по шкале спонтанного СПР до 0,896 по опроснику в целом, что подтверждает стабильность измеряемых стилей и их устойчивость к повторному тестированию.

Таким образом, адаптируемый инструментарий (опросник ОСПР) по результатам проверки (дискриминативность пунктов, внутренняя согласованность, повторное тестирование) обладает достаточно высокой надежностью.

Первым шагом в оценке конструктивной валидности опросника стало установление его факторной структуры. Основываясь на результатах предыду-

щих эмпирических работ, мы ограничились проверкой пятифакторной модели, поскольку именно такая структура подтверждалась как авторами опросника, так и многими зарубежными исследователями. Адекватность применения эксплораторного факторного анализа к полученным эмпирическим данным подтверждалась значением коэффициента Кайзера – Мейера – Олкина (0,82) и значимостью коэффициента сферичности Бартлетта (3431,88;

$df = 300; p < 0,01$). Для проведения анализа был использован метод максимального правдоподобия с последующим варимакс-вращением и нормализацией по Кайзеру. Значения факторных нагрузок менее 0,3 в анализ не включались. Выделенные в исследовании пять факторов объясняют 50 % общей дисперсии (по данным С. Дж. Скотт и Р. А. Брюса – 45 % [7, с. 823]) и в целом не вызывают затруднений в интерпретации (табл. 5).

Таблица 3

Пункты русскоязычного варианта опросника ОСПР С. Дж. Скотт и Р. А. Брюса

Table 3

Items of the Russian-language version of the GDMS questionnaire S. J. Scott and R. A. Bruce

Стиль принятия решений	№ п/п	Соответствующие пункты
Рациональный	1	Я тщательно планирую свои важные решения
	2	Перед принятием решений я всегда перепроверяю свои источники информации, чтобы быть уверенным в том, что я располагаю необходимыми фактами
	3	Я принимаю важные решения методично и опираясь на логику
	4	Мое принятие решений требует серьезного обдумывания
	5	Принимая решения, я рассматриваю различные варианты, исходя из конкретной цели
Интуитивный	6	Принимая решения, я полагаюсь на свои предчувствия
	7	Когда я принимаю важные решения, я склонен полагаться на свою интуицию
	8	Я обычно принимаю решения, которые кажутся мне верными
	9	Когда я принимаю решение, для меня важнее чувствовать правильность принятия решения, чем рационально объяснить, почему я его принял
	10	Когда я принимаю решение, я доверяю своим внутренним чувствам
Зависимый	11	Когда принимаю важные решения, я часто прислушиваюсь к мнению других людей
	12	Я редко принимаю важные решения, не консультируясь с другими людьми
	13	Если у меня есть поддержка других, то мне легче принимать важные решения
	14	При принятии важных решений я пользуюсь советами других людей
	15	Когда я сталкиваюсь с важными решениями, я предпочитаю присутствие кого-то, кто направит меня по верному пути
Избегающий	16	Я избегаю принятия важных решений до тех пор, пока на меня не оказывается давление
	17	Я откладываю принятие решений, когда это возможно
	18	Когда приходит время принятия важных решений, я часто откладываю их на потом
	19	Я обычно принимаю важные решения в последнюю минуту
	20	Я откладываю принятие многих решений, потому что размышления о них вызывают у меня тревогу
Спонтанный	21	Я обычно принимаю спонтанные решения
	22	Я часто принимаю решения, не раздумывая
	23	Я обычно быстр при принятии важных для меня решений
	24	Я часто принимаю импульсивные решения
	25	Принимая решения, я делаю то, что представляется мне естественным в данный момент

Таблица 4

Коэффициенты корреляции ретестовой надежности опросника ОСПР

Table 4

Correlation coefficients of retest reliability correlation GDMS

Наименование шкалы	Коэффициент корреляции, r	Уровень значимости, p
Рациональный СПР	0,733	< 0,01
Интуитивный СПР	0,664	
Зависимый СПР	0,786	
Избегающий СПР	0,757	
Спонтанный СПР	0,649	
Опросник в целом	0,896	

Таблица 5

Факторная структура опросника ОСПР (после вращения)

Table 5

Factor structure of the GDMS questionnaire (after rotation)

Пункт опросника	Фактор				
	1	2	3	4	5
1	0,664	–	–	–	–
2	0,833	–	–	–	–
3	0,851	–	–	–	–
4	0,725	–	–	–	–
5	0,737	–	–	–	–
6	–	–	0,758	–	–
7	–	–	0,790	–	–
8	–	–	0,457	–	–
9	–	–	0,550	–	–
10	–	–	0,722	–	–
11	–	–	–	0,707	–
12	–	–	–	0,489	–
13	–	–	–	0,526	–
14	–	–	–	0,855	–
15	–	–	–	0,612	–
16	–	0,569	–	–	–
17	–	0,659	–	–	–
18	–	0,785	–	–	–
19	–	0,764	–	–	–
20	–	0,696	–	–	–
21	–	0,503	–	–	0,567
22	–	0,469	–	–	0,533
23	–	–	–	–	0,529
24	–	–	–	–	0,686
25	–	–	–	–	0,365

Первый фактор объясняет 12,6 % дисперсии и образован исключительно пунктами шкалы «Рациональный СПР». Третий и четвертый факторы объясняют 9,5 и 8,9 % общей дисперсии и аналогично фактору 1 образованы пунктами шкал «Интуитивный СПР» и «Зависимый СПР» соответственно. Второй фактор объясняет 12,4 % общей дисперсии и помимо пяти пунктов шкалы «Избегающий СПР» включает в себя с меньшими нагрузками пункты 21 («Я обычно принимаю спонтанные решения») и 22 («Я часто принимаю решения, не раздумывая»), также входящие в пятый фактор (6,6 % дисперсии), который, в свою очередь, образован только пунктами шкалы «Спонтанный СПР». Таким образом, указанные пункты с примерно одинаковыми факторными нагрузками входят одновременно в два фактора. Этот результат, очевидно, означает, что в сознании испытуемых подобные действия при принятии решений соотносятся не только со скоростью их реализации (спонтанностью), но и со стремлением снять с себя ответственность за данные решения, избавиться от этого бремени, что характерно для избегающего СПР. Определенная несогласованность факторной структуры опросника была обнаружена и в исследованиях зарубежных ученых. Например, в исследовании Э. Гамбетти с соавторами (Италия) два пункта, изначально относящиеся к шкале «Спонтанный СПР», также вошли в фактор, интерпретируемый как «Интуитивный СПР» [18, с. 849]. В совместном исследовании П. Кюрси (Румыния) и С. Шруер (Нидерланды) два пункта шкалы «Зависимый СПР» вошли в фактор, образованный пунктами шкалы «Спонтанный СПР» [11, с. 1057]. В целом можно констатировать, что пятифакторная модель ОСПР в настоящей работе также подтверждается, а отдельные различия в факторных нагрузках, полученные в исследованиях, отражают особенности субъективных репрезентаций выборок испытуемых относительно характеристик, изучаемых с помощью опросника.

Конвергентная валидность ОСПР определялась наличием прямых и обратных связей между СПР, с одной стороны, и шкалами методик, прошедших психометрическую проверку и подобранных, исходя из анализа теоретических источников, результатов эмпирических исследований и целей настоящей работы (новый опросник «Толерантность к неопределенности» Т. В. Корниловой, опросник «Личностные факторы принятия решений», «Стили принятия управленческих решений», «Рефлексивность» А. В. Карпова, «Уровень субъективного контроля» Е. Ф. Бажина с соавторами и «16-факторный личностный опросник» Р. Кеттелла) – с другой. Дискриминантная валидность подтверждалась отсутствием значимых корреляций СПР с теми показателями методик, с которыми не предполагается теоретическая связь. Перед определением указанных видов валидности распределение «сы-

рых» баллов по шкалам опросников проверялось на соответствие нормальному виду по критериям асимметрии и эксцесса. По всем шкалам, за исключением шкал «Рациональный СПР» и «Интолерантность к неопределенности», значения асимметрии и эксцесса находились в диапазоне от -1 до $+1$, что в целом соответствует нормальному виду [20, с. 117]. Исходя из этого было проведено ранжирование баллов по шкалам, в ходе исследования и определения валидности применялся коэффициент r_s Спирмена.

Рациональный СПР ($M = 21,4$; $\sigma = 3,36$) положительно коррелирует с рациональностью по опроснику «Личностные факторы принятия решений», властью и поведением в проблемной ситуации по опроснику «Стили принятия управленческих решений», интолерантностью к неопределенности, рефлексивностью, общей интернальностью по «Уровню субъективного контроля», эмоциональной стабильностью (С), нормативностью поведения (G), смелостью (H), радикализмом (Q_1), самоконтролем (Q_3) и самооценкой (MD) (диапазон значений корреляций коэффициента r_s Спирмена от 0,15 до 0,36 ($p < 0,01$)). Напротив, отрицательные связи установлены с межличностной толерантностью к неопределенности, подозрительностью (L), мечтательностью (M), нонконформизмом (Q_2) и напряженностью (Q_4) по тесту Р. Кеттелла (вариабельность значений от $-0,11$ ($p < 0,05$) до $-0,21$ ($p < 0,01$)). Полученные результаты согласуются с исследованием рационального СПР и локуса контроля авторами опросника [7]: чем выше рациональность при принятии решений, тем более интернален человек. Кроме того, интернальность предполагает уверенность в себе, высокую самооценку, решительность, самостоятельность и, как следствие этих качеств, доверчивость и расслабленность. В части, касающейся связи рационального СПР с самооценкой, результаты, полученные нами, согласуются с данными П. Тунхольма [12]. Корреляцию рационального стиля с рациональностью (по опроснику «Личностные факторы решений») можно рассматривать как критериальную валидность названной шкалы. Подтверждением дискриминантной валидности является отсутствие связи с готовностью к риску.

Конвергентную и дискриминантную валидность шкалы *интуитивный СПР* ($M = 18,3$; $\sigma = 3,91$) подтверждает отсутствие связи с рациональностью ($r_s = 0,00$; $p = 0,98$) и наличие связи с готовностью к риску ($r_s = 0,23$; $p < 0,01$). Кроме того, этот стиль положительно взаимосвязан с толерантностью к неопределенности, интолерантностью к неопределенности и доминантностью (E) и отрицательно взаимосвязан с поведением в проблемной ситуации и общей интернальностью по опроснику «Уровень субъективного контроля» (значения коэффициента корреляции – от 0,12 ($p < 0,05$) до 0,23 ($p < 0,01$)). Одновременная связь *интуитивного СПР* с толерант-

ностью к неопределенности и интолерантностью к неопределенности не является противоречивой, поскольку эти свойства, согласно Т. В. Корниловой, не являются полярными, а образуют разные факторы. Кроме того, нами была установлена слабая, но значимая корреляция между интуитивным и рациональным СПР ($r_s = 0,13$; $p < 0,05$), что, с одной стороны, не исключает возможности взаимовлияния стилей, а с другой – предполагает опору военнослужащих в ситуации принятия решений одновременно и на интуицию (предчувствия), и на рациональность. Данный результат не является противоречивым и согласуется с положением об эмпирической вероятности сочетания указанных СПР, выдвинутого Р. Г. Хантом с соавторами [21]. Корреляция интуитивного СПР с толерантностью к неопределенности и готовностью к риску, в свою очередь, согласуется с гипотезой Т. В. Корниловой о единой латентной переменной «Принятие неопределенности и риска», которая включает в себя готовность к риску, толерантность к неопределенности и доверие интуиции (шкалы опросника С. Эпстайна) [22].

Отсутствие корреляции *зависимого СПР* ($M = 17,2$; $\sigma = 3,69$) с общей интернальностью по «Уровню субъективного контроля» не согласуется с результатами исследования авторов опросника [7], которые выявили отрицательную связь указанных характеристик и на основании этого пришли к выводу о том, что данный стиль присущ экстерналам. Результаты нашего исследования позволяют предположить, что военнослужащим с зависимым СПР могут быть присущи как интернальный, так и экстернальный уровни субъективного контроля. Остальные связи прямо или косвенно подтверждают валидность шкалы «Зависимый СПР». Слабая, но значимая корреляция с дипломатичностью (N) ($r_s = -0,18$; $p < 0,01$) является свидетельством непосредственности и сентиментальности, отсутствия расчетливости и искушенности, что вполне может предполагать зависимое поведение. Прямым подтверждением конвергентной валидности является отрицательная связь шкалы «Зависимый СПР» с нонконформизмом (Q_2): ($r_s = -0,14$; $p < 0,01$), а также с поведением в проблемной ситуации ($r = -0,12$; $p < 0,05$), поскольку по данным авторов опросника «Стиль принятия управленческих решений», указанный конструкт включает в себя, помимо прочих, такие личностные характеристики, как «решительность», «ответственность» и «мотивация достижений», а в числе когнитивно-стилевых характеристик находятся «когнитивно-поисковая активность», «степень риска» и «склонность к неопределенности» [6, с. 31]. Верификацией дискриминантной валидности зависимого СПР, по нашему мнению, является отсутствие значимых связей с факторами A (замкнутость – общительность),

F (сдержанность – экспрессивность) и M (практичность – мечтательность) по тесту Р. Кеттелла.

Избегающий СПР ($M = 10,9$; $\sigma = 3,86$) имеет положительные связи с межличностной интолерантностью к неопределенности, подозрительностью (L), тревожностью (O), нонконформизмом (Q_2) и напряженностью (Q_4) (диапазон значений корреляций от 0,16 до 0,28, все при $p < 0,01$). Если четыре из указанных связей подтверждают конвергентную валидность шкалы «Избегающий СПР», то положительная корреляция с фактором Q_2 не соответствует традиционным представлениям о нем. Проясняют выявленное несоответствие положительные связи факторов L и O с Q_2 : подозрительность (L) предполагает излишние сомнения, недоверие, а также повышенную тревожность (O), которые, несомненно, могут быть характерны для личности, избегающей принятия решений, в таком случае положительная связь рассматриваемого стиля с нонконформизмом может быть следствием влияния указанных личностных черт и не выглядит противоречиво. Множественные отрицательные связи с рациональностью, поведением в проблемной ситуации, интолерантностью к неопределенности, рефлексивностью, общей интернальностью по «Уровню субъективного контроля», самооценкой (MD), общительностью (A), эмоциональной стабильностью (C), нормативностью поведения (G), смелостью (H), дипломатичностью (N), радикализмом (Q_1) и высоким самоконтролем (Q_3) (вариабельность значений коэффициента корреляции от $-0,11$ до $-0,32$) также являются подтверждением конвергентной валидности шкалы. Кроме того, корреляции данного стиля с интернальностью и самооценкой согласуются с исследованиями зарубежных авторов [7; 12]. Судя по выявленным взаимосвязям избегающего СПР, можно предположить его полярность рациональному СПР, корреляции которого со шкалами опросников, используемых в исследовании, практически идентичны, но имеют противоположную направленность. Это предположение отчасти подтверждает и значимая отрицательная связь между указанными стилями ($r_s = -0,33$; $p < 0,01$). Дискриминантная валидность верифицируется отсутствием значимых связей с факторами B (конкретное мышление – абстрактное мышление), F (сдержанность – экспрессивность) и M (практичность – мечтательность) по тесту Р. Кеттелла, а также с готовностью к риску как личностному свойству саморегуляции при принятии решений по опроснику «Личностные факторы принятия решений».

О конвергентной валидности шкалы *Спонтанный СПР* ($M = 13,3$; $\sigma = 3,51$) можно судить на основании ее связей с готовностью к риску, доминантностью (E), экспрессивностью (F), подозрительностью (L) и напряженностью (Q_4) (значения коэффициента корреляции от 0,11 ($p < 0,05$) до 0,24

($p < 0,01$). Отрицательные корреляции шкалы с рациональностью, поведением в проблемной ситуации, рефлексивностью, общей интернальностью по «Уровню субъективного контроля», самооценкой (MD), эмоциональной стабильностью (C), нормативностью поведения (G), дипломатичностью (N), радикализмом (Q_1) и высоким самоконтролем (Q_3) (вариабельность значений коэффициента корреляции от $-0,11$ до $-0,28$) также верифицируют этот тип валидности. По результатам корреляционного анализа можно, в частности, согласиться с мнением П. Тунхольма относительно того, что спонтанный СПР следует рассматривать как высокоскоростной интуитивный СПР, поскольку были выявлены аналогичные связи с готовностью к риску, доминантностью и рядом других показателей по обоим стилям. Кроме того, обнаружена и значимая положительная связь между этими стилями ($r_s = 0,15$; $p < 0,01$). Тем не менее в представлении испытуемых спонтанный стиль соотносится, скорее, с избегающим, чем с интуитивным стилем, подтверждением этому является величина коэффициента их корреляции ($r_s = 0,31$; $p < 0,01$), а также результат факторного анализа. Дискриминантная валидность установлена отсутствием значимых связей с факторами А (замкнутость – общительность), В (конкретное мышление – абстрактное мышление), I (жесткость – чувствительность), М (практичность – мечтательность), Q_1 (консерватизм – радикализм) и Q_2 (конформизм – нонконформизм).

Заключительным этапом адаптации теста, как правило, является его стандартизация. Однако ввиду отклонения распределения от нормального вида по шкале «Рациональный СПР», а также специфики выборки испытуемых, этот этап не проводился и опросник ОСПР выступает в качестве исследовательской методики, что вполне допустимо.

Таким образом, в процессе исследования был получен новый для отечественной психологии исследовательский инструментарий, обладающий хорошими психометрическими характеристиками и предназначенный для изучения СПР. Было выявлено, что военнослужащие при принятии решений чаще опираются на рациональный и интуитивный стили. Определены связи СПР с интеллектуально-личностным потенциалом испытуемых. Через корреляции с показателями опросников, используемых в исследовании, были уточнены концептуальные основания СПР. Можно констатировать, что все они (за исключением зависимость СПР) предполагают саморегуляцию при принятии решений, связаны с уровнем субъективного контроля и интеллектуально-личностным потенциалом военнослужащих. Перспективным направлением дальнейшей работы является исследование СПР различных профессиональных групп и стандартизация опросника, а относительно нашей выборки – построение структурной модели принятия решений разными категориями военнослужащих (курсантами, сержантами и офицерами).

Библиографические ссылки

1. Холодная МА. *Когнитивные стили. О природе индивидуального ума*. Санкт-Петербург: Питер; 2004.
2. Толочек ВА. Стили профессиональной деятельности в условиях взаимодействия субъектов. *Психологический журнал*. 2000;21(3):96–103.
3. Rowe AJ, Mason OR. *Managing with style: a guide to understanding, assessing, and improving decision making*. San Francisco: Jossey-Bass; 1987. p. 189–198.
4. Бруско К, Драйвер М, Ларссон Р, Уриан Г. Как принимают решения опытные начальники. *Harvard Business Review*. Россия. Апрель 2006: 74–85.
5. Адизес ИК. *Идеальный руководитель: почему им нельзя стать и что из этого следует*. Гутман Т, переводчик. Москва: Альпина Бизнес Букс; 2007.
6. Карпов АВ, Маркова ЕВ. *Психология стилей управленческих решений*. Ярославль: Открытое общество; 2003.
7. Scott SG, Bruce RA. Decision-making style: the development and assessment of a new measure. *Educational and Psychological Measurement*. 1995;55(5):818–831. DOI: 10.1177/0013164495055005017.
8. Baiocco R, Laghi F, D'Alessio M. Decision-making style among adolescents: relationship with sensation seeking and locus of control. *Journal of Adolescence*. 2009;32(4):963–976. DOI: 10.1016/j.adolescence.2008.08.003.
9. Sadler-Smith E. Cognitive style of the management of small and medium-sized enterprises. *Organization Studies Journal*. 2004;25(2):155–181.
10. Spicer DP, Sadler-Smith E. An examination of the general decision making style questionnaire in two UK samples. *Journal of Managerial Psychology*. 2005;20(2):137–149.
11. Curşeu PL, Schruijer S. Decision styles and rationality: an analysis of the predictive validity of the general decision-making style inventory. *Education and Psychology Measurement Journal*. 2012;72(6):1053–1062. DOI: 10.1177/0013164412448066.
12. Thunholm P. Decision-making style: habit, style or both? *Personality and Individual Differences Journal*. 2004;36(4):931–944.
13. Лобанов АП. *Интеллект и когнитивные стили*. Орша: Диалъ; 2006.
14. Appelt KC. The decision making individual differences inventory and guidelines for the study of individual differences in judgment and decision-making research. *Judgment and Decision Making*. 2011;6(3):252–262.
15. Thunholm P. Social desirability in personality testing of military officers. *Military Psychology*. 2001;13(4):223–234. DOI: 10.1207/S15327876MP1304_3.
16. Thunholm P. Decision-making styles and physiological correlates of negative stress: is there a relation? *Scandinavian Journal of Psychology*. 2008;49(3):213–219. DOI: 10.1111/j.1467-9450.2008.00640.x.
17. Thunholm P. Military leaders and followers – do they have different decision styles? *Scandinavian Journal of Psychology*. 2009;50(4):317–324. DOI: 10.1111/j.1467-9450.2009.00714.x.

18. Gambetti E, Fabbri M, Bensi L, Tonetti L. A contribution to the Italian validation of the general decision-making style inventory. *Personality and individual differences*. 2008;44(4):842–852. DOI: 10.1016/j.paid.2007.10.017.
19. Бурлачук ЛФ. *Словарь-справочник по психодиагностике*. Санкт-Петербург: Питер; 2007.
20. Наследов АД. *SPSS 19: профессиональный статистический анализ данных*. Санкт-Петербург: Питер; 2011.
21. Hunt RG. Cognitive style and decision-making. *Organization Behavior and Human Decision Processes*. 1989;44(3):436–453.
22. Корнилова ТВ. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностной регуляций решений и выборов. *Психологический журнал*. 2013;34(3):89–100.

References

1. Holodnaya MA. *Kognitivnye stili. O prirode individual'nogo uma* [Cognitive styles. About the nature of the individual mind]. Saint Petersburg: Piter; 2004. Russian.
2. Tolochev VA. Stili professional'noi deyatel'nosti v usloviyakh vzaimodeystviya sub'ektov [The styles of professional activity in the conditions of subjects interaction]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychology Journal]. 2000;21(3):96–103. Russian.
3. Rowe AJ, Mason OR. *Managing with style: a guide to understanding, assessing, and improving decision making*. San Francisco: Jossey-Bass; 1987. p. 189–198.
4. Brusov K, Driver M, Larsson R, Urian G. Kak prinyimayut resheniya opytnye nachal'niki [How experienced managers make decisions]. *Harvard Business Review – Russia*. 2006 April:74–85. Russian.
5. Adizes IK. *The ideal executive: Why you cannot be one at and what to do about it*. Santa Barbara: The Adizes Institute Publishing; 2004.
Russian edition: Adizes IK. *Ideal'nyi rukovoditel': pochemu im nel'zya stat' i chto iz etogo sleduet*. Gutman T, translator. Moscow: Al'pina Business Books; 2007.
6. Karpov AV, Markova EV. *Psikhologiya stilei upravlencheskikh reshenii* [Psychology of management decision styles]. Yaroslavl': Otkrytoe obshchestvo; 2003. Russian.
7. Scott SG, Bruce RA. Decision-making style: the development and assessment of a new measure. *Educational and Psychological Measurement*. 1995;55(5):818–831. DOI: 10.1177/0013164495055005017.
8. Baiocco R, Laghi F, D'Alessio M. Decision-making style among adolescents: relationship with sensation seeking and locus of control. *Journal of Adolescence*. 2009;32(4):963–976. DOI: 10.1016/j.adolescence.2008.08.003.
9. Sadler-Smith E. Cognitive style of the management of small and medium-sized enterprises. *Organization Studies Journal*. 2004;25(2):155–181.
10. Spicer DP, Sadler-Smith E. An examination of the general decision making style questionnaire in two UK samples. *Journal of Managerial Psychology*. 2005;20(2):137–149.
11. Curşeu PL, Schruijer S. Decision styles and rationality: an analysis of the predictive validity of the general decision-making style inventory. *Education and Psychology Measurement Journal*. 2012;72(6):1053–1062. DOI: 10.1177/0013164412448066.
12. Thunholm P. Decision-making style: habit, style or both? *Personality and individual differences Journal*. 2004;36(4):931–944.
13. Lobanov AP. *Intellekt i kognitivnye stili* [Intelligence and cognitive styles]. Orsha: Dial; 2006. Russian.
14. Appelt KC. The decision making individual differences inventory and guidelines for the study of individual differences in judgment and decision-making research. *Judgment and decision Making*. 2011;6(3):252–262.
15. Thunholm P. Social desirability in personality testing of military officers. *Military Psychology*. 2001;13(4):223–234. DOI: 10.1207/S15327876MP1304_3.
16. Thunholm P. Decision-making styles and physiological correlates of negative stress: is there a relation? *Scandinavian Journal of Psychology*. 2008;49(3):213–219. DOI: 10.1111/j.1467-9450.2008.00640.x.
17. Thunholm P. Military leaders and followers – do they have different decision styles? *Scandinavian Journal of Psychology*. 2009;50(4):317–324. DOI: 10.1111/j.1467-9450.2009.00714.x.
18. Gambetti E, Fabbri M, Bensi L, Tonetti L. A contribution to the Italian validation of the general decision-making style inventory. *Personality and individual differences*. 2008;44(4):842–852. DOI: 10.1016/j.paid.2007.10.017.
19. Burlachuk LF. *Slovar'-spravochnik po psikhodiagnostike* [Dictionary-reference book on psychodiagnostics]. Saint Petersburg: Piter; 2007. Russian.
20. Nasledov AD. *SPSS 19: professional'nyi statisticheskii analiz dannykh* [SPSS 19: Professional Statistical Analysis of Data]. Saint Petersburg: Piter; 2011. Russian.
21. Hunt RG. Cognitive style and decision-making. *Organization Behavior and Human Decision Processes*. 1989;44(3):436–453.
22. Kornilova TV. [Psychology of ambiguity: unity of intellectual and personal regulation of decisions and choices]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychology Journal]. 2013;34(3):89–100. Russian.

Статья поступила в редколлегию 23.01.2018.
Received by editorial board 23.01.2018.

К ВОПРОСУ О СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ ДОСТОВЕРНОСТИ ПОКАЗАНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

И. А. ФУРМАНОВ¹⁾, И. Е. МЕТЛИЦКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

На основе анализа современных правовых и психологических подходов рассматриваются перспективы применения нового вида судебной экспертизы – судебной экспертизы психологических признаков достоверности показаний в уголовном процессе. С позиции системного подхода предлагается структура психологических критериев оценки достоверности показаний в уголовном процессе, исходя из той функциональной нагрузки, которую они несут в криминалистике и юридической психологии. Теоретически обоснована методология судебной экспертизы психологических признаков достоверности показаний в уголовном процессе.

Ключевые слова: источники доказательств; показания подозреваемых; показания свидетелей; показания потерпевших; верификация лжи; признаки сознательной неискренности.

TO THE QUESTION ON JUDICIAL EXAMINATION OF PSYCHOLOGICAL SIGNS OF RELIABILITY OF INDICATIONS IN CRIMINAL TRIAL

I. A. FOURMANOV^a, I. E. METLICKIJ^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: I. E. Metlickij (metlitsky@bk.ru)

In article on the basis of the analysis of modern legal and psychological approaches, prospects of application of a new kind of judicial examination – judicial examination of psychological signs of reliability of indications in criminal trial are considered. From a position of the system approach the structure of psychological criteria of an estimation of reliability of indications in criminal trial, proceeding from that functional loading which they bear in criminalistics and legal psychology is offered. The methodology of judicial examination of psychological signs of reliability of indications in criminal trial is theoretically proved.

Key words: sources of proofs; indications of suspects; the witnesses who have suffered; lie verification; signs of conscious insincerity.

Один из наиболее часто встречающихся видов противодействия раскрытию и расследованию преступлений со стороны заинтересованных лиц –

недостоверность показаний подозреваемых, свидетелей и потерпевших, связанных с конкретным криминальным событием. Воспрепятствование

Образец цитирования:

Фурманов ИА, Метлицкий ИЕ. К вопросу о судебной экспертизе психологических признаков достоверности показаний в уголовном процессе. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2018;3:107–112.

For citation:

Fourmanov IA, Metlickij IE. To the question on judicial examination of psychological signs of reliability of indications in criminal trial. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2018;3:107–112. Russian.

Авторы:

Игорь Александрович Фурманов – доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой психологии факультета философии и социальных наук.

Игорь Евгеньевич Метлицкий – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Authors:

Igor A. Fourmanov, doctor of science (psychology), full professor; head of the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.

fourmigor@gmail.com

Igor E. Metlickij, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.

metlitsky@bk.ru

расследованию общественно опасного деяния осуществляется различными способами: от утаивания и искажения информации в форме умолчания до отказа от дачи показаний. Это – пассивные способы сокрытия информации о преступлении. Активное противодействие всестороннему и объективному расследованию преступления, в свою очередь, проявляется в полной фальсификации информации. Уровень проявления феномена недостоверности показаний в разных странах отличается, однако для всех правоохранительных органов проблемы, возникающие из-за негативных последствий лже-свидетельства, одинаковы: осложняется процесс расследования по уголовным делам и увеличивается временной интервал предварительного следствия [1, с. 12].

Очевидно, что комплексный подход к организации раскрытия и расследования преступлений может быть реализован путем активной интеграции в стратегию и тактику криминалистики приемов и средств, которые разрабатываются юридической психологией. Как нам представляется, назначение судебной экспертизы в целях оценки психологических признаков достоверности показаний участников уголовного процесса способно восполнить пробел в сборе доказательств по уголовному делу и существенно расширить возможности установления обстоятельств, имеющих значение для конкретного криминального события.

С позиции формально-правового подхода *доказательства*, как указывает ч. 1 ст. 88 «Доказательства» Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК РБ), – любые фактические данные, полученные в предусмотренном законом порядке, на основании которых орган, ведущий уголовный процесс, устанавливает наличие или отсутствие общественно опасного деяния, предусмотренного законом, виновность либо невиновность лица, совершившего это деяние, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела [2]. Вероятно, можно полагать, что в данном контексте в качестве любых фактических данных выступают факты, механизмы и закономерности психической деятельности человека, имеющие возможность оказать содействие ведущему уголовный процесс органу в реализации основных принципов правосудия (законность, полнота, объективность, всесторонность) по защите прав, свобод и интересов тех физических и юридических лиц, которым преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред.

Источники доказательства – показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, заключение эксперта, вещественные доказательства, протоколы следственных действий и судебного заседания, оперативно-розыскные

мероприятия, иные документы и другие носители информации, полученные в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 88 УПК РБ [2]. Как видим, законодатель не исключает того факта, что другими носителями информации могут выступать материалы фото- и киносъемки, звуко- и видеозаписи, а также иные носители информации, полученные, истребованные или предъявленные в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 103 УПК РБ «Собирание доказательств». Логично предположить, что материалы аудио- и видеofиксации психической деятельности (например, вербальные и невербальные реакции) подозреваемых, обвиняемых, свидетелей и потерпевших, полученные в предусмотренном законом порядке (ч. 2 ст. 100 УПК РБ «Иные документы и другие носители информации»), также могут быть приняты в качестве носителей важной информации по конкретному криминальному событию.

Показания подозреваемого – сведения, сообщенные подозреваемым в устной или письменной форме на допросе, который проводился на предварительном следствии или дознании в порядке, предусмотренном ст. 215–221 УПК РБ, а также при производстве иных следственных действий с участием подозреваемого. К иным следственным действиям законодатель относит доказательства, полученные при проведении судебных, в том числе и судебно-психологических экспертиз (ст. 91 УПК РБ «Показания подозреваемого») [2]. *Показания обвиняемого*, согласно ст. 92 УПК РБ «Показания обвиняемого», – сведения, сообщенные обвиняемым в устной или письменной форме на допросе, который проводился на предварительном следствии или дознании в порядке, предусмотренном ст. 215–221, 224, 327 и 331 УПК РБ [2]. *Показания потерпевшего* – сведения, сообщенные потерпевшим в устной или письменной форме на допросе, который проводился на предварительном следствии или дознании в порядке, предусмотренном ст. 215–221, 329, 331 и 332 УПК РБ (ст. 93 УПК РБ «Показания потерпевшего») [2]. И, наконец, *показания свидетеля*, согласно ст. 94 УПК РБ «Показания свидетеля», – сведения, сообщенные свидетелем в устной или письменной форме на допросе, который проводился на предварительном следствии или дознании в порядке, предусмотренном ст. 215–221 УПК РБ [2].

Таким образом, содержание показаний подозреваемого, обвиняемого, свидетеля и потерпевшего в самом общем виде, согласно ч. 2 ст. 104 УПК РБ «Проверка доказательств», – сведения, объективность и полноту которых необходимо проверить путем анализа посредством сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в материалах уголовного дела, установления источника этих сведений и получения других дока-

зательств, подтверждающих либо опровергающих проверяемое доказательство [2]. Далее, в ч. 6 ст. 105 УПК РБ «Оценка доказательств» законодатель четко указывает на тот факт, что доказательства признаются достоверными в том случае, когда они соответствуют действительности. Однако критерии соответствия доказательств (в том числе и показаний подозреваемых, обвиняемых, свидетелей и потерпевших) действительности в УПК РБ четко не установлены [2].

Согласно ч. 2 ст. 217 УПК РБ лицо, вызванное на допрос в качестве потерпевшего или свидетеля, предупреждается об уголовной ответственности по ст. 401 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Заведомо ложное показание» за отказ или уклонение от дачи показания, а также за дачу заведомо ложных показаний [2; 3].

Следовательно, нормативно-правовая база Республики Беларусь не исключает того факта, что органом дознания, следствием и судом может быть назначена судебная экспертиза психологических признаков достоверности показаний, данных в уголовном процессе.

Анализ исследований в области верификации лжи позволяет говорить о том, что основная часть экспериментальных разработок зарубежных ученых (П. Экман, У. Фриезен, К. Шерер, А. Мехрабиан, О. Фрай) имеет своей целью выявление конкретных поведенческих реакций собеседников, сознательно искажающих информацию [4–6]. После систематизации результатов наблюдения за реакциями респондентов авторы предлагают набор характеристик ложного поведения или поведения, воспринимаемого как ложное. Недостатком таких исследований является тот факт, что полученные данные не дают ответа на вопрос о том, каким образом наблюдатель решает, было воспринятое им сообщение ложным или правдивым. По мнению С. И. Симоненко, представленные учеными экспериментальные исследования интерпретируются авторами не только в отрыве от какого-либо теоретического обоснования данной проблемы, но и без предоставления статистически надежных эмпирических данных в поддержку своих утверждений [7, с. 6].

Попытки верификации достоверности свидетельских показаний во второй половине XX в. среди ученых Западной Европы привели к появлению в научной литературе феномена «общая правдивость свидетеля», что является способностью свидетеля полно, точно и детально воспроизводить увиденное, услышанное или пережитое в прошлом при наличии у него стойкости к внушению, низкой аффективной возбудимости и отсутствии склонности к приукрашиванию событий. При этом общая оценка достоверности показаний свидетеля делается на основе результатов судебного интервью (обработанного по методу анализа утверждений)

и личного профиля свидетеля, составленного на основе результатов психологического обследования [1, с. 14; 8].

Третье направление в исследовании достоверности показаний свидетелей строится на диагностике ложных высказываний по вербальным признакам с позиции лингвистического анализа [9].

Ретроспективный анализ отечественных и зарубежных подходов, целью которого являлась попытка классифицировать признаки сознательной неискренности, позволяет говорить о наличии в научных разработках достаточно большого количества таких признаков, в то время как систематизация психофизиологических реакций, их ориентирующее значение, организация методики проведения судебной экспертизы психологических признаков достоверности показаний подозреваемых, свидетелей и потерпевших до настоящего времени ни в общей, ни в специальной литературе не были представлены. Например, А. Р. Ратинов предлагает пять основных признаков лжи, которые ранее были изложены в исследованиях Ф. Луважа [10]. В свою очередь, А. В. Дулов акцентирует внимание дознавателей и следователей на четырех основных признаках лжи, которые могут быть диагностированы у подозреваемого или обвиняемого посредством фиксации его выразительных движений, изменения в вегетативной нервной системе, резкого изменения психического состояния, немедленной словесной реакции. Содержание последней определяет действительное и ранее скрываемое отношение к предъявляемой информации [11, с. 322–324].

Идеи классификации признаков сознательной неискренности с точки зрения самопроизвольных словесных высказываний и паралингвистических сигналов в свое время придерживались Л. М. Карнеева, Ф. В. Глазырин, А. Кавалиерис и др. [12, с. 68; 13, с. 81, 84, 91–92; 14].

Однако одна из наиболее полных классификаций невербальных средств визуальной психодиагностики посредством анализа невербального поведения, невербальной коммуникации, невербального общения и невербальной интеракции была предложена В. А. Лабунской [15, с. 27–42]. Тем не менее конкретная методология и методика выявления сознательной неискренности участников уголовного процесса в условиях расследования и раскрытия преступлений автором разработана не была.

В современных подходах, касающихся верификации лжи в процессе коммуникации, количество признаков (поведенческих реакций) сознательной неискренности в своей положительной динамике не имеет линейной зависимости: О. Фрай выдвинул 7 признаков; С. И. Симоненко – 14; А. Г. Гельманов и С. А. Гонтарь, В. Ф. Енгальчев – 23; М. Ю. Коваленко – 13 [1; 5; 7, с. 23; 16, с. 50; 17].

Вероятно, методологические положения и подходы к классификации психологических признаков лжи в процессе коммуникации, изложенные в научных разработках исследователей, и привносят определенный вклад в психотехнику выявления сознательной неискренности коммуникаторов, однако некоторые из них носят дискуссионный характер и вряд ли их можно трактовать однозначно. С позиции диалектики очевидно: следует исходить из того, что за всеми проявлениями активности виновных и невиновных лиц, на первый взгляд кажущихся точным маркером конкретной формы лжи, могут стоять факторы различного порядка, в том числе не имеющие никакого отношения к поведению заподозренных во лжи. Поэтому диагностика сознательной неискренности подозреваемых, свидетелей и потерпевших предполагает реализацию комплексного подхода при проведении судебной экспертизы психологических признаков достоверности показаний.

Мы полагаем, что методологическая основа такого нового вида судебной экспертизы может быть разработана в рамках психологии восприятия экспрессивного поведения как средства общения с позиции внешне наблюдаемого отражения внутренне скрытых психических состояний человека, его эмоций, отношений и свойств личности. Иными словами, непрерывно изменяющиеся внутренние состояния человека динамично выражаются в его внешнем облике в виде совокупности определенных признаков, организующихся в пространственно-временные структуры. В свою очередь, каждая такая структура включает в себя конкретные характеристики физиологических появлений, речевых актов, мимики, пантомимики, пара- и экстралингвистики. Наша позиция во многом совпадает с идеями А. А. Бодалева и В. А. Лабунской, в исследованиях которых экспрессивное поведение представлено некоторым сигнальным комплексом (своего рода индикатором) внутренней гармонии или дисгармонии человека в процессе общения, информирующим другого человека о психических состояниях и процессах партнера по деятельности [15; 18].

Обоснованием предлагаемой парадигмы является представление о природе лжи как о внутреннем конфликте, основу которого составляет борьба между двумя комплексами, один из них базируется на реальном криминальном событии, а другой – на ложной информации, посредством которой подозреваемый, свидетель или потерпевший стремятся утаить или исказить истинный характер преступления. Внешне конфликт может найти свое выражение в виде характерных поведенческих экспрессий человека на двух уровнях: физиологическом и психологическом (вербальные и невербальные реакции). Физиологический уровень отражают кожно-гальванические реакции: изменение цвета

кожи, нервный тик, тремор конечностей и т. п. Вербальные реакции (смысловое содержание речевых высказываний, то, что именно говорится) – отклики человека на поставленные перед ним вопросы в форме слов и словосочетаний. Невербальные реакции – самопроизвольные словесные высказывания («проговорки»), которые возникают как реакции на специфическое психическое влияние, а также динамика жестов (чаще – микрожестов), паралингвистические сигналы (всевозможные вкрапления в речь), микровыражения (изменение лицевых паттернов) и движение глаз. Сопутствуя вербальному содержанию ответа, такие реакции могут самостоятельно указывать не только на особенности психического состояния (переживания, эмоции), но и на возможные причины конкретных реакций человека. Поэтому именно поведенческие экспрессии выступают в качестве предмета судебной экспертизы психологических признаков достоверности показаний в уголовном процессе.

Таким образом, нормативно-правовая база Республики Беларусь (УПК РБ) не исключает того факта, что органом дознания, следствием и судом может быть назначена судебная экспертиза психологических признаков достоверности показаний в уголовном процессе.

Ложные показания подозреваемых, свидетелей и потерпевших на стадии предварительного расследования и судебного следствия в рамках психологии восприятия экспрессивного поведения образуют комплекс реакций человека, которые могут быть представлены двумя уровнями (физиологический и психологический) и диагностированы при проведении судебной экспертизы психологических признаков достоверности показаний в уголовном процессе.

В качестве итога проведенного исследования можно привести следующие постулаты:

1) существует необходимость в признании органами дознания, следствия и суда самой идеи нового вида судебной экспертизы – экспертизы психологических признаков достоверности показаний в уголовном процессе, которая полностью согласуется с критериями процессуальной допустимости доказательств, не имеет никаких преимуществ перед другими доказательствами и по общему праву может быть оценена в совокупности с ними;

2) важна разработка сотрудниками кафедры психологии факультета философии и социальных наук БГУ совместно с заинтересованными органами, ведущими дознание, предварительное расследование и судебное следствие, общей методологии и методической базы судебной экспертизы психологических признаков достоверности показаний в уголовном процессе;

3) надлежит определить границы компетенции эксперта-психолога при проведении нового вида судебной экспертизы.

Библиографические ссылки

1. Енгальчев ВФ, Кравцова ГК, Холопова ЕК. *Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий)*. Москва: Юрлитинформ; 2016. 328 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобрен Советом Республики 30 июня 1999 г.: подписан Президентом Республики Беларусь 16 июля 1999 г. № 295-З. Эталон-Беларусь. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. Минск; 1999.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобрен Советом Республики 24 июня 1999 года: подписан Президентом Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 227-З. Эталон-Беларусь. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. Минск; 2003.
4. Мехрабян А. *Психодиагностика невербального поведения: практикум по психодиагностике*. Санкт-Петербург: Речь; 2001. 256 с.
5. Фрай О. *Детекция лжи и обмана*. Ершова А, Исакова О, Кулаков А, переводчики. Санкт-Петербург, Москва: Прайм-Еврознак, Нева, Олма-Пресс; 2005. 320 с.
6. Ekman P, Friesen WV, Scherer KR. Body Movement and Voice Pitch in Deceptive Interaction. *Semiotica*. 1976;16:23–27.
7. Симоненко СИ. *Психологические основания оценки ложных и правдивых сообщений* [диссертация]. Москва: [б. и.]; 2003. 117 с.
8. Образцов ВА, Богомоллова СН. Эксперт-психолог в суде Германии: оценка достоверности показаний. *Законность*. 2003;1:50–52.
9. Ленец АВ. Структура и функции лжи с позиции лингвистики. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2008;7:15–19.
10. Ратинов АР. *Судебная психология для следователей*. Москва: ВШ МООП; 1967. 290 с.
11. Дулов АВ. *Судебная психология*. Минск: Вышэйшая школа; 1975.
12. Глазырин ФВ. *Психология следственных действий*. Волгоград: ВШ МВД СССР; 1983.
13. Кавалерис А. Пути повышения эффективности допроса подозреваемого, обвиняемого. В: Домбровский РТ, Крастыньш УД, Шешуков МП, редакторы. *Совершенствование методов борьбы с преступностью*. Рига: [б. и.]; 1984. с. 81–92.
14. Карнеева ЛМ. Предел использования тактических приемов допроса. *Тактические приемы допроса и пределы их использования*. Москва: МГУ; 1980. с. 5.
15. Лабунская ВА. *Психология экспрессивного поведения*. Ростов-на-Дону: Феникс; 1999. 608 с.
16. Гельманов АГ, Гонтарь СА. *Как установить участие лица в правонарушении? Эффективный и экономичный метод диагностики скрываемой причастности и получения признания виновного в отсутствие доказательств*. Москва: Можайский полиграфический комбинат; 1999. 160 с.
17. Коноваленко МЮ. *Обман в деловом общении. Методы диагностики*. Ростов-на-Дону: Феникс; 2005. 224 с.
18. Бодалев АА. *Восприятие и понимание человека человеком*. Москва: Педагогика; 1988. 200 с.
19. Экман П. *Психология лжи*. Исупова Н, Мальчина Н, Терехова О, Миронов Н, Миронов М и др., переводчики. Санкт-Петербург: Питер; 2008. 272 с.

References

1. Engalychev VF, Kravtsova GK, Kholopova EK. *Sudebnaya psikhologicheskaya ekspertiza po vyyavleniyu priznakov dostovernosti/nedostovernosti informatsii, soobshchayemoy uchastnikami ugolovnogo sudoproizvodstva (po videozapisyam sledstvennykh deystviy i operativno-razysknykh meropriyatiy)* [The judicial psychological examination on revealing of signs of reliability/unauthenticity of the information informed by participants of criminal legal proceedings (on videorecordings of investigatory actions and operatively actions)]. Moscow: YurLitinform; 2016. 328 s. Russian.
2. Criminal procedure code of Republic of Belarus: adopt House of Representatives 1999 June 24: approved by Council of the Republic 1999 June 30: signed by President of Republic of Belarus 1999 July 16. No. 295-Z. Natsional'nyi reestr pravovyykh aktov Respubliki Belarus'. Minsk; 1999. Russian.
3. Criminal code of Republic of Belarus: adopt House of Representatives 1999 June 2: approved by Council of the Republic 1999 June 24: signed by President of the Republic of Belarus 1999 July 9. No. 227-Z. Natsional'nyi reestr pravovyykh aktov Respubliki Belarus'. Minsk; 2003. Russian.
4. Mekhrabiyani A. *Psikhodiagnostika neverbalnogo povedeniya: praktikum po psikhodiagnostike*. Saint Petersburg: Rech; 2001. 256 p. Russian.
5. Vraj A. *Detecting lies and a deceit: Pitfalls and opportunities*. New Jersey: Wiley-Interscience; 1999. Russian edition: Vraj A. *Detektsiya lzhi i obmana*. Ershova A, Isakova O, Kulakov A, translators. Saint Petersburg, Moscow: Praym-Evroznak; Neva, Olma-Press; 2005. 320 p.
6. Ekman P, Friesen WV, Scherer KR. Body Movement and Voice Pitch in Deceptive Interaction. *Semiotica*. 1976;16:23–27.
7. Simonenko SI. *Psikhologicheskiye osnovaniya otsenki lozhnykh i pravdivykh soobshcheniy* [The Psychological bases of an estimation of false and truthful messages] [dissertation]. Moscow: [publisher unknown]; 2003. 117 p. Russian.
8. Obratsov VA, Bogomolova SN. Ekspert-psiholog in court of Germany: an estimation of reliability of indications. *Zakonnost'* [Legality]. 2003;1:50–52. Russian.
9. Lenets AV. [Struktura and functions of lie from a linguistics position] *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Volgograd State Pedagogical University]. 2008;7:15–19. Russian.
10. Ratinov AR. *Sudebnaya psikhologiya dlya sledovateley* [Judicial psychology for inspectors]. Moscow: VSh MOOP; 1967. 290 p. Russian.
11. Dulov AV. *Sudebnaya psikhologiya* [Judicial psychology]. Minsk: Vysheyshaya shkola; 1975. Russian.
12. Glazyrin FV. *Psikhologiya sledstvennykh deystviy* [Psychology of investigatory actions]. Volgograd: VSSh MVD SSSR; 1983. Russian.

13. Kavavleris A. [Limit of use of increase of efficiency of interrogation of the suspect accused]. In: Pombovskii RT, Krashtynysh UD, Sheshukov MP, editors. *Sovershenstvovaniye metodov borby s prestupnostyu* [Perfection of methods of struggle against criminality]. Riga: [publisher unknown]; 1984. p. 81–92. Russian.

14. Karneyeva LM. [Limit of use of tactical receptions of interrogation]. In: *Takticheskiye priyemy doprosa i predely ikh ispolzovaniya* [Tactical receptions of interrogation and limits of their use]. Moscow: Moscow State University; 1980. p. 5. Russian.

15. Labunskaya VA. *Psikhologiya ekspressivnogo povedeniya* [Psychology of expressional behavior]. Rostov-on-Don: Feniks; 1999. 608 p. Russian.

16. Gelmanov AG, Gontar SA. *Kak ustanovit uchastiye litsa v pravonarushenii? Effektivnyy i ekonomichnyy metod diagnostiki skryvayemoy prichastnosti i polucheniya priznaniya vinovnogo v otsutstviye dokazatelstv* [As to establish participation of the person in an offence? An effective and economic method of diagnostics of hidden participation and reception of a recognition guilty for lack of proofs]. Moscow: Mozhayskiy poligraficheskiy kombinat; 1999. 160 p. Russian.

17. Konovalenko MYu. *Obman v delovom obshchenii. Metody diagnostiki* [The Deceit in business dialogue. Diagnostics methods]. Rostov-on-Don: Feniks; 2005. 224 p. Russian.

18. Bodalev AA. *Vospriyatiye i ponimaniye cheloveka chelovekom* [Perception and understanding of the person the person]. Moscow: Pedagogika; 1988. 200 p. Russian.

19. Ekman P. *Telling lies: Clues to Peceit in the Marketplace. Politics, and Marriage*. New York: W. W. Norton; 2001.

Russian edition: Ekman P. *Psikhologiya lzhi*. Isupova N, Mal'china N, Terekhova O, Mironov N, Mironov M et al., translators. Saint Petersburg: Piter; 2008. 272 s.

Статья поступила в редколлегию 10.05.2018.
Received by editorial board 10.05.2018.

УДК 159.9.075

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЛИЯНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК НА НАДЕЖНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОДИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ КЛАССОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРИГОДНОСТИ

О. В. БУЛЫНКО¹⁾, Т. В. КАЗАК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники,
ул. Петра Бровки, 6, 220013, г. Минск, Беларусь

Определяются и изучаются основные показатели надежности профессиональной деятельности водителя. Исследуются и подвергаются сравнению уровни проявления психологических и психофизиологических характеристик у водителей различных классов профессиональной пригодности. Используемые инструменты психодиагностики позволили выявить и достоверно описать индивидуально-психологические и психофизиологические особенности испытуемых, определяющие надежность профессиональной деятельности. После анализа результатов появилась возможность создать программу повышения надежности профессионала, в рамках которой будет проходить организационное обучение водителей, способствующее формированию их психологической готовности к действиям в условиях экстремальной ситуации. Продемонстрированы изменения, произошедшие после реализации коррекционной программы психологического развития показателей надежности профессиональной деятельности водите-

---

Образец цитирования:

Булышко ОВ, Казак ТВ. Экспериментальные исследования влияния психологических и психофизиологических характеристик на надежность профессиональной деятельности водителей различных классов профессиональной пригодности. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2018; 3:113–122.

For citation:

Bulynko OV, Kazak TV. Experimental studies of the influence of psychological and psychophysiological characteristics on the reliability of professional activity of drivers of different classes of suitability. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2018;3: 113–122. Russian.

Авторы:

Ольга Владимировна Булышко – ассистент кафедры инженерной психологии и эргономики факультета компьютерного проектирования.

Тамара Владимировна Казак – член-корреспондент Международной академии психологических наук, доктор психологических наук; профессор кафедры инженерной психологии и эргономики факультета компьютерного проектирования.

Authors:

Olga V. Bulynko, assistant at the department of engineering psychology and ergonomics, faculty of computer-aided design.

pavlovolga@mail.ru

Tamara V. Kazak, corresponding member of the International Academy of Psychological Sciences, doctor of science (psychology); professor at the department of engineering psychology and ergonomics, faculty of computer-aided design.

kazak-tamara@yandex.ru

лей автотранспортных средств. Приведены количественные показатели критериев надежности профессиональной деятельности водителей, зафиксированные до и после освоения специалистами вышеупомянутой коррекционной программы. Рассматривается результат, который дал возможность увидеть: значительно ли изменилось соотношение не допущенных и допущенных к управлению автотранспортом водителей после прохождения тренинговой методики. Выявлена и обоснована структура показателей критериев оценки надежности деятельности водителей. Данный анализ позволил определить уровень профпригодности водителя.

Ключевые слова: критерии надежности деятельности; интегральные личностные характеристики; психологическая готовность; водитель; самосознание.

EXPERIMENTAL STUDIES OF THE INFLUENCE OF PSYCHOLOGICAL AND PSYCHOPHYSIOLOGICAL CHARACTERISTICS ON THE RELIABILITY OF PROFESSIONAL ACTIVITY OF DRIVERS OF DIFFERENT CLASSES OF SUITABILITY

O. V. BULYNKO^a, T. V. KAZAK^a

^aBelarusian State University of Informatics and Radioelectronics,
6 P. Broŭki Street, Minsk 220013, Belarus

Corresponding author: O. V. Bulynko (pavlovolga@mail.ru)

The article is devoted to the definition and study of the main indicators of the reliability of the professional activity of the driver. The levels of manifestations of psychological and psychophysiological characteristics are investigated and compared among drivers of various classes of professional suitability. Used psychodiagnostic tools made possibility to identify and reliably to describe the individual psychological and psychophysiological characteristics of subjects, what determines the reliability of professional activity. When results has been analyzed, it became possible to create a program to increase the reliability of an expert, where there will be an organizational training of drivers, that contributes to the formation of their psychological readiness for action in the emergency situation. There were demonstrated the changes, that occurred after the implementation of the corrective program for the psychological development of indicators of the reliability of professional activity of drivers of motor vehicles. There were showed the quantitative indicators of the reliability criteria of the professional activity of drivers, recorded before and after the development of the aforementioned correctional program. The result is considered, which made it possible to see whether the number of drivers who are not allowed and allowed to drive has significantly changed after passing the training methodology. It is shown and justified to identify the structure of the indicators of the criteria for assessing the reliability of the drivers. This analysis allowed to determine the level of professionalism of the driver.

Key words: criteria for the reliability of activities; the integrated personality; psychological readiness; driver; self-awareness.

Введение

В современном обществе требования, предъявляемые к субъекту труда в профессиональной деятельности, сконцентрированы на запросах к показателям функциональной надежности специалиста. Это предполагает наличие не только способностей к обеспечению динамической устойчивости выполнения профессиональных задач, но и адекватного деятельности уровня развития соответствующих значимых психических функций и механизмов саморегуляции и самоконтроля.

Деятельность водителя сопряжена с большим количеством стрессоров, психоэмоциональной и физической нагрузкой. От участника дорожного движения требуется соблюдение ответственных и обширных функциональных обязанностей, водитель при этом должен обладать совокупностью индивидуально-психологических качеств, отвечаю-

щих требованиям надежности и обеспечивающих точное и безошибочное выполнение профессиональных действий [1, с. 224].

Надежность деятельности водителя, являющегося оператором технических систем (автомобиля), обеспечивается не только личностными особенностями подструктуры направленности и опыта, но и совокупностью психодинамических характеристик, определяющих координацию и согласованность действий, совершаемых одновременно, скорость реакции, моторную ловкость, высокую пропускную способность зрительного анализатора, что особенно необходимо в опасных, экстремальных дорожных ситуациях. Следовательно, для обеспечения надежности деятельности водителя невозможно ограничиться только существующими процедурами профессионально-

го психологического отбора. В этом случае необходимо применение качественной и непрерывной корреляционной программы, направленной на усовершенствование активности биопсихического уровня личности. Поэтому стимулирование работы глубинных психодинамических структур психики должно быть ориентировано на формирование психофизиологических функциональных систем, обеспечивающих безошибочное выполнение скоростных элементов деятельности и повышение параметров самоконтроля до уровня автоматизма. Для этого необходимо определить основные показатели надежности, а также разработать комплекс мер для создания специальных программ, позволяющих повысить надежность профессионала и расширить резервные возможности психики [2, с. 588].

Актуальность исследования надежности профессиональной деятельности водителей автотранспортных средств как специалистов экстремального профиля в условиях стресса определяется увеличением требований к функциональной надежности профессионала техноэкономических профессий, повышением скоростей во всех сферах деятельности, необходимостью обеспечения безо-

пасности водительской деятельности и дорожного движения в целом.

В наибольшей степени актуальность проблемы надежности проявляется в сферах подготовки специалистов экстремального профиля, изучения роли человеческого фактора, исследования ведущих психологических функций. Также эта проблема актуальна для научного обоснования и более точной дифференциации в определении совокупности психофизиологических и индивидуально-психологических критериев оценки надежности. Однако в настоящее время отсутствует перечень психофизиологических характеристик, необходимых для диагностики функционального состояния человека при профессиональном отборе на должность оператора автотранспортных средств. В связи с этим очень важной задачей является использование информационных технологий для диагностики психофизиологического состояния человека [3, с. 238].

Все выше перечисленное улучшит адаптацию и повысит качество профессионального отбора водителей, обеспечит условия психологической экспертизы и разработку на этой основе программ, способствующих росту уровня профессиональной надежности.

Основная часть

Для проведения экспериментального исследования динамики роста показателей надежности водителей автотранспортных средств было организовано теоретическое и эмпирическое изучение параметров, представляющих интерес для анализа психологических и психофизиологических механизмов надежности деятельности водителей. Исследование проводилось в три этапа.

Первый этап включал в себя анализ литературных источников по теме, определение цели, выбор объекта и предмета исследования, выдвижение гипотез, планирование, определение задач, выбор методов и методик исследования, а также составление программы экспериментального исследования.

На данном этапе была определена основная выборка испытуемых, которая оказалась представлена людьми, обладающими водительским удостоверением категории В, с различным стажем вождения автотранспортного средства. Всего был обследован 151 человек в возрасте от 18 лет до 61 года (табл. 1). На основе данной выборки была создана контрольная группа, показатели которой включались в анализ для сравнения с нормативными значениями и позволили получить наиболее полную картину отобранных признаков надежности на первых этапах исследования для дальнейшей разработки программы. В контрольную группу вошли 48 испытуемых, из них 30 водителей-мужчин и 18 водите-

лей-женщин. Исследования проводились с 2013 по 2016 г.

Основную контрольную группу составили 48 человек из общего числа обследованных лиц. Испытуемые контрольной группы находились в возрасте от 18 лет до 61 года. Наибольшее число испытуемых – лица в возрасте 22 – 30 лет (63,8 % от общего числа обследованных лиц в основной группе). Менее всего в основной группе были представлены возрастные категории 31–45 лет (20,8 %) и старше 46 лет (15,4 %).

Респондентами преимущественно были мужчины (30 человек, 62,5 %), а женщины (18 человек) составляли только 37,5 % от общего числа лиц контрольной группы.

На втором этапе было проведено психодиагностическое обследование и тестирование всех испытуемых (151 человек) при помощи аппаратно-программного комплекса «УПДК-МК».

Данный комплекс создан на основе научных разработок в области компьютерной психодиагностики и позволяет провести:

- первичный профессиональный психофизиологический отбор;
- периодические психофизиологические обследования;
- динамический контроль функционального состояния (работоспособности);
- расширенные психофизиологические обследования;

- определение личностных особенностей испытуемого;
- оценку психологического климата в коллективе;
- оценку уровня совместимости работников при совместной деятельности;
- развитие профессионально важных психофизиологических качеств.

Комплекс «УПДК-МК», наряду с использованием его в целях решения задач безопасности транспортного движения, предназначен для помощи в формировании необходимых психологических качеств, грамотном обосновании направлений

тренировочных нагрузок с учетом индивидуальных особенностей спортсменов. Комплекс «УПДК-МК» позволяет объективно оценивать личностные особенности человека, что может быть полезным в практической деятельности юристов. Комплекс «УПДК-МК» позволяет грамотно составить программу обучения студентов-психологов (в особенности по специальности «Инженерная психология»), является объективным помощником при выборе профессий и может быть использован в центрах занятости населения (уже используется в Калужской области).

Таблица 1

Распределение испытуемых групп по возрасту

Table 1

Distribution of test groups by age

Пол	Возраст, лет						Всего человек
	Моложе 30		31–45		Старше 45		
Мужчины	Количество человек	% от общего количества	Количество человек	% от общего количества	Количество человек	% от общего количества	30
		12	40	15	50	3	
Женщины	3	16,6	11	61,1	4	22,3	18
Общее количество	15	28,3	23	55,55	7	16,15	48

Программное обеспечение комплекса «УПДК-МК»:

- набор верифицированных методик для определения уровня психофизиологических качеств;
- набор психофизиологических методик и личностных тестов для проведения углубленного тестирования, профотбора, динамического контроля, совместимости, оценки климата в коллективе;
- программный психофизиологический тренажер «ТА-2», который позволяет повышать уровень психофизиологических качеств или развивать другие качества, компенсирующие недостаток;
- обновляемый перечень тестов, входящих в состав комплекса «УПДК-МК» (обновления выпускаются по мере необходимости).

После психодиагностического исследования при помощи методов сравнительного, корреляционного и факторного анализов было систематизировано пространство психодиагностических параметров «УПДК-МК» как показателей, влияющих на поведение водителей в различных ситуациях на дороге, и осуществлен выбор определяющих психодиагностических показателей. Были выявлены достоверно значимые различия между нормативными показателями, определяющими группу профессиональной пригодности, и результатами нормативных показателей контрольной группы по индивидуально-психологическим и психофизиологическим параметрам личности и поведения, данные параметры являются определяющими в аспекте надежности профессиональной

деятельности. Отличия от нормативных показателей послужили основанием для описания симптомокомплекса индивидуально-психологических и психофизиологических особенностей водителей автотранспортных средств, а также комплекса профессионально значимых психофизиологических и индивидуально-психологических показателей надежности профессиональной деятельности водителей. Полученные результаты, не соответствующие нормативным, послужили основанием для разработки программы коррекции и развития показателей надежности профессиональной деятельности водителей.

На третьем этапе была сформирована контрольная учебная группа, состоящая из 48 водителей автотранспортных средств. Далее была проведена программа коррекции и развития показателей надежности профессиональной деятельности под руководством тренера (исследователя) в целях повышения качества профессиональной деятельности, профессионального роста респондентов, снижения неблагоприятных последствий, связанных с безопасностью труда, совершением ошибочных действий, высоким травматизмом, аварийностью. После респондентам была выдана инструкция по практическому проведению данной тренировки самостоятельно. Через 6 месяцев, после проведения всего цикла занятий, направленных на коррекцию и развитие показателей надежности профессиональной деятельности водителей, было проведено

повторное занятие с тренером (исследователем) и выполнена повторная диагностика на аппаратно-программном комплексе «УПДК-МК». Результаты подвергались математической обработке, также проводился сравнительный анализ показателей до и после воздействия, были сформулированы выводы и выработаны практические рекомендации.

В ходе исследования использовались методы научного анализа.

Методы теоретического познания в процессе рефлексии над предметной теорией складывались внутри парадигмических ориентаций, которые являются теоретическими методологическими принципами исследования и были обеспечены сопутствующими инструментальными средствами.

Гипотетико-дедуктивный метод позволил перевести формализованные гипотезы на уровень конкретных процедур. Это сформировало логику проведенной исследовательской деятельности. Анализ позволил осуществить классификацию и периодизацию элементов. В результате абстрагирования мы смогли выделить ряд интересующих нас показателей и факторов.

Системный метод в проведении исследования способствовал раскрытию целостности изучаемого объекта, выявлению многообразных типов связей и сведению их в единую теоретическую картину.

Структурно-функциональный метод строился на основе выделения в целостных системах определенных структур – совокупности устойчивых отношений и взаимосвязей между конкретными структурными элементами, что отражено в результатах корреляционного анализа.

Использовались также и следующие эмпирические методы:

- психодиагностический (на данном этапе было проведено психодиагностическое исследование на основе аппаратно-программного комплекса «УПДК-МК»);

- формирующий эксперимент (позволил направленно формировать такие психические процессы, как уровень восприятия скорости и расстояния, распределение внимания, эмоциональную устойчивость, сложную двигательную реакцию, склонность к риску).

Формирующий эксперимент позволил не ограничиваться регистрацией выявляемых фактов, а через создание специальных техник и средств раскрывать механизмы, динамику, тенденции психического развития изучаемых особенностей личности испытуемых, определяя возможности повышения надежности их профессиональной деятельности.

В качестве организационных методов использовались:

- сравнительный метод, который позволил изучить психические закономерности посредством

сравнения степени выраженности показателей у респондентов с нормативными значениями;

- лонгитюдный метод, выражающийся в повторном изучении показателей надежности профессиональной деятельности одних и тех же испытуемых. Это позволило определить диапазон индивидуальной изменчивости и эффективность проведенной коррекционной программы развития показателей надежности профессиональной деятельности респондентов.

Для обработки данных использовались методы математико-статистического анализа данных:

- кластерный анализ, который позволил систематизировать все пространство психодиагностических параметров как показателей, влияющих на надежность профессиональной деятельности;

- факторный анализ, проводившийся для определения параметров, детерминирующих надежность деятельности операторов транспортных средств, и систематизации выделенных феноменов;

- корреляционный анализ, который выявил взаимосвязи между значениями изученных показателей.

В исследовании также применялся экспериментально-психологический метод, позволяющий изучить определенные психофизиологические параметры. Для изучения психофизиологических параметров испытуемых использовались пять методик на базе аппаратно-программного комплекса «УПДК-МК»:

- 1) психофизиологический способ оценки уровня восприятия скорости движущихся объектов и расстояния до них. Данный тест предназначен для оценки уровня восприятия скорости движения и расстояния до объектов в быстро меняющейся дорожной ситуации;

- 2) распределение внимания – способность одновременно выполнять несколько видов деятельности, что характеризует индивидуально-психологические особенности личности и относится к числу важнейших психофизиологических критериев, определяющих профессиональную психологическую пригодность. Тест позволяет выявить способность водителя одновременно контролировать и при необходимости быстро и точно выполнять наиболее важные действия при вождении автомобилем без потери контроля над другими значимыми аспектами дорожной ситуации (манипулирование органами управления, оценка дорожной ситуации, общение с пассажирами и т. д.);

- 3) оценка эмоциональной устойчивости. Данный тест предназначен для оценки способности водителя выполнять деятельность при наличии помех и отрицательных эмоциональных факторов;

- 4) оценка сложной двигательно-моторной реакции. Тест предназначен для оценки способности

водителя принимать правильное решение в быстро меняющейся дорожной обстановке;

5) оценка склонности к риску. Риск относится к действию, реализация которого ставит под угрозу удовлетворение какой-либо достаточно важной потребности. Ситуация риска основана на выборе из двух альтернативных вариантов поведения: поведения, связанного с возможной неудачей, с одной стороны, и поведения, предполагающего хотя бы минимальное сохранение уже достигнутого, с другой. При этом выбор первого не всегда обусловлен более высокой ценностью достигаемого при этом результата. Часто проявляется тенденция к бескорыстному, немотивированному риску, который воспринимается как самостоятельная ценность. Тест позволяет прогнозировать вероятность совершения рискованных действий во время дорожного движения (оценка склонности к риску).

Все вышеуказанные методики обладают экспериментальной надежностью, валидностью.

Полученные в ходе тестирования и психодиагностического обследования данные испытуемых были подвергнуты математико-статистической обработке. Все расчеты проводились на персональном компьютере при помощи программной системы *STATISTICA for Windows* (версия 5.11). Данная система является интегрированной средой статистического анализа и обработки данных, с помощью нее осуществлялся сравнительный, кластерный, корреляционный и факторный анализ. Нормальность распределения данных проверялась по критерию асимметрии и эксцесса. Критерием статистической достоверности получаемых выводов мы считали общепринятую в психологии величину $p \leq 0,05$.

Для проверки эффективности примененной в исследовании коррекционной программы психологического развития показателей надежности профессиональной деятельности водителей автотранспортных средств был использован *t*-критерий Стьюдента для зависимых выборок, который позволяет выявить достоверность, величину и направление сдвига в значениях какого-либо признака. Количественные показатели критериев надежности профессиональной деятельности водителей измерены до и после освоения ими вышеупомянутой коррекционной программы. Далее две полученные группы замеров подвергались сравнению между собой. В результате были обнаружены статистически значимые различия в значениях двух замеров по двум переменным (табл. 2).

Во-первых, у испытуемых значимо изменилось количество реагирований при отсутствии сигнала в одном из заданий на распределение внимания (задание 1), причем в сторону уменьшения ($t = 2,36; p = 0,022\ 715$). Если до участия в коррекционной программе испытуемые при отсутствии зрительного стимула все-таки реагировали в среднем около трех раз (точнее, 2,98), то после прохождения коррекционной программы количество таких реакций снизилось до 1,79 раза.

Во-вторых, произошли изменения в количестве ошибок в задании 2 на сложную двигательную реакцию ($t = 2,25; p = 0,029\ 468$). Так же как и в предыдущем случае, число ошибочных зрительно-моторных реакций уменьшилось: средний показатель 1,25, имевший место до начала коррекционной работы, снизился до среднего показателя 0,83, полученного при диагностике после окончания работы.

Таблица 2

Результаты расчета *t*-критерия Стьюдента для зависимых выборок

Table 2

Results of Student's *t*-test calculation for dependent samples

Показатели	Количество реагирований при отсутствии сигнала на зрительные стимулы в задании 1 (распределение внимания)		Количество ошибок в задании 2 (сложная двигательная реакция)	
	До	После	До	После
Среднее количество	2,98	1,79	1,25	0,83
Время	–	2,36	–	2,25
Число степеней свободы	–	47	–	47
<i>p</i>	–	0,022 715	–	0,029 468

Продемонстрировать изменения, произошедшие после реализации коррекционной программы психологического развития показателей надежности профессиональной деятельности водителей автотранспортных средств, можно также с помощью χ^2 -критерия Макнамары, который дал возможность увидеть, значимо ли изменилось количе-

ство не допущенных и допущенных к управлению автотранспортом водителей после прохождения тренинговой методики. Отметим, что χ^2 -критерий Макнамары, равный 30,03 ($p = 0,000\ 00$), оказался статистически значим, что может свидетельствовать об эффективности разработанной и реализованной коррекционной программы. В частности,

очевидно, что после ее освоения испытуемыми число не допущенных к выполнению профессиональной деятельности водителя уменьшилось с 14 до 2 человек. Также можно констатировать тот факт, что после выполнения методик, предусмотренных данной программой, все 14 испытуемых, до этого не допущенных к вождению автомобиля, оказались в одной из трех категорий допуска (табл. 3). Соответственно, количество водителей, имеющих тот или иной уровень допуска, увеличилось с 32 до 46 человек.

Для выявления структуры показателей критериев оценки надежности деятельности водителей был проведен факторный анализ. В нем участвовали 26 переменных: 25 показателей, измеряемых при помощи тестов использованного в исследовании диагностического комплекса, и переменная «группа профпригодности», переведенная в числовой формат по следующему правилу: недопуск (1 балл), допуск 3 (2 балла), допуск 2 (3 балла), допуск 1 (4 балла). Таким образом, чем выше уровень профпригодности водителя, тем выше балл.

Таблица 3

Распределение не допущенных и допущенных к вождению автомобиля испытуемых до и после участия в коррекционной программе

Table 3

Distribution of subjects not allowed and allowed to drive before and after participating in the correctional program

До	После		Всего по строкам
	Недопуск	Допуск	
Недопуск	0 (0 %)	14 (100 %)	
Допуск	2 (5,88 %)	32 (94,12 %)	
Всего по столбцам			48

В результате все переменные объединились в шесть факторов, что продемонстрировало структуру, образуемую переменными на основании связей между ними. Полученную факторную матрицу представляет собой табл. 4. Опишем полученные факторы.

Начнем с фактора 2, поскольку в него попала переменная «группа профпригодности», выступающая как индикатор ключевого показателя в исследовании – надежности профессиональной деятельности водителя. Она вошла в фактор с отрицательной факторной нагрузкой $-0,69$. Помимо нее в фактор 2 вошли также и переменные «количество баллов» (0,57) и «количество недостоверных кругов» (0,55), служащие для оценки склонности к риску, а также «количество ошибок с помехой (N_2)» (0,89) и «разница количества ошибок с помехой и без помехи ($N_2 - N_1$)» (0,84), являющиеся показателями методики определения эмоциональной устойчивости. На основании содержания данного фактора его можно назвать «надежность профессиональной деятельности водителей». Из состава фактора и факторных нагрузок, с которыми в него поместились переменные, можно сделать вывод о том, что у водителей с высокими показателями склонности к риску и эмоциональной неустойчивости, возникающей в ситуации появления помех, наблюдается невысокий уровень профессиональной пригодности и наоборот.

В фактор 1 были включены следующие переменные: «разница средних времен реагирования

между заданием 2 и заданием 1» ($-0,97$), «среднее время реагирования в задании 2 на зрительные стимулы» ($-0,97$), «количество правильных реагирований на зрительные стимулы в задании 2» (0,95), «количество реагирований при отсутствии сигнала в задании 2 на зрительные стимулы» ($-0,92$). Все переменные этого фактора измеряются при помощи методики исследования распределения внимания, поэтому данный фактор получил название «распределение внимания». Не случайно в нем объединились переменные, характеризующие выполнение задания 2 вышеупомянутой методики, в котором испытуемому действительно приходилось распределять внимание между зрительными и слуховыми стимулами. При этом стоит заметить, что при большом количестве правильных реагирований на зрительные стимулы, сопровождающиеся появлением слуховых стимулов, происходит уменьшение времени реагирования.

Фактор 3 образован шестью переменными. Это «среднее время реагирования в задании 1» методики на распределение внимания (0,52) и все пять переменных методики исследования сложной двигательной реакции: «среднее время реагирования в задании 1» (0,95), «количество ошибок в задании 2» ($-0,32$), «время выбора» ($-0,88$), «количество нажатий на кнопку при отсутствии сигнала» (0,36) и «среднее время реагирования в задании 2» (0,34). Очевидно, что данный фактор должен быть назван «выполнение сложной двигательной реакции». Появление в этом случае переменной методики,

исследующей распределение внимания, обусловлено, по-видимому, тем, что она относится к заданию, аналогичному по содержанию заданию 1 методики для исследования сложной двигательной реакции: в обоих случаях испытуемый должен продемонстрировать простую зрительно-моторную реакцию.

Фактор 4 состоит из трех переменных: «количество правильных ответов на слуховые стимулы в задании 2» (0,91), «количество ошибочных ответов на слуховые стимулы» (-0,91), относящихся к методике исследования распределения внимания, а также «количество ошибок без помехи (N_1)» (-0,39), являющейся одним из показателей эмоциональной устойчивости. Речь идет о восприятии слуховых стимулов на фоне одновременного восприятия зрительных. Фактору может быть дано название «восприятие слуховых стимулов».

Все вошедшие в фактор 5 переменные принадлежат методике исследования эмоциональной устойчивости. Это «количество пропусков без помехи» (-0,75), «среднее арифметическое время реагирования без помехи (BP_1)» (-0,92), «среднее арифметическое время реагирования с помехой (BP_2)» (-0,71) и «разница средних арифметических времен реагирования ($BP_2 - BP_1$)» (0,44). Данный фактор был назван соответствующим образом: «эмоциональная устойчивость». Следует указать на то, что, основываясь на знаках факторных нагрузок,

с которыми в него вошли переменные, фактор эмоциональной устойчивости предполагает небольшое время реагирования водителя как в ситуации помехи, так и без нее; небольшое количество пропусков в ситуации, не содержащей помехи; достаточно большую разницу во времени реагирования в ситуациях с помехой и без нее. Необходимо сказать, что эмоциональная устойчивость водителя предполагает стабильно оперативное реагирование как в штатном режиме автомобильной поездки, так и в ситуации, когда воздействуют неблагоприятные факторы.

Последний, шестой, фактор составлен тремя переменными: две переменные из показателей распределения внимания («количество правильных ответов на зрительные стимулы в задании 1» (0,89), «количество реагирований при отсутствии сигнала в задании 1 на зрительные стимулы» (-0,81)) и переменная, демонстрирующая уровень восприятия скорости и расстояния «количество точных попаданий» (0,53). Назовем этот фактор «восприятие скорости и расстояния». Если учесть, что при выполнении задания методики, определяющей уровень восприятия скорости и расстояния, и задания 1 методики на распределение внимания испытуемый должен зрительно соотносить изображения, можно объяснить, почему в методику перечисленные в данном факторе переменные вошли вместе.

Таблица 4

Факторная матрица

Table 4

The factor matrix

Переменные	Факторы					
	Распределение внимания	Надежность профессиональной деятельности водителей	Выполнение сложной двигательной реакции	Восприятие слуховых стимулов	Эмоциональная устойчивость	Восприятие скорости и расстояния
Группа профпригодности	0,006 432	-0,687 531	-0,150 296	0,404 106	0,046 897	0,305 975
<i>Уровень восприятия скорости и расстояния</i>						
Количество точных попаданий	-0,162 596	-0,336 304	0,076 576	0,399 232	-0,069 144	0,530 724
<i>Оценка склонности к риску</i>						
Количество баллов	0,226 389	0,566 428	0,241 241	-0,118 075	0,116 676	-0,271 762
Количество недостоверных кругов	0,178 889	0,554 048	0,035 939	0,113 789	0,071 256	-0,099 992
<i>Распределение внимания</i>						
Среднее время реагирования в задании 1, с	-0,007 264	0,198 366	0,524 425	-0,070 620	-0,145 371	-0,124 494
Количество правильных ответов на зрительные стимулы в задании 1	0,212 066	0,027 733	-0,057 993	-0,040 711	-0,017 437	0,888 904

Продолжение табл. 4
Continuation table 4

Переменные	Факторы					
	Распреде- ние внимания	Надежность професси- ональной деятельности водителей	Выполнение сложной двигательной реакции	Восприятие слуховых стимулов	Эмоциональ- ная устойчи- вость	Восприятие скорости и расстояния
Разница средних времен реагирования между за- данием 2 и заданием 1, с	-0,967 951	-0,028 497	-0,055 012	0,061 159	0,047 743	-0,050 571
Количество правильных ответов на слуховые сти- мулы в задании 2	0,041 200	0,135 970	-0,037 403	0,907 603	-0,086 187	0,075 270
Количество ошибочных ответов на слуховые стимулы	-0,125 860	-0,148 060	0,023 043	-0,905 086	0,078 825	-0,115 571
Среднее время реаги- рования в задании 2 на зрительные стимулы, с	-0,967 958	-0,028 501	-0,054 917	0,061 155	0,047 732	-0,050 567
Количество правиль- ных реагирований на зрительные стимулы в задании 2	0,959 501	0,035 422	-0,036 161	0,049 257	0,007 263	0,131 080
Количество реагиро- ваний при отсутствии сигнала в задании 1 на зрительные стимулы	-0,282 344	0,024 644	0,097 129	0,017 524	0,001 088	-0,807 727
Количество реагиро- ваний при отсутствии сигнала в задании 2 на зрительные стимулы	-0,923 854	-0,043 210	0,084 009	-0,130 091	0,041 187	-0,202 088
<i>Эмоциональная устойчивость</i>						
Количество ошибок без помехи (N_1)	0,064 04	0,130 410	-0,055 289	-0,391 019	-0,003 196	0,213 373
Количество пропусков без помехи	0,040 334	-0,080 331	-0,007 320	0,078 724	-0,750 103	-0,069 121
Средне арифметическое время реагирования без помехи (BP_1), с	0,027 493	-0,020 926	0,035 060	-0,013 903	-0,917 470	0,126 862
Количество ошибок с по- мехой (N_2)	-0,106 353	0,889 948	-0,053 361	0,035 557	0,045 508	0,219 694
Количество пропусков с помехой	0,020 643	0,065 063	0,153 389	-0,210 964	-0,112 147	0,211 988
Средне арифметическое время реагирования с помехой (BP_2), с	0,066 420	-0,062 436	0,161 558	0,164 434	-0,706 187	-0,090 312
Разница средне арифме- тических времен реаги- рования ($BP_2 - BP_1$), с	0,028 747	-0,032 370	0,105 290	0,165 169	0,437 723	-0,231 294
Разница количества ошибок с помехой и без помехи ($N_2 - N_1$)	-0,134 227	0,836 418	-0,029 710	0,204 034	0,047 019	0,128 464
<i>Сложная двигательная реакция</i>						
Среднее время реаги- рования в задании 1, с	0,012 300	-0,046 299	0,954 909	0,050 400	0,115 100	0,021 151
Количество ошибок в за- дании 2	0,015 365	0,047 559	-0,321 577	-0,235 815	0,260 880	0,216 722

Переменные	Факторы					
	Распределе- ние внимания	Надежность професси- ональной деятельности водителей	Выполнение сложной двигательной реакции	Восприятие слуховых стимулов	Эмоциональ- ная устойчи- вость	Восприятие скорости и расстояния
Время выбора, с	0,018 334	0,161 328	-0,878 040	-0,114 773	-0,147 644	0,009 531
Количество нажатий на кнопку при отсутствии сигнала	-0,019 476	0,194 790	0,355 908	-0,089 001	-0,104 727	0,007 987
Среднее время реагиро- вания в задании 2, с	0,093 538	0,362 261	0,336 851	-0,196 710	-0,091 194	0,104 070
Процент объясненной дисперсии	16,34	12,75	9,95	9,95	9,95	6,92

Заключение

Инструменты психодиагностики на базе программного комплекса «УПДК-МК» позволили выявить и достоверно описать индивидуально-психологические и психофизиологические особенности испытуемых, определяющие надежность профессиональной деятельности. Комплекс методик является адекватным инструментом для проведения по заявленным параметрам сравнительного, корреляционного, кластерного и факторного анализа данных у групп респондентов.

Настоящее исследование позволяет не ограничиваться регистрацией выявляемых фактов, а через использование специальных техник и средств раскрывать механизмы, тенденции, динамику психического развития изучаемых особенностей личности, определяя возможности повышения надежности их профессиональной деятельности. Полученные данные позволяют успешно внедрить коррекционный метод, базирующийся на аутотренинге и состоящий из саморегуляции и идеомоторной тренировки.

Библиографические ссылки

1. Романов АН. *Автотранспортная психология*. Москва: Академия; 2002. 224 с.
2. Бодров ВА, Журавлев АЛ, редакторы. *Проблемы фундаментальной и прикладной психологии профессиональной деятельности*. Москва: Институт психологии РАН; 2008. 588 с.
3. Небылицын ВД. Надежность работы оператора в сложной системе управления. В: Душков БА, Ромов БФ, Смирнов БА, редакторы. *Хрестоматия по инженерной психологии*. Москва: Высшая школа; 1991. с. 238–249.

References

1. Romanov AN. *Avtotransportnaya psikhologiya* [Autotransport psychology]. Moscow: Academy; 2002. 224 p. Russian.
2. Bodrov VA, Zhuravlev AL, editors. *Problemy fundamental'noi i prikladnoi psikhologii professional'noi deyatel'nosti* [Problems of fundamental and applied psychology of professional activity]. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences; 2008. 588 p. Russian.
3. Nebylitsyn V. D. [Reliability of the operator's work in a complex control system]. In: Dushkov BA, Romov BF, Smirnov BA, editors. *Khrestomatiya po inzhenernoi psikhologii* [Reader in Engineering Psychology]. Moscow: Vysshaya shkola; 1991. p. 238–249. Russian.

Статья поступила в редколлегию 20.11.2017.
Received by editorial board 20.11.2017.

КОГНИТИВНЫЕ ПРОФИЛИ УЧАЩИХСЯ, ВКЛЮЧЕННЫХ В СПОРТИВНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

А. Ю. ГИРИНСКАЯ¹⁾

¹⁾Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, пр. Московский, 33, 210038, г. Витебск, Беларусь.

Представлены результаты построения когнитивных профилей личности учащихся, включенных в спортивную деятельность. Выделены типологические мотивационные, формально-динамические и психомоторные особенности личности, подверженной совершению ошибок внимания, памяти и действий. На основе этих особенностей построены когнитивные профили, соответствующие сенсорной, мнемической и регуляторной составляющим когнитивной сферы: инаттенционный, обливонный и омиSSIONный профили соответственно. Даны рекомендации по предупреждению ошибочных действий учащихся, занимающихся спортом, в соответствии с преобладанием того или иного когнитивного профиля.

Ключевые слова: когнитивные ошибки; когнитивный профиль; психомоторика; формально-динамические свойства; учащиеся; спортсмены.

THE COGNITIVE PROFILES OF PUPILS INVOLVED IN SPORTS ACTIVITY

А. Ю. HIRYNSKAYA^a

^aVitebsk State University named after P. M. Masherov, 33 Maskoŭski Avenue, Vitebsk 210038, Belarus

The article presents the results of the cognitive profiles of the individual students was included in sport activities. The motivational typological, formal-dynamic and psychomotor characteristics of the individual was dedicated. This individual is prone to making errors of attention, memory and actions. Based on the characteristics of the individual was built cognitive profiles corresponding to sensory, mnemonic and regulatory component of cognitive sphere, respectively: inattentive, oblivion and omissive. The recommendations for prevention of erroneous actions of students in sport, in accordance with the predominance of a particular cognitive profile was involved in this article.

Key words: cognitive failures; cognitive profile; psychomotor; formal-dynamic properties; pupils; sports activity.

Введение

В последнее время особую актуальность приобрело направление исследований когнитивной сферы человека, содержательная сторона научных поисков которой представлена следующей системой: когнитивная сфера – когнитивная деятельность – когнитивные ошибки.

Много работ посвящено изучению когнитивной деятельности в качестве средства преодоления низкой успеваемости школьников, которая представляет собой мыслительные операции, где результатом является формирование конкретных знаний, способных связываться с образованием

Образец цитирования:

Гиринская АЮ. Когнитивные профили учащихся, включенных в спортивную деятельность. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2018;3:123–128.

For citation:

Hirynskaya AYU. The cognitive profiles of pupils involved in sports activity. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2018;3:123–128. Russian.

Автор:

Анастасия Юрьевна Гиринская – младший научный сотрудник кафедры прикладной психологии факультета социальной педагогики и психологии.

Author:

Anastasiya Yu. Hirynskaya, junior researcher at the department of applied psychology, faculty of social pedagogics and psychology.
litvinova_n2020@mail.ru

системы концептов, относящихся к информации о том, что индивид думает, знает и предполагает об объектах действительности [1–3]. При этом образуемые структуры сознания зависят от того, по какому каналу информация пришла к человеку, так как в этом процессе участвуют разные системы переработки информации. Однако может произойти и нарушение системы, приводящее к ошибкам.

Разновекторные дефиниции терминов «ошибка» и «когнитивная ошибка» позволяют судить о наличии трех основных направлений исследования данного явления. *Ложный* вектор¹ рассматривает данные понятия как отклонение от нормы², неправильность в действиях³, поступках⁴, суждениях⁵, мыслях⁶ [4]. *Закономерный* вектор понимает ошибки и когнитивные ошибки как следствие правильно организованной познавательной деятельности, наилучшего выбора из возможных альтернатив при существующих ограничениях [5–7]. *Ретроспективный* вектор трактует данные понятия

как результат ретроспективной рефлексии над ситуацией, источник опыта [8; 9].

На данный момент сформировано представление о различных видах ошибок, предложены их классификации, механизмы возникновения и способы коррекции, однако данная проблематика все еще мало изучена [5; 6; 10; 11]. В частности, отсутствуют сведения о специфике совершения ошибок учащимися в учебно-тренировочном процессе, где значительные интеллектуальные усилия в учебной деятельности в совокупности со сложностями борьбы в соревновательной деятельности создают условия для возникновения состояния психической напряженности, что значительно снижает качество и результативность деятельности и повышает уровень совершаемых ошибок.

Цель исследования заключается в построении когнитивных профилей личности учащихся, включенных в спортивную деятельность, с учетом совершения ими когнитивных ошибок в повседневной жизни.

Материалы и методы, теоретические основы

В основу разработки когнитивных профилей учащихся, включенных в спортивную деятельность, положен подход А. Бека и А. Фримена [12]. Отличительный когнитивный профиль личности учащегося-спортсмена, совершающего тот или иной вид когнитивной ошибки, был получен на основе типичных мотивационных, формально-динамических и психомоторных особенностей.

Разработка когнитивного профиля личности, включенной в спортивную деятельность, основана на функциональной структуре действия. В спортивную деятельность входят два когнитивных компонента: формирование программы будущего действия и контроль [13; 14]. Роль когнитивных компонентов в процессе совершенствования не отдельного движения, а целостной психомоторной спортивной деятельности раскрывается в связи с изучением отношений между двигательным образом и моторными программами.

Выбор формально-динамических и психомоторных характеристик профиля обусловлен наличием необходимых свойств в двигательном образе (пространственность, целостность, предметность и константность), которые позволяют вносить корректировки в действие в случае изменения усло-

вий деятельности при построении моторных программ [14].

В свою очередь, мотивационная составляющая профиля является существенным дополнением к основным характеристикам, так как процесс реализации моторной программы зависит от принятого решения, где ключевую роль играет мотивационный фактор.

На базе полученных результатов для построения когнитивных профилей (инаттенционного, обливионного и омиссионного) были составлены уравнения регрессии для показателей ошибок внимания, памяти, действий. Название каждого профиля является оригинальным и представляет собой русский вариант английских слов. Термин «инаттенционный» соответствует сенсорной доминанте когнитивной сферы, «обливионный» – мнемической доминанте, «омиссионный» – регуляторной.

Исследование носило комплексный характер, были использованы стандартизированные методики «Когнитивные ошибки» [15; 16], «Мотивация спортивной деятельности» [17], «Стиль саморегуляции поведения человека» [18], «Формально-динамические свойства индивидуальности» [19], «Волевой самоконтроль» [20], «Помехоустойчивость спортсмена» [21]. Функциональная асимметрия

¹Абрамов Н. А. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений [Электронный ресурс]. URL: <http://slovo.yaхu.ru/pdf/synonyms-dictionary.pdf> (дата обращения: 11.01.2015).

²Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П. Большой психологический словарь. СПб. : Прайм-еврознак, 2007.

³Еникеев М. И. Психологический энциклопедический словарь. Москва : Проспект, 2010.

⁴Ефремова Т. В. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Москва : Русский язык, 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.efremova.info/word/oshibka.html> (дата обращения: 29.12.2014).

⁵Кондаков И. М. Психология. Иллюстрированный словарь. Санкт Петербург : Прайм-Еврознак, 2007.

⁶Ожегов С. И. Словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ozhegov.com/words/22017.shtml> (дата обращения: 29.12.2014); Словарь психолога-практика / сост. С. Ю. Головин. Минск : Харвест, 2007.

изучалась с помощью компьютерной психодиагностической программы *PROFIL-AS*⁷. Обработка данных осуществлялась посредством программы *SPSS 16*. Для определения влияния индивидуальных характеристик личности учащегося-спортсмена на частоту совершения когнитивных ошибок внимания, памяти и действий в повседневной жизни применялся множественный регрессионный анализ.

Выборку составили учащиеся-спортсмены мужского и женского пола в возрасте от 15 до 18 лет, занимающиеся различными видами спорта (дзюдо, борьба, вольная борьба, греко-римская борьба, плавание, легкая атлетика, стрельба, биатлон) и обладающие квалификацией от 3-го взрослого разряда до мастера спорта, а также спортсмены без разряда.

Результаты и обсуждение

Инаттенционный профиль предполагает следующее уравнение регрессии (рис. 1):

$$Y_{ОВ} = 25,671 - 0,514 \cdot X_{СП} - 0,540 \cdot X_{ЭрП} + 0,541 \cdot X_{МО} + 0,595 \cdot X_{МЛА} - 0,682 \cdot X_{МП} - 0,790 \cdot X_{ПР} + 0,879 \cdot X_{ПП},$$

где $Y_{ОВ}$ – уравнение регрессии; $X_{СП}$ – скорость психомоторная; $X_{ЭрП}$ – эргичность психомоторная; $X_{МО}$ – мотив общения; $X_{МЛА}$ – моторная левосторонняя асимметрия; $X_{МП}$ – мотив поощрения; $X_{ПР}$ – программирование; $X_{ПП}$ – пластичность психомоторная.

Характеристикой *инаттенционной* (от англ. *inattentive* – невнимательный) личности являются такие особенности учащихся, включенных в спортивную деятельность, как узкая сфера психомоторной деятельности, нежелание физически напрягаться, низкая вовлеченность в процесс деятельности и ее избегание, что не позволяет более точно и детали-

зированно выполнять необходимые двигательные акты. Такие личности подвержены тенденции совершать ошибки из-за невнимательности, им присуща заторможенность психомоторики, что проявляется в низкой скорости двигательных операций при выполнении каких-либо действий. Неустойчивость к усложнению двигательных задач и низкий уровень помехоустойчивости влекут за собой импульсивность реакций, вследствие чего спортсмены не могут самостоятельно сформировать программу действий, это часто приводит к неадекватности полученных результатов поставленным целям. Движимые мотивами поощрения, связанными с желанием повидать страны, встретиться с людьми «большого» спорта, освободиться от уроков, спортсмены не вносят изменений в программу действий, выбирая путь проб и ошибок. Однако в экстремальных ситуациях такие учащиеся-спортсмены достаточно успешны.

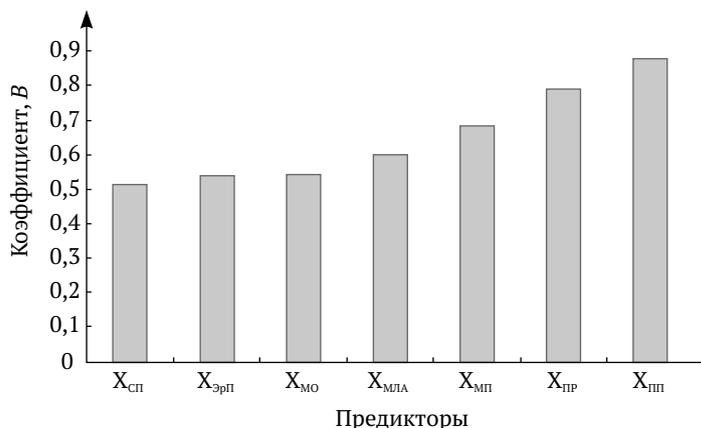

Рис. 1. Когнитивный профиль инаттенционной личности
Fig. 1. The Cognitive profile of the inattentive individual

Личностям с *инаттенционным когнитивным профилем* следует:

- развивать устойчивость внимания, используемые для этой цели упражнения должны выполняться с дополнительными внешними помехами (например, может использоваться аудиально-визуальный ряд);

- использовать на тренировках объемную нагрузку;

- на этапе выбора следует обратить внимание на интеллектуальные виды спорта, где необходимо тщательно продумывать каждый ход, рассчитывать точность удара, строить многоходовой алгоритм (шахматы, шашки, бильярд, бег на длинные дис-

⁷Реестр зарегистрированных компьютерных программ 2013 [Электронный ресурс] // Национальный центр интеллектуальной собственности Республики Беларусь. Минск, 2013. URL: http://www.belgopatent.org.by/index.php?option=com_content&view=article&id=735&Itemid=74 (дата обращения: 05.06.2014).

танции, биатлон, лыжи, конькобежный спорт), так же они могут достичь успехов в спортивных танцах или фигурном катании.

Кроме того, тренерам следует мотивировать спортсменов с данным профилем при помощи положительной оценки их деятельности (например, словесной похвалы), а также избегать словесного порицания.

Обливионный профиль реализуется через проявление ошибок памяти по формуле (рис. 2):

$$Y_{\text{ОП}} = 14,764 - 0,290 \cdot X_{\text{САМ}} - 0,354 \cdot X_{\text{СПА}} + 0,369 \cdot X_{\text{ВСК}} - 0,426 \cdot X_{\text{ПОЗН}} + 0,465 \cdot X_{\text{ТЕХ}},$$

где $Y_{\text{ОП}}$ – ошибки памяти; $X_{\text{САМ}}$ – мотив самосовершенствования; $X_{\text{СПА}}$ – сенсорная правосторонняя асимметрия; $X_{\text{ВСК}}$ – волевой самоконтроль; $X_{\text{ПОЗН}}$ – познавательные помехи; $X_{\text{ТЕХ}}$ – технические помехи.

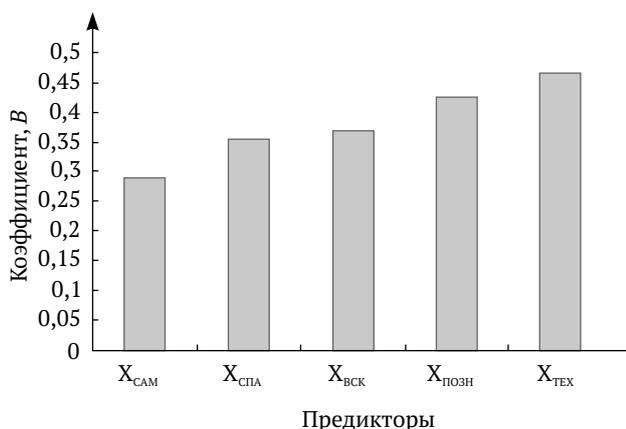

Рис. 2. Когнитивный профиль обливионной личности
 Fig. 2. The Cognitive profile of the oblivion individual

Обливионная (от англ. *oblivion* – забывчивость) личность. Учащиеся, совершающие ошибки памяти из-за сбоя в мнемической системе, не стремятся к самосовершенствованию посредством занятия спортом. Их отличает спокойствие, уверенность в себе, ответственность, устойчивость намерений, реалистичность взглядов, развитое чувство внутреннего долга. Как правило, они хорошо рефлексируют над собственными мотивами, планомерно реализуют намерения, умеют распределять усилия, способны контролировать поступки, обладают выраженной социальной направленностью. Однако в предельных случаях возможно нарастание внутренней напряженности, связанной со стремлением контролировать каждый нюанс собственного поведения и с тревогой по поводу малейшей спонтанности поступков. Поэтому в ответственные моменты спортсменов посещают навязчивые мысли, связанные с предстоящим выступлением, а также мысли о неудаче, неправильном представлении движений, что объясняет их подверженность техниче-

ским трудностям, которые проявляются в нарушении или потере координации, несоответствии темпа движений.

Учащимся, для которых характерны черты обливионной личности, необходимо:

- развивать произвольное переключение внимания на раздражители, используя возбуждающий вариант разминки;
- обучаться аутогенной тренировке (мобилизация);
- использовать соревновательный метод в тренировках и интенсивную нагрузку;
- при выборе вида спорта следует обратить внимание на бег с препятствиями, десятиборье, каратэ и другие виды борьбы, командные игры, например, футбол, хоккей.

Тренерам на таких спортсменов следует оказывать внушающее влияние.

Омиссионный профиль выражен ошибками действий (рис. 3):

$$Y_{\text{ОД}} = 19,614 - 0,370 \cdot X_{\text{САМР}} + 0,547 \cdot X_{\text{НАСТ}} - 0,569 \cdot X_{\text{СПА}} - 0,611 \cdot X_{\text{САМ}} + 0,667 \cdot X_{\text{МО}},$$

где $Y_{\text{ОД}}$ – ошибки действия; $X_{\text{САМР}}$ – саморегуляция; $X_{\text{НАСТ}}$ – настойчивость; $X_{\text{СПА}}$ – сенсорная правосторонняя асимметрия; $X_{\text{САМ}}$ – мотив самосовершенствования; $X_{\text{МО}}$ – мотив общения.

Для омиссионной (от англ. *omission* – упущение, бездействие, недоработка) личности, часто совершающей ошибки действий, характерны спонтанность и импульсивность, результатом является неумение осознанно планировать и программировать свое поведение, а также зависимость от ситуации и мнения окружающих людей. Из-за низкого уровня осознанной саморегуляции спортсмены медленно овладевают новыми видами активности, неуверенно чувствуют себя в незнакомых ситуациях, что сказывается на стабильности их успехов в привычных видах деятельности. В тоже время они показывают себя как деятельные, работоспособные люди, активно стремящиеся к выполнению намеченного, но в крайнем выражении возможна

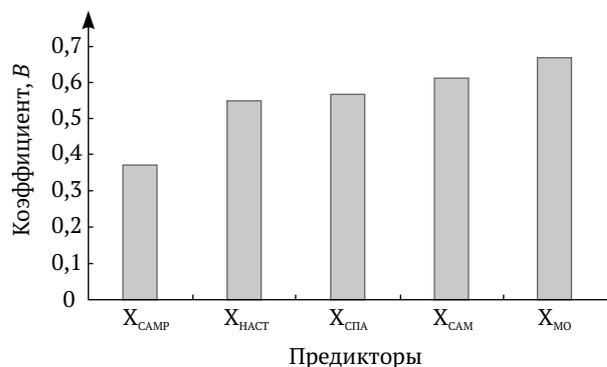

Рис. 3. Когнитивный профиль омиссионной личности
 Fig. 3. The Cognitive profile of the omission individual

утрата гибкости поведения, появление маниакальных тенденций.

Учащимся с оmissионным когнитивным профилем рекомендуется:

- использовать успокаивающий вариант разминки;
- освоить успокаивающий вид аутогенной тренировки;
- на этапе выбора вида спорта следует присмотреться к боксу, различным видам борьбы, дающим естественный выплеск накопившейся энергии. Такие спортивные занятия дают психологическую раз-

рядку негативным эмоциям. Занятия плаванием также хорошо снимают эмоциональное напряжение.

Тренерам следует со спортсменами с данным типом личности проводить психорегулирующие тренировки (организация поведения на старте).

Для определения ведущего профиля следует обратить внимание на наиболее характерные признаки. Например, высокие показатели психомоторной пластичности, неумение человека продумывать последовательность своих действий, импульсивность могут свидетельствовать о преобладании инаттенционной личности.

Заключение

Таким образом, выделены типологические мотивационные, формально-динамические и психомоторные особенности личности, подверженной совершению ошибок. На основании особенностей построены когнитивные профили, соответствующие сенсорной, мнемической и регуляторной составляющим когнитивной сферы. Это инаттенционный, обливионный и оmissионный профили

лиц, не страдающих психическими личностными расстройствами. Понимание характерных особенностей каждого профиля личности позволяют посредством предупреждения когнитивной ошибочной деятельности повысить качество когнитивных и соревновательных способностей учащихся-спортсменов олимпийского резерва, задействованных в учебно-тренировочном процессе.

Библиографические ссылки

1. Безруких ММ, Фарбер ДА. *Развитие мозга и формирование познавательной деятельности ребенка*. Москва: Издательство Московского психолого-социального института; 2013.
2. Хомская ЕД. *Нейропсихология*. Санкт-Петербург: Питер; 2005.
3. Цветкова ЛС. *Введение в нейропсихологию и восстановительное обучение*. Москва: МПСИ; 2000.
4. Костичева ВН. Этимологические свидетельства когнитивных предпосылок феномена ошибка. *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. 2013;2(23):94–100.
5. Аллахвердов ВМ. *Сознание как парадокс*. Санкт-Петербург: ДНК; 2000.
6. Волков ДН, Аллахвердов ВМ, Берашкович ВА, Карпинская ВЮ, Морошкина НВ, Кувалдина МБ, и др. Коррекция когнитивных ошибок у спортсменов высокой квалификации. *Спортивный психолог*. 2013;1(28):32–38.
7. Карпов АД, Андриянова НВ. Феномен устойчивых ошибок при решении когнитивных задач: описание и прогнозирование последствий негативного выбора. *Вестник Ярославского государственного университета им. В. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки*. 2015;3(33):98–104.
8. Кустова ГИ. *Типы производных значений и механизмы языкового расширения*. Москва: Языки славянской культуры; 2004.
9. Семенова ТИ. Ошибочные когнитивные сквозь призму языка. *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. 2010;3:136–143.
10. Лобанов АП. *Интеллект и ментальные репрезентации: образовательный подход*. Минск: БГПУ; 2010.
11. Холодная МА. *Психология интеллекта: парадоксы исследования*. Санкт-Петербург: Питер; 2002.
12. Бек А, Фримен А. *Когнитивная психотерапия расстройств личности. Практикум по психотерапии*. Санкт-Петербург: Питер; 2002.
13. Бернштейн НА. *О построении движений*. Москва: Книга по требованию; 2012.
14. Зинченко ВП. *Сознание и творческий акт*. Москва: Языки славянских культур; 2010.
15. Гириная АЮ. Адаптация опросника «Когнитивные ошибки» в белорусских социокультурных условиях. *Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 2. Педагогика, психология, методика преподавания иностранных языков*. 2016;1(29):33–43.
16. Broadbent DE, Cooper PF, FibGerald P, Parkes KR. The Cognitive Failures Questionnaire (CFQ) and its correlates. *British Journal of Clinical Psychology*. 1982;21:1–16. DOI: 10.1111/j.2044-8260.1982.tb01421.x.
17. Калинин ЕА. *Опросник мотивации спортивной деятельности*. Москва: ВНИИФК; 1962.
18. Моросанова ВИ, Аронова ЕА. Саморегуляция и самосознание субъекта. *Психологический журнал*. 2008;2(1):14–22.
19. Русалов ВМ. *Темперамент в структуре индивидуальности человека: дифференциально-психофизиологические и психологические исследования*. Москва: ИП РАН; 2012.
20. Зверков АГ, Эйдман ЕВ. Диагностика волевого самоконтроля (опросник ВСК). В: Земченко АИ, Карлинская ИМ, Пантеев СР, Шмелев АГ, Эйдман ЭВ. *Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции*. Москва: МГУ; 1990. с. 116–124.
21. Мельник ЕВ, Силич ЕВ. Модель психологической подготовленности спортсменов в сложнокоординационных видах спорта. *Информационно-аналитический бюллетень. Выпуск 14. Модели подготовки ближайшего резерва и национальных команд к Олимпийским играм*. Минск: БГУФК; 2012. с. 210–226.

References

1. Bezrukikh MM, Farber DA. *Razvitiye mozga I formirovaniye poznavatel'noi deyatel'nosti rebenka* [The Brain development and formation of cognitive activity of the child]. Moscow: Publishing house of the Moscow psychological and social Institute; 2013. Russian.
2. Khomskaya ED. *Neiropsikhologiya* [Neuropsychology]. Saint Petersburg: Piter; 2005. Russian.
3. Tsvetkova LS. *Vvedeniye v neiropsikhologiyu i vosstanovitel'noye obucheniye* [The Introduction to neuropsychology and rehabilitation training]. Moscow: MPSI; 2000. Russian.
4. Kosticheva VN. Etymological evidence at the cognitive basis of the concept mistake. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Irkutsk State Linguistic University Bulletin]. 2013;2(23):94–100. Russian.
5. Allakhverdov VM. *The Consciousness as a paradox*. Saint Petersburg: DNK; 2000. Russian.
6. Volkov DN, Allakhverdov VM, Berashkovich VA, Karpinskaya VYu, Moroshkina NV, Kuvaldina MB et al. [The Correction of cognitive errors in athletes of high qualification]. *Sportivnyi psikholog* [Sports Psychologist]. 2013;1(28):32–38. Russian.
7. Karpov AD, Andriyanova NV. Phenomenon of Recurring errors in doing cognitive tasks: description and prediction of the negative choice aftereffect. *Vestnik Yaroslavl'skogo gosudarstvennogo universiteta im. V. G. Demidova. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Yaroslavl State University Bulletin. Series of Humanitarian Sciences]. 2015;3(33):98–104. Russian.
8. Kustova GI. *Tipy proizvodnykh znachenii i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [The types of derivative meanings and mechanisms of language extensions]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur; 2004. Russian.
9. Semenova TI. Erroneous cognitions from linguistic view point. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Irkutsk State Linguistic University Bulletin]. 2010;3:136–143. Russian.
10. Lobanov AP. *Intellekt i mental'nye reprezentatsii: obrazovatel'nyi podkhod* [The Intelligence and the mental representations: an educational approach]. Minsk: BSPU; 2010. Russian.
11. Kholodnaya MA. *Psikhologiya intellekta: paradoksy issledovaniya* [The Psychology of intelligence: the paradoxes of research]. Saint Petersburg: Piter; 2002. Russian.
12. Bek A, Freeman A. *Cognitive therapy of personality disorders*. New York, London: The gufford press; 1990. Russian edition: Bek A, Freeman A. *Kognitivnaya psikhoterapiya rasstroistv lichnosti. Praktikum po psikhoterapii*. Saint Petersburg: Piter; 2002. Russian.
13. Bernshtein NA. *O postroenii dvizhenii* [About the construction of movements]. Moscow: Kniga po trebovaniyu; 2012. Russian.
14. Zinchenko VP. *Soznanie i tvorcheskii akt* [The Consciousness and the creative act]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur; 2010. Russian.
15. Hirynskaya AYu. Adaptation of the Cognitive Failures Questionnaire in the Belarusian Sociocultural Conditions. *Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya 2. Pedagogika, psikhologiya, metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 2. Pedagogy, psychology, methods of foreign language teaching]. 2016;1(29):33–43. Russian.
16. Broadbent DE, Cooper PF, FibGerald P, Parkes KR. The Cognitive Failures Questionnaire (CFQ) and its correlates. *British Journal of Clinical Psychology*. 1982;21:1–16. DOI: 10.1111/j.2044-8260.1982.tb01421.x.
17. Kalinin EA. *Oprosnik motivatsii sportivnoi deyatel'nosti* [The Motivation of the Sports Activities Questionnaire]. Moscow: VNIIFK; 1962. Russian.
18. Morosanova VI, Aronova EA. Samoregulyatsiya i samosoznanie sub'ekta [Self-regulation and self-consciousness of the subject]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]. 2008;2(1):14–22. Russian.
19. Rusalov VM. *Temperament v strukture individual'nosti cheloveka: differentsial'no-psikhofiziologicheskie i psikhologicheskie issledovaniya* [The Temperament in the structure of human individuality: differential psychophysiological and psychological studies]. Moscow: IP RAN; 2012. Russian.
20. Zverkov AG, Eidman EV. [Diagnostics of the volitional self-control]. In: Zemchenko AI, Karlinskaya IM, Pantileev SR, Shmelev AG, Eidman EV. *Praktikum po psikhodiagnostike. Psikhodiagnostika motivatsii i samoregulyatsii*. Moscow: Moscow State University; 1990. p. 116–124. Russian.
21. Mel'nik EV, Silich EV. Model' psikhologicheskoi podgotovlennosti sportsmenov v slozhnokoordinatsionnykh vidakh sporta [The Model of psychological preparedness of athletes in complex coordination sports]. *Informatsionno-analiticheskii byulleten'. Vypusk 14. Modeli podgotovki blizhaishego rezerva i natsional'nykh komand k Olimpiiskim igram*. Minsk: BSUFK; 2012. p. 210–226. Russian.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

THE CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

XII НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «ИННОВАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ»

XII SCIENTIFIC-THEORETICAL SEMINAR «INNOVATIVE STRATEGIES OF MODERN SOCIAL PHILOSOPHY»

В г. Минске 21 марта 2018 г. прошел XII научно-теоретический семинар «Инновационные стратегии в современной социальной философии». Начиная с 2006 г. этот семинар ежегодно проводится кафедрой философии и методологии науки факультета философии и социальных наук БГУ и является важным событием в научной жизни молодых ученых, аспирантов и студентов. Серия междисциплинарных научно-теоретических семинаров «Инновационные стратегии в современной социальной философии» представляет собой оригинальный научно-коммуникативный проект, основной целью которого является создание постоянно действующей дискуссионной площадки для обсуждения разнообразных философских идей и подходов, продвижения инновационных социальных проектов и технологий. Семинар ориентирован на аудиторию, состоящую из молодых исследователей, и призван способствовать развитию креативного потенциала молодежи, занимающейся наукой. Концептуально-теоретическая программа семинара базируется на важнейших результатах и исследовательских традициях кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук БГУ, которую уже на протяжении более 30 лет возглавляет профессор А. И. Зеленков

Особенностью семинаров этой серии является формирование условий для продуктивного диалога признанных мэтров современной науки, ведущих профессоров и преподавателей, известных ученых и специалистов в различных областях философского и социально-гуманитарного познания с молодыми коллегами и исследователями, только начинающими свой путь в науке. Именно поэтому

начиная с 2015 г. междисциплинарные семинары «Инновационные стратегии в современной социальной философии» функционируют под эгидой профессорского собрания БГУ. Пленарные заседания семинаров проводятся в форме своеобразных мастер-классов, где известные ученые, опытные профессора и преподаватели делятся с молодой аудиторией результатами своей научной деятельности, обсуждают актуальные проблемы и тренды развития мировой философии и науки в открытой дискуссии со студентами, магистрантами, аспирантами разных специальностей и научных направлений.

Следует отметить, что в работе семинаров принимают активное участие специалисты различных гуманитарных и естественно-научных дисциплин. Философы, культурологи, социологи, психологи, историки и этнологи, юристы и политологи, будущие дипломаты и переводчики, журналисты и литераторы, а также молодые математики, физики, географы, биологи – все, кто заинтересован в расцвете белорусской науки и культуры, эффективном развитии белорусской экономики и государственности, совершенствовании правового и экологического общественно-го сознания, укреплении духовно-нравственных традиций белорусского народа, его национальной и культурно-исторической идентичности приглашаются к участию в проекте и имеют возможность предлагать варианты дальнейшего развития страны и ее общества.

В 2016 г. семинар отметил свой первый десятилетний юбилей, к этому событию было приурочено проведение Международной научной конферен-

ции «Диалог культур в эпоху глобальных рисков», которая проходила 17–18 мая 2016 г. на площадках Национальной библиотеки Беларуси и факультета философии и социальных наук БГУ. В конференции приняли участие более 200 участников из Беларуси, России, Украины, Турции, Эстонии и других стран.

Состоявшийся 21 марта 2018 г. XII научно-теоретический семинар был посвящен теме «Современная философия и национальный культурный ландшафт». В работе семинара приняли участие более 90 молодых ученых и преподавателей различных факультетов БГУ, а также Республиканского института высшей школы, Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Минского государственного лингвистического университета, Белорусского национального технического университета, Института философии НАН Беларуси.

На пленарном заседании семинара с докладами выступили доктор исторических наук проректор БГУ Сергей Николаевич Ходин (тема доклада – «Модернизационные процессы в Беларуси: этапы и формы»), кандидат философских наук доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук БГУ Виктория Валентиновна Анохина («Парадигма “зеленого роста”: конфликт интерпретаций»), аспирант кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук БГУ Алексей Иванович Верещако («Акторно-сетевая теория в контексте современной философии техники») и ма-

гистрант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета БГУ Виктор Павлович Сухопаров («Философско-методологический анализ проблемы источников права (мировоззренческие аспекты)»).

После пленарного заседания работа семинара продолжилась в рамках четырех форумов по следующим направлениям:

- перспективы и риски национального развития в эпоху глобализации;
- философия и новые горизонты духовности;
- диалог культур и геополитическая нестабильность;
- экология и современные социальные практики.

Завершился семинар круглым столом, на котором были обсуждены итоги его работы, прозвучали положительные оценки и рекомендации о перспективах дальнейшего развития. По итогам работы XII семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии» был подготовлен сборник научных статей, авторами которых стали как известные ученые, так и начинающие исследователи, представляющие различные направления социогуманитарного и естественно-научного знания, что полностью соответствует формату и духу данного мероприятия.

*А. И. Зеленков¹,
Д. Г. Доброродный²*

¹Анатолий Изотович Зеленков – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии и методологии науки, заведующий кафедрой философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Anatoly I. Zelenkov, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy and methodology of science, head of the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: zelenkov-antl@yandex.by

²Данила Григорьевич Доброродный – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Danila G. Dabrarodni, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: danila_dobr@mail.ru

МАРКС И МАРКСИЗМ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

MARX AND MARXISM IN THE CONTEXT OF MODERNITY

В 2018 г. исполнилось 200 лет со дня рождения Карла Маркса. Он родился 5 мая 1818 г. в прусском городе Трир.

Еще при жизни К. Маркса единомышленники объявляли его идеи гениальными, а оппоненты подвергали их жесточайшей критике. Оценки марксизма в последовавшей культуре практически не изменились. Имя и идеи К. Маркса либо боготворились, либо тотально не принимались.

Судьба людей, подобных К. Марксу, всегда занимает наше воображение. Это – исторический пример того влияния, которое оказала данная личность на современный мир. Можно увидеть, какую силу имели практическая философия и аналитическая прозорливость К. Маркса, безотносительно цвета и топоса пространства, для его эпигонов, которыми выступали приверженцы пропагандируемого им образа жизни и мысли.

Так, современный французский экономист, писатель, политический деятель Жак Аттали в книге «Карл Маркс: Мировой дух» (2005) заметил: «Ни один человек не оказал на мир большего влияния, чем Карл Маркс в XX веке». Лично знакомый с К. Марксом русский писатель П. В. Анненков в «Литературных воспоминаниях» так оценил credo мыслителя: «Сам Маркс представлял из себя тип человека, сложенного из энергии, воли и несокрушимого убеждения. Он имел вид человека, имеющего право и власть требовать уважения, каким бы не являлся перед вами и что бы ни делал. Все его движения были смелы и самонадеянны. Все приемы были горды и как-то презрительны, а резкий голос, звучавший как металл, шел удивительно к радикальным приговорам над лицами и предметами, которые он произносил».

Мировая пресса часто приводит различного рода данные интернет-опросов, касающихся личности К. Маркса. Так, согласно данным опроса, проведенного в 1999 г. телевещательной организацией ВВС, К. Маркс был назван величайшим мыслителем тысячелетия. По данным каталога Библиотеки конгресса США, К. Марксу посвящено больше научных трудов, чем любому другому человеку. По этому критерию мыслитель возглавляет список 100 самых изученных личностей в истории. Его идеи исследуют в университетах Германии, США, Франции, не говоря уже о Китае.

Во многих университетах, научных центрах Европы, Азии и Америки отмечают юбилей К. Маркса. На факультете философии и социальных наук БГУ 26–27 апреля 2018 г. состоялась Международная на-

учная конференция «Маркс и марксизм в контексте современности», посвященная 200-летию со дня рождения К. Маркса.

Конференция вызвала научный интерес среди представителей социально-гуманитарного знания не только Беларуси, но и других стран (Армения, Казахстан, Россия, Украина). Высокий уровень конференции подтверждается научным статусом ее участников. В конференции приняли участие 3 члена-корреспондента, 28 докторов наук, 61 кандидат наук. Были представлены научные направления философии, социологии, экономики, истории, филологии, педагогики, физики и математики.

В рамках конференции были заявлены три секции: «Социально-политические идеи К. Маркса и современность» (модераторы профессор А. В. Рубанов и доцент Н. В. Курилович), «Философское наследие Карла Маркса и его современные интерпретации» (модераторы профессор Т. Г. Румянцева и доцент А. Ю. Дудчик), «Марксизм и актуальные цивилизационные вызовы» (модераторы профессор Я. С. Яскевич и доцент С. В. Воробьева). В рамках конференции также состоялся научный семинар молодых ученых «К. Маркс: *pro et contra*». Всего было подано 140 заявок.

Пленарное заседание началось с исполнения произведения Иоганна Баха лауреатом международных конкурсов скрипачом Ильей Синицой, что создало особую интеллектуальную и духовную атмосферу. Затем слово было предоставлено декану факультета философии и социальных наук БГУ В. Ф. Гигину, который зачитал приветственное письмо Министра образования И. В. Карпенко. Министр высоко оценил саму идею конференции и ее значимость для социально-гуманитарного знания Республики Беларусь.

Открывая конференцию, В. Ф. Гигин подчеркнул, что подобные форумы впредь станут интеллектуальной площадкой на факультете философии и социальных наук БГУ, предназначенной для обсуждения злободневных проблем гуманитарного знания в его широком диапазоне, т. е. тех проблем, которые приобретают в настоящее время все большее значение в современном цивилизационном развитии.

На пленарном заседании был заслушан ряд докладов по актуальным проблемам марксизма в контексте современности.

Доктор философских наук, профессор заведующая кафедрой философии и методологии гуманитарных наук факультета культурологии и со-

циокультурной деятельности Белорусского государственного университета культуры и искусств М. А. Можейко выступление посвятила анализу значения для современной гуманитаристики деятельностного подхода К. Маркса.

На актуальную тему «Посткоммунизм и некоторые проблемы интерпретации марксистской традиции» выступил доктор философских наук, профессор заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета В. А. Гуртов.

Кандидат исторических наук, доцент декан факультета философии и социальных наук БГУ В. Ф. Гигин в своем докладе представил нестандартную авторскую концепцию диктатуры пролетариата в советской политической практике.

В своем докладе доктор физико-математических наук, профессор декан экономического факультета БГУ М. М. Ковалёв затронул тему «К. Маркс и современное экономическое развитие». Данное выступление вызвало оживленный интерес среди слушателей, поскольку были подняты злобод-

невные проблемы экономики современного мира и Беларуси.

Доктор философских наук, профессор заведующий кафедрой философии педагогического факультета Гродненского государственного университета имени Я. Купалы Ч. С. Кирвель посвятил доклад судьбе тезиса К. Маркса об абсолютном обнищании пролетариата в эпоху глобального капитализма.

В ходе обсуждений на секциях основное внимание было уделено таким вопросам, как социальные и философские истоки формирования взглядов К. Маркса, К. Маркс и проблемы философии истории, «Капитал» К. Маркса и актуальные проблемы политической экономии, марксизм, неомарксизм и постмарксизм, марксизм и вызовы современной цивилизации, марксизм и парадоксы модернизации постсоветских стран, идеи К. Маркса в Беларуси и т. д.

По итогам работы запланирован выпуск сборника материалов конференции.

*А. А. Легчилин*¹

---

¹Анатолий Александрович Легчилин – кандидат философских наук, доцент; заведующий кафедрой философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Anatoli A. Liahchylin, PhD (philosophy), docent; head of the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: liahchylin@bsu.by

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN THE BSU

УДК 159.942.5(075.8)+316.624(075.8)

Психология агрессии и насилия [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-86 01 01 «Социальная работа (по направлениям)» / сост. К. В. Стволыгин ; ГИУСТ БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2017. 159 с. : табл. Библиогр.: с. 144–146. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/200185>. Загл. с экрана. Деп. 04.07.2018, № 005304072018.

Электронный учебно-методический комплекс предназначен для студентов специальности 1-86 01 01 «Социальная работа (по направлениям)». ЭУМК включает в себя 4 раздела: теоретический, практический, контроля знаний и вспомогательный, которые содержат базовый курс лекций для теоретического изучения учебной дисциплины «Психология агрессии и насилия» в объеме, установленном типовым учебным планом, также в них указаны тематики семинарских занятий по курсу, темы рефератов, примерные вопросы итоговой аттестации, перечень учебных изданий, рекомендуемых для изучения учебной дисциплины, методики проведения эмпирических исследований.

СОДЕРЖАНИЕ

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К. МАРКСА

<i>Пашков В. П.</i> Производительные силы в учении Карла Маркса	4
<i>Гуторов В. А.</i> Посткоммунизм и некоторые проблемы интерпретации марксистской традиции	9
<i>Кирвель Ч. С.</i> Судьба тезиса К. Маркса об абсолютном обнищании пролетариата в эпоху современного глобального капитализма	16
<i>Легчилин А. А.</i> Философская антропология К. Маркса	23

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Румянцева Т. Г.</i> Модель социализма А. А. Богданова	28
<i>Сидоренко И. Н.</i> Сущность онтологического нигилизма и проблема его преодоления	36
<i>Чеблакова Л. А.</i> Методологический анализ капитализма и концепция социального действия Макса Вебера	43
<i>Овсейчик Е. В.</i> Философия диалога Мартина Бубера как основание современной экологической этики	48

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Яскевич Я. С.</i> Социальная аналитика и цифровая экономика в контексте глобальной коммуникации и вызовы информационного общества	52
<i>Новиков В. Т., Новикова О. В.</i> Техногенная цивилизация: концептуальные основания и тенденции динамики	58

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Шостак Л. А.</i> Коммуникативные реакции на ревность в ситуациях дружеской триангуляции....	64
--	----

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Авин А. И.</i> Особенности дезадаптивного поведения при алкогольной зависимости, связанные с алекситимией	73
<i>Кухтова Н. В.</i> Просоциальность в структуре профессионально важных качеств медицинских работников	78

МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Сергеев В. Н.</i> Вербальные правила и следование им: к проблеме средовой детерминации поведения в современном бихевиоризме	83
<i>Морозов А. А.</i> Общие стили принятия решений военнослужащих (адаптация опросника)	95
<i>Фурманов И. А., Метлицкий И. Е.</i> К вопросу о судебной экспертизе психологических признаков достоверности показаний в уголовном процессе	107

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Булышко О. В., Казак Т. В.</i> Экспериментальные исследования влияния психологических и психофизиологических характеристик на надежность профессиональной деятельности водителей различных классов профессиональной пригодности	113
<i>Гиринская А. Ю.</i> Когнитивные профили учащихся, включенных в спортивную деятельность....	123

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

<i>Зеленков А. И., Доброродный Д. Г.</i> XII научно-теоретический семинар «Инновационные стратегии в современной социальной философии»	129
<i>Легчилин А. А.</i> Маркс и марксизм в контексте современности	131
Аннотации депонированных в БГУ работ	133

CONTENTS

TO THE 200th ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF K. MARX

<i>Pashkov V. P.</i> Productive forces in Karl Marx teaching	4
<i>Gutorov V. A.</i> Post-communism and some problems of interpretation of the marxist tradition	9
<i>Kirvel Ch. S.</i> Destiny of the thesis by K. Marx on absolute impoverishment of proletariat in the context of modern global capitalism.....	16
<i>Liahchylin A. A.</i> Philosophical anthropology of K. Marx	23

HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>Rumyantseva T. G. A. A.</i> Bogdanov's model of socialism	28
<i>Sidorenko I. N.</i> The essence of ontological nihilism and the problem of its overcoming	36
<i>Cheblakova L. A.</i> Methodological analysis of capitalism and the concept of Max Weber social impact	43
<i>Osveichik E. V.</i> Martin Buber's philosophy of dialogue as the basis for modern environmental ethics	48

SOCIAL PHILOSOPHY

<i>Yaskevich Ya. S.</i> Social analytics and the digital economy in the context of global communication and the challenges of the information society	52
<i>Novikov V. T., Novikova O. V.</i> Technogenic civilization: conceptual foundations and dynamics trends	58

SOCIAL PSYCHOLOGY

<i>Shostak L. A.</i> Communicative responses to jealousy in situations of the friendly triangulation.....	64
---	----

MEDICAL PSYCHOLOGY

<i>Avin A. I.</i> On the particularities of deviant behaviour in the case of alcoholism connected to alexithymia.....	73
<i>Kukhtova N. V.</i> Prosociality as professional important qualities of the healthcare providers	78

METHODS OF PSYCHOLOGICAL RESEARCH

<i>Sergeev V. N.</i> Verbal rules and rule-following: to the problem of environmental determination of behavior in modern behaviorism.....	83
<i>Marozau A. A.</i> General decision making styles of military personnel (adaptation of the questionnaire)	95
<i>Fourmanov I. A., Metlickij I. E.</i> To the question on judicial examination of psychological signs of reliability of indications in criminal trial.....	107

PSYCHOLOGICAL RESEARCHES

<i>Bulynko O. V., Kazak T. V.</i> Experimental studies of the influence of psychological and psychophysiological characteristics on the reliability of professional activity of drivers of different classes of suitability	113
<i>Hirynskaya A. Yu.</i> The cognitive profiles of pupils involved in sports activity	123

THE CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

<i>Zelenkov A. I., Dabrarodni D. G.</i> XII scientific-theoretical seminar «Innovative strategies of modern social philosophy»	129
<i>Liahchylin A. A.</i> Marx and Marxism in the context of modernity	131
Indicative abstracts of the papers deposited in the BSU.....	133

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по философским, психологическим и социологическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета.
Философия. Психология.
№ 3. 2018**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jpsychol@bsu.by

«Журнал Белорусского государственного
университета. Философия. Психология»
издается с 2007 г.

До 2017 г. выходил под названием
«Философия и социальные науки»
(ISSN 2218-1385).

Редактор *О. А. Бабашова*
Технический редактор *Т. А. Караневич*
Корректор *К. Б. Скакун*

Подписано в печать 24.09.2018.

Тираж 100 экз. Заказ 289.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2018

**Journal
of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology.
No. 3. 2018**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jpsychol@bsu.by

«Journal of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology»
published since 2007.

Until 2017 named
«Filosofiya i sotsial'nye nauki»
(ISSN 2218-1385).

Editor *O. A. Babashova*
Technical editor *T. A. Karanovich*
Proofreader *K. B. Skakun*

Signed print 24.09.2018.

Edition 100 copies. Order number 289.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 3 March, 2014.
17 Kal'variiskaya Str., Minsk 220004.

© BSU, 2018